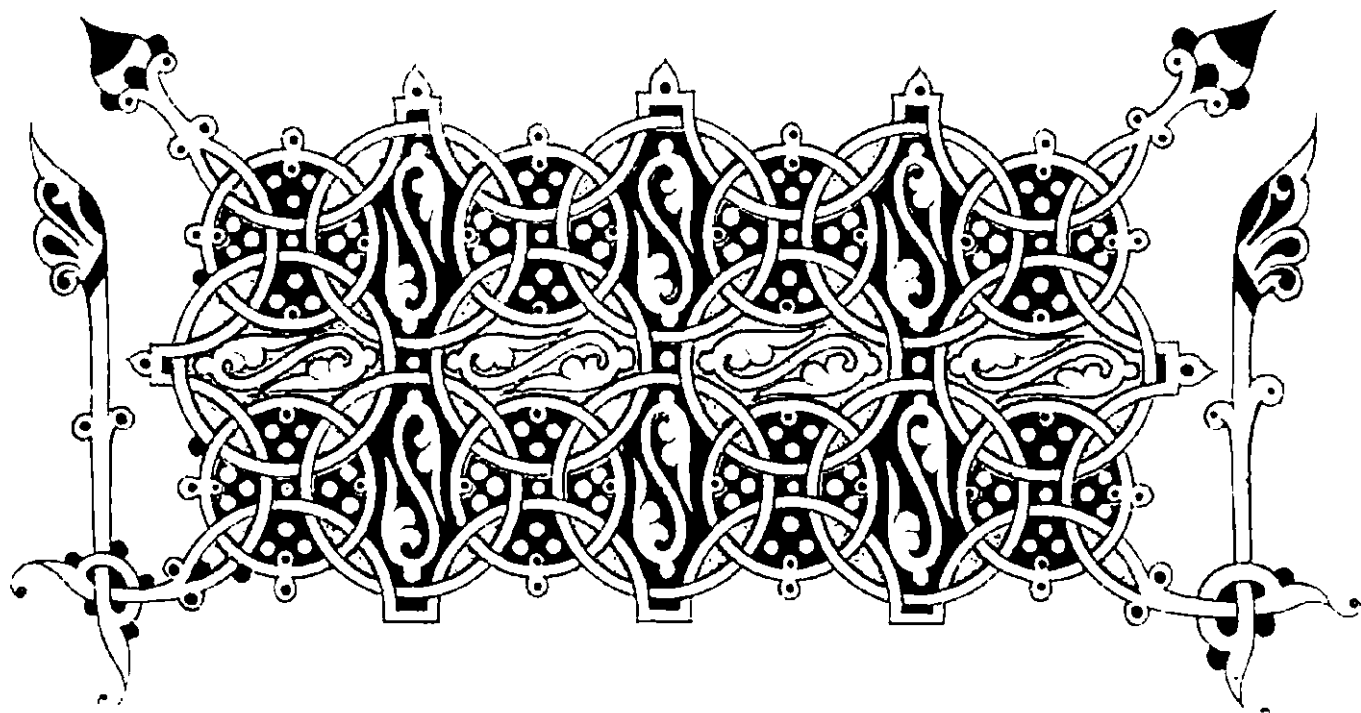

Н. А. Кондрашов

Славянские языки

Москва
Просвещение
1986

ББК 81.2
К64

Рецензент

*доктор филологических наук,
проф. кафедры общего языкознания
МГПИ им. В. И. Ленина А. Н. Стеценко*

Кондрашов Н. А.

К64 **Славянские языки: Учеб. пособие для студентов филол. спец пед. ин-тов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1986. — 239 с.**

В пособии излагаются сведения о всех славянских языках в их современном состоянии, рассказывается о том, как сформировались восточнославянские, западнославянские и южнославянские языки. В сжатой форме характеризуются их грамматический строй, фонетика, лексика, приводятся сведения о графике и орфографии каждого славянского языка.

К 4309000000—286 208—85
103(03)—86

ББК 81.2

4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. Хотя в учебном плане педагогических институтов нет специального курса, рассказывающего о славянских языках, особенностях их фонетического и грамматического строя, словарном составе, но без знания этих фактов невозможна полная и всесторонняя подготовка будущего учителя-словесника, который должен не только научить родному языку, но и показать его место в системе мировых языков, а также в семье близкородственных славянских языков.

История славянских языков говорит об общности их происхождения. Чем дальше мы проникаем в глубь истории каждого славянского языка, тем более убеждаемся в происхождении их от одного языка-основы. Еще русские летописцы писали: «Бе един языкъ словенеск».

Изучение основных языковедческих предметов (старославянского языка, исторической грамматики, истории русского литературного языка и современного русского языка) органически связано с изучением славянских языков, так как знание многих языковых фактов русского языка опирается на природу языковых явлений, происшедших в истории русского языка. Именно эту сторону лингвистической подготовки отчетливо выразил Ф. Энгельс в полемике с Дюрингом, когда писал: «... «материя и форма родного языка» стаяются понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»¹.

Данная книга, вышедшая впервые в 1956 г. и получившая положительные отзывы, говорящие о необходимости подобного пособия, призвана восполнить пробел, существующий в нашей учебной литературе в области славянского языкознания.

Новое, третье издание существенно отличается от предыдущих. В отличие от первого и второго изданий пособие состоит из двух разделов. Первый раздел посвящен общим сведениям о славянских языковых древностях. Он содержит важнейшие сведения о древних славянах, характеристику праславянского языка, материалы, показывающие роль праславянского языкового наследия применительно к русскому языку, и краткие сведения об изучении славянских языков. Этот раздел завершается очерком о старославянском языке, сыгравшем выдающуюся роль в истории русского литературного языка.

Второй раздел целиком посвящен характеристике современных славянских языков — восточнославянских, западнославянских и южнославянских. Очерки о двенадцати славянских литературных языках (кроме двух серболужичских) построены по единому плану. Их характеристика начинается со сведений по графике и орфографии, которые дают возможность научиться читать на том или ином языке и в которых точкой отсчета, как правило, является русский язык; затем сообщаются сведения о фонетической и морфологической системе, причем для наиболее распространенных славянских языков приводятся образцы склонения и спряжения; далее идут материалы об основных явлениях истории

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 333.

языка, развитии письменности и литературного языка, включая и современные дискуссии о культуре речи; наконец, кратко говорится о диалектном членении каждого языка и важнейших чертах основных диалектных групп. Подобное построение дает возможность провести сопоставление славянских языков друг с другом. После характеристики каждого языка помещены прозаический и стихотворный образцы текста, принадлежащие признанным писателям и поэтам. В конце каждого раздела приводится список дополнительной литературы, включающий важнейшие труды по славянским древностям, сравнительно-историческому изучению славянских языков, учебные пособия, грамматики, словари. Рекомендуемая литература может быть использована по усмотрению ведущего преподавателя и в соответствии с интересами студентов для углубленного изучения того или иного славянского языка или проблемы, связанной с изучением славянских языков.

При подготовке третьего издания пособия автор учел рекомендации и пожелания, высказанные в рецензиях на предыдущие издания.

При транскрибировании славянских слов используется преимущественно латинский алфавит, приспособленный для чешского языка: *ě* означает *ѣ*; *š* — ш; *č* — ч; *ž* — ж; *ch* — х; *ā*, *ō* и т. п. — а, о долгие; *ǎ*, *ǒ* и т. п. — а, о краткие; *ř*, *ř*, *ř*, *ř* — слоговые р, л, м, н; *y* — ы; *l* — л твердое; *l'*, *d'* и т. п. — т. д. мягкие; *o*, *e* — о, е носовые; *ǝ*, *ǝ* — редуцированные ъ, ь; *i*, *u* — и, у неслоговые.

Старославянские слова переданы кириллицей. Все примеры из современных славянских языков даны в существующей орфографии этих языков, сведения о которой помещены в тексте.

В литовских примерах *ê* передает долгое закрытое е. Остальные звуки передаются латиницей. Ударение обозначается следующим образом: *á* (долгое восходящее), *ā* (долгое нисходящее), *à* (ударение на кратком слоге). В примерах из санскрита *ḥ* означает глухое придыхание; *y* — *j*; *ç* — мягкое ш; *j* — дж.

В заключение автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность ныне покойному доктору филологических наук проф. А. Н. Стеценко, ознакомившемуся с переработанным пособием в рукописи и сделавшему ряд замечаний, которые помогли улучшить книгу.

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ И ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ

§ 1. Человек появился в Европе в период палеолита (эпоха первых грубых каменных орудий). Медленно, на протяжении многих тысяч лет, он, совершенствуя свои орудия труда, поднимался все выше и выше по ступеням культуры. За эпохой грубых каменных орудий последовала эпоха тоже каменных, но уже гораздо более совершенных шлифованных орудий (неолит), сменившаяся затем, на рубеже II тысячелетия до н. э., эпохой примитивных металлических орудий. К этому времени человек не только полностью освоил искусство добывания огня, первичной обработки металла, но и научился создавать примитивные жилища и делать простейшие изделия из глины (посуду).

В эпоху неолита Европа и значительная часть южной Азии были заселены множеством небольших человеческих объединений («первобытных орд», по терминологии Ф. Энгельса), уже начавших приобретать некоторые этнические особенности (черты физического облика, язык, культура). Эти особенности и явились основанием для выделения населения этих районов земного шара в особую группу, которой присвоено название индоевропейцев. От индоевропейского периода все индоевропейские языки унаследовали древнейший корнеслов и грамматические показатели (окончания имен и флексии глаголов).

§ 2. Собственное название «славяне» (как и у других народов) появилось сравнительно поздно. Славянские племена долгое время выступали в истории под названием лишь одной их группы («венеды»). Эти вопросы приходится решать на основании данных прежде всего археологии и истории языка.

Первые, правда, еще весьма туманные, письменные известия о славянах восходят к V в. до н. э. Одно из них принадлежит знаменитому греческому историку Геродоту. Рассказывая о жизни древних греков, Геродот упоминает о том, что греческие богачи очень любили украшения из янтаря. Янтарь привозили греческие купцы из далекой страны, лежавшей на севере, у реки Эридан и холодного, бурного моря, где его добывали «иниды». Так как добыча янтаря и торговля им издавна составляли одно из важнейших занятий обитателей юго-восточного по-

бережья Балтийского моря, то нетрудно было сделать вывод что упоминаемый Геродотом народ «иниды» и есть те самые славяне, которые, как это доказано многочисленными историческими источниками, действительно издавна занимались янтарным промыслом. Что же касается названия «иниды», то оно вполне основательно сближается с известным нам из поздних источников названием группы славянских племен, живших в районе Балтийского моря, — «венеды».

Наиболее ранние известия о славянах, которые выступают под именем «венетов» или «венедов», относятся к I и II вв. н. э. и принадлежат римским и древнегреческим писателям Плинию Старшему (23—79 гг.), Тациту (род. ок. 55 — ум. ок. 120 г.) и Птолемию Клавдию (ум. ок. 178 г.). Согласно их свидетельствам, славяне были «великим народом» и заселяли территории на север от Карпат вплоть до Балтийского моря. Более развернутые исторические описания идут от VI в. н. э. Это главным образом «История войн с готами» Прокопия Кесарийского (написана в 551—554 гг.), «Стратегика», приписываемая византийскому императору Маврикию, и «История готов» Иордана. Из этих источников заимствуются сведения о некоторых сторонах общественной жизни и быта славян, а также о территориях, занимаемых ими в VI в. н. э.

§ 3. Прокопий сообщает, что славяне и анты «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии) и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим», «у тех и других один и тот же язык». В сочинении Иордана выступают уже венеды, анты и словене, т. е. предки современных западных, восточных и южных славян. На основании этого можно сделать вывод, что уже в VI в. н. э. существовало разделение славян на три большие группы. Однако и после перегруппировки славянских племен сознание единства происхождения продолжало сохраняться в памяти народа. На самой заре историографии славян мы находим основательные рассуждения о славянах как едином целом. Интерес к родственным по языку и культуре народам рано пробудился у восточных славян. В «Повести временных лет» (начало XII в.) мы находим богатое фактами и хорошо аргументированное суждение о древних поселениях и взаимных отношениях славянских племен. Киевский летописец, основываясь на древних устных преданиях народа, с замечательной точностью называет важнейшие племенные объединения славян. Он пишет:

«По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорска земля и Болгарска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Морава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хорвате белии и сербь и хорутане. Волохом бо нашедшем на сло-

вени на дунайския, и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмера (Ильменя) и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и Новгород. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле и нарекошася север. И тако разидеся словенский язык, тем же и грамота прозвася словенская».

В записи под 898 г. летописец, противопоставляя славян другим иноязычным племенам и народам, вновь подчеркивает их языковое единство: «Бе един язык словенск: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомаю Русь. Сим бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских».

Средневековые чешские, польские и южнославянские хроники также единодушно говорят об общем происхождении славянских народов. Наряду с фантастическими генеалогическими рассуждениями, навеянными библейским преданием, в них переданы отзвуки действительных исторических событий, сохраненных в памяти народа.

Таким образом, данные современных славянских языков и свидетельства исторических источников убедительно говорят в пользу существования праславянского языка — основы всех славянских языков.

§ 4. Суждение о существовавшем некогда праславянском языке основано не только на анализе языковых данных и исторических источников. Оно подтверждается также показаниями истории, археологии и этнографии славян. Язык является средством общения людей на всех ступенях их общественно-исторического развития, совершенствование и развитие языка теснейшим и неразрывным образом связано с развитием общества, пользующегося этим языком. На всем протяжении истории, начиная от родоплеменных объединений и вплоть до современных славянских народов с их богатейшей культурой, развитой экономикой и государственностью, язык служил средством объединения этих общностей. Но если существовал язык, общий для всех славянских племен, то, с другой стороны, существовало и этническое единство, пользующееся этим языком. Это племенное единство оставило свои следы не только в языке, но и в памятниках материальной культуры.

Советские, польские и чешские археологи за последние десятилетия достигли важных результатов в изучении материальной культуры древних славян. Археологи открыли орудия труда, предметы обихода, украшения древних славян, узнали способы захоронения, познакомились с изделиями керамики, строительными сооружениями, принадлежностями воинского быта и т. п. В известной степени установлены связи древнеславянской культуры с материальными культурами на территории Восточной и Центральной Европы, которые предшествовали ей. Единство материальной культуры охватывает территорию от Эльбы через бассейны Одры и Вислы до верхнего Днестра, среднего течения Днепра и Десны. Это различные виды культуры ямных погребений и культура полей погребения. Среди археологов широко распространено мнение, что названные культуры с IV в. до н. э. по III—IV вв. н. э. принадлежали славянскому населению в указанных границах. По мнению многих археологов, они связаны с более ранним важным культурным массивом бронзовой эпохи, с так называемой лужицкой культурой. С различных точек зрения — археологической, хронологической, географического размещения — этот массив может быть связан со славянами.

Это население развивало свою материальную и духовную культуру и в целях общения пользовалось праславянским языком. Этот общий для славян язык не сохранился в памятниках письменности. Он восстанавливается при помощи сравнительно-исторического изучения живых и мертвых славянских языков.

Изучение праславянского языка, являющегося предметом сравнительной грамматики и лексикологии славянских языков, очень важно для всестороннего и глубокого познания путей развития каждого из славянских языков, так как восстановление его структуры дает возможность установить сходный пункт развития грамматического строя и словарного состава современных славянских языков. Этот язык имел свою длительную историю. Однако его грамматический строй, а отчасти и основной словарный фонд непосредственно не зависели от общественно-экономических изменений жизни древних славян, вследствие чего основные элементы структуры этого языка подверглись относительно небольшим изменениям, пережили ряд эпох, сохранившись в своей основе. Именно поэтому реконструкция праславянского словарного состава, а также сравнительный анализ лексики современных славянских языков дают во многих случаях большие результаты, чем изучение других сторон культуры древних славян. Значимость языковых данных тем более велика, что археологические находки являются немymi памятниками и не могут быть иногда непосредственно связаны с определенной этнической группой.

§ 5. Праславянский язык может быть подвергнут освещению с двух сторон: во-первых, с точки зрения индоевропейского языка-основы, во-вторых, с точки зрения истории отдельных славянских языков и их сравнительного изучения. Выделение праславянского языка из индоевропейского языка-основы произошло задолго до нашей эры. Хронологически этот процесс следует связывать с распадом индоевропейского единства, т. е. рубежом III и II тысячелетий до н. э., когда уже выступают отдельные племена и народности, говорящие на индоевропейских языках, на обширных территориях от Индии до Западной Европы (Индия, Иран, Малая Азия, Греция, Италия). Процесс распада индоевропейского языка-основы был длительным. Диалектные различия индоевропейских языков углублялись по мере распада первоначальной общности, индоевропейские племена вступали в контакт с иноязычным населением, менялись общественные и природные условия жизни племен и народностей и т. п. Все индоевропейские языки по судьбе средненёбных *k* и *g* принято делить на две большие группы, условно обозначаемые словом «сто» в его авестийской форме (*satəm*) для языков одной группы (индо-иранские, славянские, балтийские, армянский, албанский) и в латинской форме (*centum*) — для другой группы (греческий, итальянские, германские и кельтские языки). В первой группе *k* и *g* дали фрикативные согласные, например славянские *s* и *z*; в другой группе они изменились в задненёбные *k* и *g*: ср. рус. *сто* — лат. *centum*, рус. *десять* — лат. *decem*, рус. *сердце* — лат. *cor*, род. пад. *cordis*, рус. *зерно* — лат. *granum*, рус. *везу* — лат. *veho* и др. Вследствие этого говорят о языках группы «сатем» и языках группы «кентум» (*centum*).

С середины I тысячелетия н. э. у древних славян происходит распад родовой организации, начинается разделение труда, накопление богатства у отдельных семей. Вследствие этих экономических изменений происходит классовое расслоение населения и появляется государство. Рабство не получило у славян значительного распространения, складываются феодальные отношения. Ранними славянскими государственными объединениями явились государство Само (VII в.), Великоморавское княжество (IX—X вв.), Польское государство (IX в.) — у западных славян, Киевское государство (VIII в.) — у восточных славян, Первое болгарское царство (VII в.) — у южных славян.

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

§ 6. Праславянский язык пережил длительную историю. Именно в период существования праславянского языка сложились основные характерные признаки славянских языков. Среди таких явлений следует отметить основные фонетические и морфологические изменения.

§ 7. 1. Изменение кратких гласных *u, i*, унаследованных от индоевропейского периода, в редуцированные гласные *ъ, ь*. Редуцированные иначе называются глухими или ерами (в соответствии с названием их в старославянской азбуке).

Примеры:

др.-инд. *duhitā*, лит. *duktė* — праслав. **dukti*, ст.-слав. **дѣшти**, др.-рус. **дѣчи**, соврем. рус. **дочь**; лат. *mūscus* — ст.-слав. **мѣхъ**, др.-рус. **мѣхъ**, соврем. рус. **мох**, род. пад. **мха**; лат. *ovīs* — ст.-слав. **овьца**, др.-рус. **овьца**, соврем. рус. **овца**, род. пад. мн. ч. **овец**; греч. *λίον*, лит. *lināi* — ст.-слав. **льнѣ**, др.-рус. **льнѣ**, соврем. рус. **лен**, род. пад. **льна**.

Редуцированные были гласными неполного образования. Они были особенно кратки: для произношения их требовалось меньшее количество времени, чем для произношения обычных кратких гласных *o* и *e*. Звук *ъ* был редуцированным гласным заднего ряда, *ь* — редуцированным переднего ряда.

2. Краткий гласный *e* праславянского языка восходит к аналогичному индоевропейскому звуку:

лит. *dėšimt*, греч. *δέκα*, лат. *decem* — праслав. **desętb*, ст.-слав. **десѣтъ**, рус. **десять**; греч. *φέρω* («несу»), лат. *ferō* — праслав. **berǫ*, ст.-слав. **верѣ**, рус. **беру**.

В артикуляции краткого гласного *o* праславянского языка совпали краткие *a, o* индоевропейского языка-основы.

Примеры:

лат. *oculus* — праслав. **око** («глаз»); лат. *axis* — лит. *ašis* — праслав. **osъ*, рус. **ось**; лат. *ragānus* («сельский, деревенский житель») — ст.-слав. **поганѣ**, рус. **поганый** (заимствования из латинского).

3. Долгие гласные праславянского языка восходят к долгим гласным индоевропейской эпохи. Праславянскому *a* соответствуют индоевропейские *ā, ō*:

лат. *māter* — ст.-слав. **мѣти**, рус. **мать**; греч. *δώρον*, лат. *dōnum* — ст.-слав. **дарѣ**, рус. **дар**.

Долгое индоевропейское *ē* изменилось в общеславянское *ě* («ять»):

лат. *sēmen* — праслав. **sęmę*, ст.-слав. **сѣмѣ**, рус. **семя**, род. пад. ед. ч. **семени**; лат. *fēcī* («я сделал») — ст.-слав. **дѣти**, рус. **(о)деть**, **(за)деть** и т. д.

Долгое индоевропейское *i* изменилось в праславянском в *i*: лат. *vivus*, лит. *gyvas* — ст.-слав. **живѣ**, рус. **живой**.

Долгое индоевропейское *ī*, утратив лабиализацию, в праславянском изменилось в *ы*:

лит. *sūnis* — ст.-слав. **сынѣ**, рус. **сын**; лат. *fūmus*, лит. *dūmas* — ст.-слав. **дымѣ**, рус. **дым**.

4. В ранний период своего существования праславянский язык располагал рядом дифтонгов и дифтонгических сочетаний

(сочетаний одного слога), унаследованных от индоевропейского языка-основы. Дифтонги состояли из слоговых гласных *e*, *o*, *a* (кратких и долгих) и неслоговых *i* и *u*, например:

праслав. *koina (рус. *цена*), ср.: греч. *ποινή* («пеня, кара»), лит. *káina* («цена»); праслав. *touros (рус. *тур*), ср.: лит. *taūras* («тур»), греч. *ταυρος*, лат. *taurus* («бык»).

Дифтонгические сочетания образовывались сочетанием указанных слоговых гласных с последующими носовыми *n*, *m* и плавными *r*, *l*, например:

праслав. *ronka (рус. *рука*), ср.: лит. *rankà* («рука») (от глагола *riñkti* — «собирать»); праслав. *gordos (рус. *город*), ср.: лит. *gaĩdas* («загородка»), нем. *Garten* («сад»).

5. Средненёбные индоевропейские согласные *k* и *g* в праславянском изменились в *s* и *z* (см. § 5).

6. После нарушения славяно-балтийского единства славянское *s* после *i*, *u*, *r*, *k* изменилось в *x*, например: лит. *blusà* — ст.-слав. *вльха*, рус. *блоха*; лат. *muscus* — ст.-слав. *мъхъ*, рус. *мох*; лит. *viršùs* — праслав. *vřchъ, рус. *верх*.

Указанного изменения *s* в *x* не происходило, если за ним следовали взрывные *t*, *p*, *k*; ср.: ст.-слав. *истина*, *поустити*, *вльскъ*, рус. *истина*, *пустить*, *блеск*.

• § 8. Фонетическая система праславянского языка подверглась существенным изменениям в результате действия закона открытых слогов, который начал проявляться в эпоху, последовавшую за распадом славяно-балтийского единства, но не поддающуюся точной датировке. Сущность этого процесса заключалась в том, что любой закрытый слог, т. е. слог, заканчивающийся согласным, становился (тем или иным способом) открытым. Движущей пружиной этого закона была тенденция к восходящей звучности элементов, составляющих слог. Там, где конец слога был менее звучен, чем предшествующий элемент, действовал закон открытого слога. В связи с этим процессом все древние дифтонги изменились в монофтонги, возникли слоговые плавные, появились носовые гласные, подвергся перестройке конец слова, произошло изменение слогораздела, вызвавшее в свою очередь упрощение групп согласных, разнообразные явления диссимиляции и многое другое.

Закон открытых слогов не был однократным и непродолжительным фонетическим преобразованием. Он представлял собой тенденцию, действующую на протяжении столетий и объединившую ряд первоначально независимых разновременных звуковых изменений.

Рассмотрим важнейшие фонетические явления, проявившиеся в результате действия закона открытых слогов

1 Монофтонгизация дифтонгов. В праславянском языке дифтонги с долгой слоговой гласной совпали с диф-

тонгами, имевшими краткую слоговую гласную; вследствие эти подлежат рассмотрению дифтонги *ei*, *oi*, *eu*, *ou*. Они изникли соответственно в долгие гласные *i*, *ě*, *'u*, *u*.

Примеры:

греч. εἶδος («вид», «наружность»), лит. *vėidas* («лицо») ст.-слав. **вѣдѣ**, рус. *вид*; лит. *kreivas* — ст.-слав. **кривѣ**, рус. *кривой*; греч. λαῖός, лат. *laevus* — ст.-слав. **лѣвъ**, рус. *левый*; готск. *snaiws*, др.-прусс. *snaygis*, лит. *sniegas* — ст.-слав. **снѣгъ**, рус. *снег*; **teut-*, лат. *Teutones* («тевтоны»), готск. *thiuda* («народ» (ср. соврем. нем. *Deutsch* — «немец») — праслав. *tjud-jь, ст.-слав. **штѣждѣ**, **тѣждѣ**, рус. *чужой*; **bheudh-*, греч. λεύδομαι («вывеждаю», «слышу»), готск. *biuda* — праслав. *bjud ст.-слав. **влюдж**, рус. (на)блюдаю; лит. *taukai* («жир») — ст.-слав. **тѣкъ** («жир, сало»), рус. *тучный*; лит. *taikinas* («жирный, сальный») — ст.-слав. **тѣчнѣ** («жирный»), рус. *тучный* лит. *sausas* («сухой») — ст.-слав. **соухѣ**, рус. *сухой*.

Перед гласными, т. е. в открытом слоге, неслоговые элементы дифтонгов *i*, *u* изменялись соответственно в *j*, *v*. Это явление наряду с закономерным рядом чередований слоговых элементов дифтонгов наложило отпечаток на все славянские языки и отражено в них в виде разнообразных чередований звуков в составе одних и тех же морфем. Укажем, например, на чередование в таких словах, как праслав. *čistъ, *cěditi, рус. *чистый*, *цедить*; *lěpiti*, *lьnōti* из **lьr̥nōti (pri)lipati*, рус. *ленить*, *лгнуть*, *прилипнуть*; *govorъ (из **gou-*), *žukъ (из **geu-*), рус. *говор*, *жук*; **bl'udъ*, **bl'usti* (из **bheud-*), *buditi (из **bhouđ-*), *bъdeti, *bъdrъ, рус. *блюсти*, *будить*, *бдеть*, *бодрый* и т. п.

2. Возникновение слоговых плавных. Сочетания редуцированных с последующим плавным типа *tьrt, *tьrt, *tьlt, *tьlt (*t* обозначаем любой согласный) в праславянском языке изменились таким образом, что слоговое качество перешло на плавные *r*, *l*. Вследствие этого в праславянском языке появились сочетания *gьrdlo, *zьrno, *vьlkъ, ср.: лит. *gurkl̥ys* («зоб, кадык»), *žirnis* («горошина»), *vilkas* («волк»)

3. Появление носовых гласных. Сочетания *en*, *em*, *on*, *om* (*an*, *am*) перед согласными изменились в носовые гласные *ė*, *ȯ*; например:

лит. *žėntas* — праслав. *zęть, ст.-слав. **зѣть**, рус. *зять*, польск. *zięć*; лит. *temptýva* («тетива») — праслав. *tętiva, ст.-слав. **тѣтѣва**, рус. *тетива* (др.-рус. *тятива*), польск. *cięciwa*; греч. γόμφος («гвоздь»), лит. *žam̥bas* («крюк») — праслав. *zobъ, ст.-слав. **зѣвъ**, рус. *зуб*, польск. *zob*; лит. *rankà* — праслав. *rōka, ст.-слав. **ръка**, рус. *рука*, польск. *ręka*.

Наличие в прошлом носовых гласных во всех славянских языках (носовые гласные до сих пор сохраняются только в польском языке) отражено ныне в таких чередованиях, как рус. *зять* — *жну*, *взять* — *возьму*, *имя* — *имени*, *запутывать* — *запонки*, чеш. *žíti* — *žnu*, *vzíti* — *vezti*, *plémě* — *pleme-*

но, серб. *жѣти* — *жањѣм*, *ѹзети* — *ѹзмѣм*, *ѹме* — *ѹмена*. Ср. также: *zvонъ*, *zvркъъ*, *zvркъь*, *zvрнѣти*, рус. *звон*, *звук*, *звяк*, *звенеть*; *konъ*, *konьсь*, (*na*)*čęti* (из **ken-*), рус. *кон*, *конец*, *начать*, *начало* и т. п.

Перед гласными сочетаний с *n*, *m* не было, так как в этом случае слогораздел проходил между гласным и сонорным, причем сонорные отходили к следующему слогу.

4. Изменение сочетаний гласных с плавными *r*, *l*. Праславянские сочетания типа *tort, *tert, *tolt, *telt, а также начальные **ort-*, **olt-* в связи с действием закона открытых слогов стали нетерпимы, вследствие чего отдельные диалекты праславянского языка по-разному видоизменяли указанные сочетания. Перед гласными эти сочетания сохранялись без изменений.

По процессам, связанным с ликвидацией закрытости слога в данном случае, выделяются три группы славянских языков. В речи предков южных славян, а также близких к ним в определенную эпоху чехов и словаков долгота слога сосредоточивалась на гласном. Образование монофтонга из *or*, *er*, *ol*, *el* было невозможно, поэтому произошло перераспределение слоговых элементов, состоявшее в отнесении плавного к следующему слогу: *tōrt > *tart > *ta-rt. От возникшей в результате этого слоговости начального плавного следующего слога язык освободился, очевидно, путем перестановки элементов, т. е. гласные *a*, *ě* стали произноситься после плавного; ср. ст.-слав. *вѣриа*, *вѣрѣгъ*, *глава*, *млѣко*, чеш. *vrána*, *břeh*, *hlava*, *mléko*. В речи предков восточных и северо-западных славян (предков поляков, поморян и лужичан) долгота слога была сосредоточена на второй части слога — на плавных *r*, *l*. Здесь также произошло перераспределение слоговых элементов типа *to-rt. Устранение слоговости плавных здесь было произведено не перестановкой, а развитием после плавных гласного неполного образования, подобного гласному предшествующего слога. В дальнейшем у восточных славян в сочетании *to-rʹt этот гласный приобрел полное образование; ср. рус. *ворона*, *берег*, *голова*, *молоко* (в последнем случае гласный *e* изменился в *o* под влиянием последующего твердого *l*: *melko* > *molko*).

У предков северо-западных славян вторичный гласный развился в гласный полного образования, а гласный перед плавным ослабевал и впоследствии совсем утратился; ср польск. *wrona*, *brzeg*, *głowa*, *mleko*.

Рассмотренное явление используется обычно для датировки действия закона открытых слогов и времени распада праславянского языка на отдельные славянские языки. Имя Карла Великого (742—814) *Karlus* было заимствовано славянами еще в тот период, когда оно изменялось подобно праславянскому слову. Мы находим в славянских языках следующие формы

этого слова: болг. *крал*, серб. *крѡль*, словенск. *králj*, чеш. *krá* словацк. *král'*; рус. *король*, укр. *король*, бел. *кароль*; польск. *król* в.-луж. *kral*. Следует отметить, что на Руси слово *король* всегда применялось для обозначения западных монархов. Нарисательным оно стало лишь у западных славян.

Несомненно, что праславянский язык в VIII в. уже не существовал, но ощущение языкового единства было настолько сильным, что слово, заимствованное, очевидно, предками западных славян и отчасти южных, находившихся во взаимоотношениях с франками, перешло во все остальные языки, подвергшись при этом фонетическому изменению в полном соответствии с действовавшим ранее звуковым законом.

На судьбу начальных сочетаний **ort-*, **olt-* оказало влияние различие в ударении.

Под в о с х о д я щ и м ударением во всех славянских диалектах происходило удлинение гласного с последующим перемещением слоговых элементов. Так, **ordlo* («орудие пахоты»), **ortajъ* («пахарь») изменилось следующим образом: рус. устар. *рало*, *ратай*, польск. *radło* («плуг», «соха»), *rataj* («земледелец»), чеш. *rádlo* («соха»), др.-чеш. *rataj*, серб. *pálo* и т. д.; ср. лит. *artójas* («пахарь»), *árti* («пахать»), лат. *arātrum* («плуг»), *arō* («пашу»). Перед гласным сохранился старый вид сочетания: рус. *орать* («пахать»), чеш. *oráč* («пахарь») и т. д.

Под н и с х о д я щ и м ударением результаты изменения были различными: у предков южных славян и отчасти словаков происходило удлинение и перестановка слоговых элементов: **ort-* > *rat-*, **olt-* > *lat-*; у предков восточных и западных славян произошла лишь перестановка этих элементов: **ort-* > *rot-*, **olt-* > *lot-*; например: серб. *лѡкат*, *лѡѡа* («судно», «корабль»), *pávní*, *pást*; рус. *локоть*, *лодка*, *ровный*, *рост*; чеш. *loket*, *lod'ka*, *rouny*, *rust*, род. пад. ед. ч. *rostu*; словацк. *laket'*, *rast*, но *lod'ka*, *rouny*

5. У т р а т а к о н е ч н ы х с о г л а с н ы х. В конце слова под влиянием закона открытых слогов произошло отпадение зубных *t*, *d*, носового *n* и свистящего *s*. Вследствие этого любое самостоятельное слово праславянского языка стало оканчиваться на гласный звук, например:

др.-инд. отлож. пад. *vrkád* — праслав. род. пад. ед. ч. **vřka*, рус. *волка*; др.-инд. *ábharat* («он нес») — праслав. аорист **pade*, ст.-слав. **ПАДЕ** («он упал»); лит. *sūnūs* — праслав. **synъ*, ст.-слав. **СЫНЪ**, рус. *сын*.

Изменения звуков и звуковых сочетаний в конце слова во многих случаях отличны от соответствующих процессов в середине слова. Этот факт объясняется ослабленным произношением конечных звуков, скороговорочным их произношением. В связи с этим, например, конечное *-os* изменялось в *ъ*; *-ons*, *-uns* — в *у*; *-ins* — в *і*; *-jons* — в *ѣ* (ѣ) и т. д.

6. Упрощение групп согласных. В связи с действием закона открытых слогов группы согласных подвергались различным изменениям, результатом которых была ликвидация закрытости слога. Если встречались одинаковые согласные, то происходила *диссимиляция* (при взрывных согласных) или *ассимиляция* (при согласных фрикативных):

*met-ti > *me-sti*, рус. *месту*, но *мету*; *vedti > *ve-sti*, рус. *вести*, но *веду*; 1-е лицо ед. ч. сигмат. аорист. *nēssom > *nēsъ*, ст.-слав. **нѣсъ**.

В группах согласных неодинакового образования обычно происходила утрата одного взрывного элемента *pt, *bt > *t*; группы *gt, *kt перед гласными заднего ряда упрощались в *t*, перед гласным переднего ряда давали долгий смягченный *t'*, по-разному изменившийся затем в славянских диалектах; *tn, *dn, *pn, *bn > *n*; *dm, *tm > *m*; *ts, *ds, *ps, *bs > *s*; *bv > *b*; *skn > *sn*; *kst > *st*; группы *tl, *dl также давали различные результаты по диалектам (их судьба аналогична изменению групп *kv, *gv перед *ě* — заменой старого дифтонга *oi*).

Примеры:

*dolbto > *dolto*, ср. рус. *долото*, но *долбить*; лат. *plectō*, *plekto — рус. *плету*; лат. *nox*; род. пад. ед. ч. *noctis*, *noktis — праслав. *noktь, ст.-слав. **нощь**, рус. *ночь*, зап.-слав. *нос*; *vędnōti > *vęnōti*, рус. *вянуть*, но *увядати* («увядать»); *kapnōti > *kanōti*, рус. *кануть*, но *капать*, *капля*; *gubnōti, *gъbnōti > *gynōti*, *gъnōti*, рус. (с) *гинуть*, *гнуть*, но (но) *гибать*, (с) *гибаю*, *губить*, *гибель*; *sъrnos (ср. греч. ὕπνος — «сон») > *sъnъ*, рус. *сон*, но *спать*; *vertmēn > праслав. *verme, ст.-слав. **крѣмь**, др.-рус. *время*, соврем. рус. *время* (здесь корень **vert-* чередуется с *vort-*, *vьrt-*, в рус. *веретено*, *вертеть*, *воротить*); *pled mēn > праслав. *pleme, рус. *племя* (корень *pled-* чередовался с *plod-*, рус. *плод*, *плодить*); лит. *vapsà* — праслав. *osa, рус. *оса*; *obvitati > *obitati*, рус. *обитать*, *обитель*, но *витать* (в облаках); *plesknōti > *plesnōti*, рус. *плеснуть*, но *плеск*.

В языке предков восточных и южных славян группы — *tl, *dl упростились в *l*, а *kvě, *gvě изменились в *svě*, (*d*)*zvě*: праслав. *gъrdlo, рус. *горло*, укр. *гирло* («устье реки»), ст.-слав. **гръло**, болг. *гърло*, серб. *грло*; **kvōit-*, праслав. *květъ, ст.-слав. **цвѣтъ**, рус. *цвет*, болг. *цвят*, мн. ч. *цветовѣ*, серб. *цвет*; праслав. *gvězda, ст.-слав. **звѣзда**, рус. *звезда*, болг. *звездá*, серб. *звѣзда*.

В языке предков западных славян группы *tl, *dl сохранились, будучи отнесены к последующему слогу, сохранились также *kvě, *gvě: польск. *gardłlo*, *kwiat*, *gwiazda*, чеш. *hrdlo*, *květ*, *hvězda*, словацк. *hrdlo*, *kvet*, *hviezda*, в.-луж. *radło* («плуг»), *kwětka*, *hwězda*.

Не следует думать, что все названные многообразные явления, хотя и были вызваны общей тенденцией к устранению конечного затвора закрытых слогов, происходили одновременно.

Некоторые диссимилятивные процессы в группах согласных имели место еще в славяно-балтийскую эпоху, так как они характерны и для языков балтийской группы. Другие явления, например устранение дифтонгических сочетаний типа *tort*, изменения в группах *tl*, *dl*, происходили в относительно позднюю эпоху развития праславянского языка. Отмечено, что дифтонги монофтонгизировались в определенной последовательности и не в одну и ту же эпоху. Так, монофтонгизация дифтонгов *ou*, *ei*, состоявших из однородных по своей артикуляции звуков, происходила в ранний период развития праславянского языка, а утрата дифтонга *oi* вследствие разнородности входивших в его состав звуков происходила гораздо позднее. Изменение индоевропейского *s* в славянское *x* произошло в период, когда названные дифтонги еще существовали. Внимательный анализ фонетических процессов праславянского языка позволяет, таким образом, установить относительную хронологию протекания тех или иных изменений. Абсолютная датировка этих процессов при достигнутом уровне изучения праславянского языка-основы пока невозможна, хотя некоторые историко-лингвистические данные могли бы послужить отправной точкой при выдвижении рабочих гипотез.

• § 9. Не менее существенное воздействие на фонетическую структуру праславянского языка оказало влияние *j* на предшествующие согласные и последующие гласные.

Все согласные общеславянского языка перед *j* смягчались и в большинстве случаев изменили свою артикуляцию. Задненёбные согласные *k*, *g*, *ch* подвергались изменению также перед гласными переднего ряда (явления палатализации). Все эти явления объединяются общей тенденцией к однородности элементов слога (гласных и согласных) с точки зрения их передней или задней артикуляции.

В сочетаниях согласных с *j* происходило ассимилирующее воздействие *j* на предшествующий согласный. При ассимиляции задненёбных место артикуляции языка подвигалось вперед, к палатальной области, а при изменении нёбнозубных согласных место артикуляции языка отодвигалось уже назад, к месту образования *j*. В результате появились палатальные долгие согласные, причем сонорные и фрикативные утрачивали долготу без изменения в укладе языка, а взрывные *t'*, *d'* утрачивали долготу, развивая фрикативный призвук, различавшийся по диалектам.

nj}n': *konjos > *kon'ъ*, рус. конь, польск. *koń*, чеш. *kůň*, словацк. *kôň*, серб. коњ;

rj}r': *burja > *bur'a*, рус. буря, польск. *burza*, чеш. *bouře*;

lj}l': *volja > *vol'a*; рус. воля, польск. *wola*, чеш. *vůle*, словацк. *vôl'a*, серб. воља.

В результате ассимиляции задненёбных, *s* и *z* с *j* в праславянском языке появились звуки *š*, *ž*.

kj > *č*: *plakjos > *plačь*, рус. *плач*, но *плакать*;

gj > *ž*: *lǫgjb > *lǫžь*, рус. *ложь*, но *лгать*;

chj > *š*: *duchja > *duša*, рус. *душа*, но *дух*;

sj > *š*: *pisjǫ > *pišǫ*, рус. *пишу*, но *писать*;

zj > *ž*: *mažjǫ > *mažǫ*, рус. *мажу*, но *мазать*.

Взрывные *t'*, *d'* развивали при себе фрикативный элемент типа *š*, *ž* или *s*, *z*. Изменение первого вида было свойственно языку предков восточных и южных славян, второе — языку предков западных славян: *t'* > *t'š'* или *t's'*; *d'* > *d'ž'* или *d'z'* *světja — ст.-слав. *свѣща*, рус. *свеча*, болг. *свещ*, серб. *свѣћа*, но польск. *świeca*, чеш. *svíce*, словацк. *svieca*; *medja — ст.-слав. *межда*, рус. *межа*, болг. *межда*, серб. *међа*, но польск. *miedza*, чеш. *meze* (*z* < *dz*), словацк. *medza*.

Процесс ассимиляции губных согласных с *j* сопровождался высоким подъемом языка, что привело к появлению за губным мягкого *l'*. В начале слова этот результат представлен во всех славянских языках. В неначальном слого западнославянские языки, в отличие от восточных и южных, издавна не имеют *l'*. Следовательно, *b*, *m*, *p*, *v* + *j* > *bl'*, *ml'*, *pl'*, *vl'*, например:

*zemja (ср. лит. *žemiē*) — рус. *земля*, укр. *земля*, бел. *земля*, ст.-слав. *земляж*, болг. *земя* (вторичное *l'* утрачено в X—XI вв.), серб. *зёмља*, но польск. *ziemia*, чеш. *země*, словацк. *zemiak* («картофелина»); *pjujǫ (ср. лит. *spiauju*) — рус. *плюю*, ст.-слав. *плюты*, болг. *плювам*, серб. *пљунак* («слюна»), польск. *pluć* («плевать»), *spluwaczka* («плевательница»), чеш. *plivati* («плевать»), словацк. *pl'ivat'* («плевать»), *pl'ivák* («плевательница»).

В отличие от губных и зубных согласных, задненёбные *k*, *g*, *ch* смягчались не только перед *j*, но и перед гласными переднего ряда. В палатализации задненёбных различают два этапа. В раннюю эпоху развития праславянского языка, еще до монофтонгизации дифтонгов, произошла первая палатализация, в результате которой перед гласными переднего ряда *i*, *e*, *ě*, *ь* (унаследованными от индоевропейской эпохи) *k*, *g*, *ch* соответственно изменились в *č*, *ž*, *š*:

др.-прус. *kirsnan* — праслав. **čr̥nъ*, рус. *черный*, польск. *czarny*; праслав. *kъto, но *čъto, рус. *кто*, но *что*; лит. *gývas* — праслав. *živъ, рус. *живой*; рус. *слух*, но *слушать* (из *sluchēti).

В современных славянских языках находим отражение этого явления главным образом в виде чередований *k* — *č*, *g* — *ž*, *ch* — *š*: рус. *око* — *очи*, чеш. *oko* — *oči*, серб. *oko* — *oči*; рус. *слуга* — *служить*, чеш. *sluha* — *sloužiti*, серб. *slúga* — *slúжити*; рус. *ухо* — *уши*, чеш. *ucho* — *uši*, серб. *ŭho* (*ŭvo*) — *ŭши*. Позже, после монофтонгизации задненёбных (после палатализации) уже другого характера. Оно заключалось в том, что *k*, *g*, *ch*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРЬДСКАЯ
КНИЖНИЦА
ИМЕНА П. П. МАЯКОВСКОГО
Ленинград, ул. р. Фонтанка, 44

125451

изменились перед новыми *ě, i*, возникшими из дифтонга *oi*, соответственно в *c, dz(z), s* (в западнославянских языках *š*):

лит. *káina* — праслав. **cěna*, рус. *цена*; лит. *gailūs* — праслав. **dzělo*, рус. *зело* («очень»); греч. *χотρος* — праслав. **s'ěrvъ*, рус. *серый*, чеш. *šerý*.

В прошлом все славянские языки знали чередования *k — c, g — dz(z), ch — s(š)* перед флексиями. В ходе развития они были утрачены русским, словенским и отчасти словацким языками; ср. дат.-местн. пад. жен. р.: рус. *дорога — по дороге*, словацк. *na dráhe*, но укр. *по дорозі*, бел. *на дарозе*, польск. *na drodze*, чеш. *na dráze* («на железной дороге»), серб. *на нòзи* («на ноге»); рус. *муха — о мухе*, польск. *mucha — o musze*, чеш. *mucha — o mouše*, серб. *снàха — о снàси*; им. пад. мн. ч. сущ. муж. р.: рус. *ученик — ученики*, но польск. *Polak — Polacy*, чеш. *Čech — Češi*, словацк. *Slovák — Slováci*, *Čech — Česi*, серб. *júnák* («молодец») — *júnáци* и т. п.

Некоторые ученые различают и третью палатализацию задненёбных, в своих результатах сходную со второй, но связанную с воздействием предшествующих гласных переднего ряда: латыш. *stiga* («просека»), праслав. **stьdza*, рус. *стезя*, но *стежка* (из **stьžьka* с *ž* по первой палатализации); рус. *облик*, но *лицо*, чеш. *líce* («щека», «лицо»), серб. *líце*.

§ 10. Воздействие *j* на предшествующие согласные привело к появлению в праславянском языке ряда мягких согласных. В результате палатализации задненёбных шипящие *č, ž, š* и свистящие *c, dz(z), s(š)* стали возможны только перед гласными переднего ряда и *j*. Эти фонетические процессы внесли большие изменения и в морфологическую систему праславянского языка. Все мягкие согласные, оказывая воздействие на последующие гласные, переводили их в передний ряд: *o, y, ъ* изменялись после них в *e, i, ъ*. Основные типы склонения вследствие появления различий в окончаниях разбились на две разновидности: твердый и мягкий варианты. Ср.: ст.-слав. им. пад. ед. ч. *влькъ*, но *конь*; *лѣто*, но *полк*; твор. пад. ед. ч. *влькомь*, но *конкмь*; им. пад. мн. ч. *вльци*, но *коњи*; твор. пад. мн. ч. *влькы*, но *коњи*; местн. пад. мн. ч. *вльцьхъ*, но *коинхъ*.

В связи с тем что звук *j* занимал важное место в славянском словообразовании и словоизменении, это явление наложило неизгладимый след на склонения и словообразование. В истории отдельных славянских языков (например, чешского) тенденция однородности звуков в слоге с точки зрения качества их артикуляции проявлялась и в более поздний период.

Таким образом, фонетический облик праславянского языка основы раннего периода сильно отличался от праславянского языка накануне его распада на отдельные славянские языки. В последнем были ликвидированы закрытые слоги и действовала тенденция слоговой гармонии.

§ 11. Важные изменения пережил праславянский язык и в области ударения. В ранний период своей истории праславянский язык характеризовался разноместным слоудоударением, различием долготы и краткости слога и различием в слоудоударении, т. е. в интонации. Ударные и безударные слоги различались высотой тона (тоническое ударение).

Первоначальную природу этих ударений в праславянском языке определить с уверенностью трудно; условно их обозначают терминами *акут* (´) и *циркумфлекс* (˘). Вначале это различие было связано с долготой или краткостью гласных. Так, долгие гласные могли иметь только *восходящее* (*акутовое*) ударение. Позже в определенных условиях произошла передвижка ударения, в результате которой на долгих гласных могло оказаться *нисходящее* (*циркумфлексное*) ударение. С этого времени ударение стало играть важную роль в грамматическом строе праславянского языка.

Тоническое ударение сохранилось в современном сербско-хорватском и словенском языках. В других славянских языках следы его отражаются в долготе и краткости гласных, в перемещении места ударения в разных грамматических формах одного слова, в произношении некоторых звуков и т. д.

Примером различия ударения (интонации) на ударяемых слогах могут служить праславянские слова *vorna («ворона») — восходящее ударение на слоге *or* и *vornъ («ворон») — нисходящее ударение на том же слоге.

Это различие интонации оставило свои следы в русских полногласных формах типа *ворона́*, *ворон*. В тех случаях, когда русское ударение падает на второй элемент полногласного сочетания (*орó*, *оло́*, *ерé*), оно восходит к древнему восходящему ударению: *ворона́*, *корова́*, *мороз*, *берёза*, *колóда* и др. В чешском языке все соответствующие слова будут иметь долготу: *vrána*, *kráva*, *mráz*, *bříza*, *kláda*; в сербском — краткое нисходящее ударение: *vrāna*, *krāva*, *mrāz*, *brēza*, *klāda*. Ударение на первом элементе полногласных форм (*óро*, *óло*, *éре*) отражает древнее нисходящее ударение: *ворон*, *гóрод*, *гóлос*, *бéрег*, *вóлос*. В чешском языке в соответствующих словах находим краткий гласный: (*ha*)*vrán*, *hrad*, *hlas*, *břeh*, *vlás*, в сербском — долгое нисходящее ударение: *vrān*, *grād*, *glās*, *brêg*, *vlās*.

Морфологические изменения

§ 12. В праславянском языке каждое имя существительное относилось к одному из трех грамматических родов: мужскому, женскому и среднему. Каждое имя имело три числа (единственное, двойственное и множественное); было семь падежных форм (включая звательную) для единственного, шесть форм для множественного и три формы для двойственного числа.

В праславянском языке почти не сохранились именные образования, состоявшие только из одного корня, изменяющегося по именному склонению. Именные основы были расширены посредством особых показателей, так называемых тематических гласных и согласных. Представлены, таким образом, именные основы на гласные *o*, *ǫ*, *ā*, *ī*, *ū* и согласные *n*, *t*, *s*, *r*. Эти концы основ, или тематические элементы, некогда являлись словообразовательными суффиксами, утратившими затем свое первоначальное значение. Именно они группировали имена в праславянском языке в различные типы склонения. По тематическим гласным и согласным принято называть славянские типы склонения. Обилие этих показателей является причиной многотипности склонения, присущей индоевропейским, в том числе и славянским, языкам.

К основе на *-o-* принадлежали имена мужского и среднего родов: **orb-o-s* (лит. *vilkas*) — ст.-слав. **рѡвѣ**, рус. **раб**; **kon-jo-s* — ст.-слав. **конь**, рус. **конь**; **sel-o-m* (лат. *jūgit* — «иго») — ст.-слав. **село**, рус. **село**; **pol-jo-m* — ст.-слав. **полѣ**, рус. **поле**.

К основе на *-ǫ-* относилась небольшая группа имен мужского рода: **sūn-ǫ-s* (лит. *sūnūs*) — ст.-слав. **сынѣ**, рус. **сын**.

К основе на *-ā-* относились существительные женского рода и некоторые названия лиц мужского пола: **gen-ā* (ср. лит. *rankà* — «рука») — ст.-слав. **жена**, рус. **жена**; ст.-слав. **слѡуга**, рус. **слуга**; **duch-ja* — ст.-слав. **доуша**, рус. **душа**.

Основа на *-ī-* включала имена мужского и женского родов: **pont-i-s* (ср. лат. *hostis* — «чужеземец») — ст.-слав. **пѣть**, рус. **путь**; **kost-i-s* — ст.-слав. **кость**, рус. **кость**.

К основе на *-ū-* относились имена женского рода: **svekr-ū-s* (др.-инд. *ṣvaṣṛūh* — «свекровь») — ст.-слав. **свекры**, рус. **свекровь** (форма вин. пад.).

Основы на согласные охватывали ограниченный круг имен всех трех родов: ст.-слав. **камы** (**КАМЕ-И-Е**), рус. **камень**; **имѣ** (**ИМЕ-И-Е**), рус. **имя** (**имени**); **тѣла** (**ТЕЛАТЕ** из **tele-nt-*), словацк. *tel'a* (*tel'at'a*), рус. **теленки**; **слово** (**СЛОВЕ-С-Е**), рус. **слово**, **словоеса**; **мати** (**МАТЕ-Р-Е**), рус. **мать**, **матери** и др.

Путем сравнения славянских падежных форм с показателями других индоевропейских языков устанавливается происхождение и других падежных окончаний.

§ 13. Уже в праславянский период в результате действия закона открытых слогов начался процесс разрушения звукового вида названных именных основ. Побудительной причиной распада древнейшей системы именного склонения явилось разрушение звукового вида основы и отнесение тематических элементов к окончанию, что в свою очередь вызвало п е р е р а з л о ж е н и е о с н о в ы. Так, старый звуковой вид основы слова **genā*, где *-ā* было тематическим гласным, распался на новую основу **жен** и окончание **-а**; форма именительного падежа множественного

числа *sūn-оц-es, ст.-слав. **сынове** стала осознаваться в качестве основы **сын-** и окончания **-ове**, к которому был отнесен и тематический элемент основы **-оц-**, и т. д. В связи с утратой звукового вида основы и видоизменением окончаний начался процесс обобщения склонений, в котором активную роль стал играть грамматический род; ср. в этом отношении совпадение в именительном падеже единственного числа таких типов мужского склонения, как **равѣ** и **сынѣ** (основы на **-о-** и **-и-**), **коиѣ** и **гостиѣ** (основы на **-jo-** и **-i-**) и др.

Дальнейшая эволюция именного склонения в отдельных славянских языках происходила в общем плане взаимодействия между разрушенным звуковым видом основы и унифицирующим влиянием грамматического рода.

§ 14. Одно и то же прилагательное в праславянском языке имело три рода: *босѣ, боса, босо*. Наряду с указанными формами, склонение которых совпадало со склонением имен (именные прилагательные), в праславянском языке развились прилагательные местоименные. Происхождение местоименного склонения устанавливается по формам, сохранившимся в древнейших старославянских памятниках и в соответствующей парадигме литовского языка. Это сочетание склоняемой формы именного прилагательного и соответствующих форм относительного местоимения *jb, ja, je*. Полагают, что начало этого явления относится к концу периода славяно-балтийского единства. Прочное объединение обеих форм в одно слово в славянском и балтийском языках происходило самостоятельно, когда в праславянском уже утратились конечные согласные; ср. ст.-слав. **вось-и** (*bos-jb) и лит. *basàs-is*, **воса-та** и лит. *basó-ji*, **восо-к** (в литовском языке средний род отсутствует), род. пад. ед. ч. **воса-кго**, литовск. *bāso-jo* и т. п. Именные и местоименные прилагательные различались между собой не по синтаксическим функциям, а по значению; местоименное прилагательное употреблялось в том случае, когда определяемое было известно, когда его нужно выделить из ряда аналогичных предметов или явлений: ср. ст.-слав. **добрѣи мжжѣ**, франц. *le bon homme*, нем. *der gute Mann* и **добрѣ мжжѣ**, франц. *un bon homme*, нем. *ein guter Mann*.

§ 15. Существенные изменения пережил праславянский язык в глагольной системе. В глаголе были известны два типа основ: основы настоящего времени и основы инфинитива. Основы настоящего времени распались на пять классов: четыре тематических и пятый нетематический. Глагольный вид в праславянском был развит слабо, зато значительное развитие получили времена. Употреблялось несколько прошедших времен: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект, с помощью которых выражались различные оттенки значений прошедшего

времени. Различались два типа отглагольных окончаний: первичные и вторичные. Первичные образовывали настоящее время, вторичные — аорист, имперфект и повелительное наклонение. Кроме изъявительного и повелительного, употреблялись условное, неопределенное и достигательное наклонения (супин).

Праславянским новообразованием является создание имперфекта: праслав. **sěděti* — **sěděach* — **sěděaše*, др.-польск. *siedziesze*. Новым является образование будущего времени. Индоевропейское образование с суффиксом *-s-* (греч. настоящее время $\alpha\kappa\omicron\upsilon\omega$ — «слышу» — будущее $\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\varsigma\omega$) в праславянском было заменено описательной конструкцией: ст.-слав. **вѣдѣ** или **хощѣ видѣти**, ср. польск. *będzie widział* и т. д. Развитие видовых отношений — славянское новообразование. В дальнейшем видовая система заменила систему прошедших времен.

§ 16. Как было отмечено, праславянский язык пережил длительную, многовековую историю. Для многих фонетических и морфологических процессов праславянского языка можно установить последовательность изменений, их относительную хронологию. Это удастся сделать путем применения сравнительно-исторического метода, который позволяет проследить не документированный в письменных памятниках период развития языка и с той или иной степенью вероятности восстановить его состояние в отдельные эпохи. Анализ некоторых фактов показывает, что отдельные явления захватывали не всю область, заселенную славянскими племенами, что некоторые изменения давали различные результаты в славянской языковой области. В этом проявляется древнейшее диалектное членение праславянского языка, который, как и любой живой язык, не мог в своей истории не подвергнуться диалектной дифференциации.

Древнейшие диалектные различия позволяют сделать вывод, что намечались первоначально две диалектные области: восточная и западная, причем к первой относились племенные языки предков восточных и южных славян, а ко второй — языки предков западных славян. Так, первая палатализация имела место в период, когда контакт между славянскими племенами был прочным и постоянным, диалектные различия были еще в зародыше, вследствие чего ее результаты одинаковы для всех славянских языков.

Однако в эпоху протекания второй палатализации некоторые явления дали различные результаты в восточной и западной группах:

1) в восточной группе вторая палатализация захватила и такие случаи, когда задненёбные *k*, *g*, *ch* были отделены от новых *i*, *e* губным *v*: рус. *цвет*, *звезда*, др.-рус. *волхвъ* — им. пад. мн. ч. *волъви*, ст.-слав. **цвѣтъ**, **звѣзда**; в западной группе задненёбные в этой позиции остались без изменения;

2) мягкое *s'*, возникшее при второй палатализации из *ch*, изменилось на западе в *š*, дав тот же результат, что и при первой палатализации: польск. *szary, szady*; на востоке *s'* изменилось в *s*: рус. *серый, седой*;

3) группы *tl, dl* упростились на востоке и сохранились на западе: рус. *крыло*, польск. *skrzydło* и др.

Указанные явления, очевидно, можно отнести к начальному периоду диалектной дифференциации в области распространения праславянского языка.

Можно предполагать, что в более позднее время произошла перегруппировка славянских племен, в ходе которой возникло сближение западной группы с предками восточных славян (северная группа) и выделение южной группы. На такую перегруппировку указывают следующие явления:

1) Изменение сочетаний типа **tort* и начальных **ort-*, **olt-* в южной группе в *trat, rat-, lat-* и иное развитие этих сочетаний в северной группе, где не было перестановки элементов сочетания типа **tort*, а сочетания **ort-*, **olt-* дали двойкий результат в связи с различиями в интонации. Среднесловацкое наречие в последнем явлении выступает переходным от северной к южной группе, а вся чехословацкая языковая область совпадает по результатам изменения сочетания типа **tort* с южной группой.

2) Двойкие рефлексy окончания именительного-винительного падежа множественного числа существительных женского рода с основой на *-jā-*. Первоначально в именительном падеже множественного числа было *ě* (из **iās*), а в винительном падеже *-ę* (из **jans*). Выравнивание этих форм в северной группе дало *ě* (др.-чеш. *dušě*), а в южной — *-ę* (ст.-слав. **доуша**). Это же относится к родительному падежу единственного числа женского рода и винительному падежу множественного числа мужского рода с основой на *-jo-*: др.-рус. **конѣ**, ст.-слав. **коиѣ**.

3) На севере окончанием действительных причастий настоящего времени мужского рода в именительном падеже единственного числа (с темой *o* (*e*)) выступает *-a*: др.-русск. *неса, мога*, чеш. *nesa, veda*; на юге эта форма оканчивается на *-y*: ст.-слав. **реки, несы, могы**.

Указанная перегруппировка, очевидно, находилась в связи с интенсивным расселением славянских племен на территории Восточной и Южной Европы. Предки южных славян, двинувшись на юг и перевалив через Карпаты, в какой-то степени утратили тесную связь с остальным массивом славянства, хотя и сохранили в своем языке особенности, сближающие их с предками восточных славян. В более позднюю эпоху на юг продвинулись предки чехов и словаков. Об этом свидетельствуют языковые факты, указывающие на близкие взаимоотношения чехословацкой группы с предками южных славян. Это движение славян на юг от Карпат происходило в первые века нашей эры. Одновременно предки западных славян занимают земли вплоть

до Эльбы, а предки восточных славян — территории в бассейнах Доиа, верхней Волги и Западной Двины. В V—VI вв. н. э. южные славяне занимают сначала Дакию и Паннонию, а затем Балканский полуостров. В связи с указанными передвижениями была нарушена тесная связь восточных и западных славян. Вторжение в Дунайскую равнину сначала авар, а затем в IX в. финно-угорского племени мадьяр (венгров) привело к ликвидации непосредственных связей западных славян с южными. В языковом отношении это отчетливо проявилось в результатах изменения групп **tj*, **dj* и **kt'*, которые отличаются в трех славянских языковых группах. Так на протяжении нескольких столетий происходили процессы, приведшие к трехчленному делению славянской языковой общности.

Историческими судьбами славян определены существенные изменения в праславянском языке. Развитие новых общественных отношений, усложнение производства, образование крупных племенных союзов — все это привело в конце концов к распаду праславянского языка, к выделению самостоятельных племенных языков, на основе которых позже сформировались славянские народные языки. Это, однако, не привело к распаду праславянских языковых связей. Внутренние законы развития праславянского языка, тенденции, унаследованные от праславянского периода, на длительный срок определили развитие не только обособившихся племенных диалектов, но и народных славянских языков эпохи феодализма. В определенные периоды эти связи усиливались, так как определялись не только общностью происхождения всех славянских языков, но и тесными социально-политическими и культурными взаимоотношениями славян на протяжении их истории.

ПРАСЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

§ 17. От эпохи славянской языковой общности к а ж д ы й и з с л а в я н с к и х я з ы к о в получил общие элементы в лексике и грамматическом строе, развитие которых в период самостоятельной жизни характеризует специфику отдельных языков.

Обратимся прежде всего к словарному составу, лексике, которая, являясь наиболее подвижным элементом языковой структуры, лучше и полнее отражает состояние и характер исторического развития народов и их культуры. Известный польский языковед Т. Лер-Сплавинский, пользуясь этимологическими словарями, произвел подсчет тех элементов лексики, которые сохранились в современном польском языке от праславянского периода. Оказалось, что общее число слов, сохранившихся в польском языке без существенных изменений от праславянского периода, превышает 1700. Поскольку практически человек использует в обиходе приблизительно 8000 слов, то праславянское

лексическое наследие спустя двенадцать с лишним столетий со времени окончательного распада славянской языковой общности все еще составляет около четверти всего словарного состава образованного поляка.

Любопытно, что, рассматривая этот список слов с грамматической точки зрения, находим в нем более 1000 существительных, 460 глаголов, 170 прилагательных и 80 слов из других частей речи. Из этих 1700 слов одна десятая (178) по своему значению относится к духовной жизни человека, а свыше восьми десятых (1450) касается внешнего, физического мира, природы и материальной жизни человека. Остальные 100 слов служат для выражения грамматических отношений (местоимения, союзы, предлоги, числительные).

§ 18. Подсчеты Т. Лер-Сплавинского дают основания предположить, что и в других славянских языках существует аналогичное положение. Если проанализировать русский язык, то окажется, что наиболее богатый лексический слой в праславянском наследии представляют слова, касающиеся внешнего мира, природы и физической жизни человека. Сюда относятся прежде всего лексические элементы, характеризующие мертвую и живую природу, например: названия рельефа местности (*земля, гора, долина, берег, яр, яма, поле*), ископаемых (*камень, скала, кремень, глина, олово, сера, серебро, золото, медь, железо, соль*), водоемов (*вода, море, река, озеро, поток, болото, пруд, брод, муть, ил* и т. д.), времени суток и года, погоды и атмосферных осадков (*день, ночь, свет, заря, вечер, полдень, полночь, вчера, завтра, утро, осень, лето, зима, весна, месяц, час, холод, жара, мороз, тепло, дождь, роса, снег, град, луна, блеск, мрак, тень, облако, мгла, туча, ветер, вихрь, буря, гром, солнце, звезда, небо*), растений (*дуб, бук, граб, явор, липа, тополь, тис, ель, сосна, яблоня, слива, орех, береза, осока, ольха, верба, плющ, желудь, яблоко, дыня, тыква, гриб* и т. п.), животного мира (*медведь, тур, волк, лиса, олень, заяц, цапля, дятел, ворона, иволга, комар, муха, паук, рыба, уж, ящер* и др.), строения тела человека или животных (*туловище, голова, рука, нога, чело, лоб, борода, плечо, локоть, губа, бок, ребро, сердце, утроба, желудок, брюхо, бедро, лоно, ухо, око, пята, ладонь, горсть, палец, стопа* и др.).

Большое количество слов относится к семейной и хозяйственной жизни человека (*отец, мать, сестра, дед, бабушка, тетка, мачеха, тесть, слуга, холоп, сосед, гость, брат, приятель, друг, товарищ, сторож, пастух, пашня, жито, пшеница, ячмень, овес, просо, лен, конопля, плуг, борона, соха, коса, серп, изба, камор(к)а, гумно, желоб, стена, угол, окно, порог, ворота, лав(к)а, ложе* и т. д.); сюда же относятся основные слова, связанные прежде с общественной жизнью (*громада, род, племя, вече, князь, воевода, король, посол, суд, судья, мир, вождь, войско,*

полк, броня, твердыня, обоз, стража, оружие, меч, лук, стрела, тетива, война, враг, грабеж, долг, лихва, бой и т. д.). Находим унаследованными определения различных физических свойств человека и животных (*худой, толстый, высокий, низкий, хромой, лысый, черный, белый, желтый, здоровый, больной, хворый, малый, великий, живой, мертвый, простой, кривой, немой* и т. д.).

Ряд слов, выражающих отвлеченные понятия, идет от праславянской эпохи: духовные способности (*разум, чувство, воля, дух, душа*) и их основные функции (*мысль, память, вера, надежда, милость, ненависть, гнев, страх, жалость, радость, стыд*). Сюда же относятся некоторые понятия из области этики и религии (*бог, черт, бес, грех, правда, вина, кара, рай, пекло, чудо* и др.), а также основные понятия о мире и жизни человека (*быт, жизнь, смерть, начало, конец, время, свобода, неволя, знак, имя, лад, честь, хвала, слава, весть, (не)вежда, мудрость, старость, молодость, мощь, сила, труд*), духовные качества и пороки (*добрый, злой, мудрый, глупый, щедрый, скупой, ленивый, милый, хитрый* и др.).

Праславянскими являются также названия основных действий и состояний, связанных с названными существительными и прилагательными (*пить, есть, жить, голодать, писать, рубить, валить, ходить, работать, делать, начинать, кончать* и др.).

Если учесть, что от каждого из приведенных слов в славянских языках имеются многочисленные производные в различных частях речи, то удельный вес праславянского лексического наследия возрастет еще более.

В словоизменении и словообразовании еще больше праславянских элементов. Только глагольная система и акцентология подверглись относительно большим преобразованиям.

Столь же важное значение в истории отдельных славянских языков имеют изменения в области фонетики и грамматического строя, корни которых восходят к праславянскому периоду.

§ 19. Существенным изменениям фонетическая система славянских языков подверглась в начале нашего тысячелетия. В X—XII вв. произошла утрата редуцированных (сверхкратких) гласных *ъ* и *ь*, свойственных праславянскому языку; ср. ст.-слав. *сънь, днь*. Эти звуки с течением времени подверглись еще большей редукации, особенно в конце слова и в положении перед слогами с гласными полного образования (слабая позиция). В этих позициях редуцированные исчезли, в других положениях (сильная позиция) они изменились в гласные полного образования (перед слогами с такими же редуцированными и в начале слова под ударением). Результаты изменения редуцированных в сильной позиции не одинаковы в различных славянских языках. В восточнославянской группе редуцированный заднего ряда *ъ* изменился в *о*, а редуцированный переднего ряда *ь* — в *е*: рус. *сон, день*, укр. *сон, день*, бел. *сон, дзень*. В поль-

ском языке на месте редуцированных в сильной позиции находим гласный *e*, в равной мере представляющий *ъ* и *ь*, однако согласный перед заменой *ь* сохраняет мягкость: *sen, deszcz, no dzień, pies* («собака»). В чехословацкой языковой области оба редуцированных заменены *e*: чеш. *sen, den*, словацк. *deň*, но в словацком языке на месте сильного *ъ* находим *e, o*, иногда и *a*: *sen, lož* (из *lъžь*), *zátok* (из *zātъkъ*), *tach* (из *tъchъ*), *dážď* («дождь»). В серболужицком языке *ь* заменен *e*: в.-луж. *džeń*, н.-луж. *žeń*; *ъ* в верхнелужицком заменен *o, e*, в нижнелужицком *e*: в.-луж. *dešć, toch*, н.-луж. *tesch*. В сербскохорватском языке редуцированные обоих типов совпали в гласном одного качества *a*: *sǎn, đǎn. lǎž* («ложь»). В словенском редуцированные совпали в гласном, близком к *e*. В долгих слогах этот гласный изменился в *a*, а в кратких изменился в глухой *ъ* (пишется *e*): *tañ, laž, dan, pes* (произносится *pъs*). В болгарском языке *ь* изменился в *e*, а *ъ* сохранен до настоящего времени в виде особого открытого звука: *ден, сън, лъжа* (жен. р.), *дъжд*. В македонском находим вместо *ъ, ь* гласные *o, e*: *дош, ден*. Несмотря на сравнительно поздний период утраты редуцированных, условия ее в разных славянских языках были сходными. Это отчетливо свидетельствует об актуальности и жизненности праславянских тенденций уже в эпоху существования обособленных славянских языков.

§ 20. В результате рассматриваемого процесса произошли важные изменения в фонетическом и морфологическом строе славянских языков. Основные явления, связанные с падением редуцированных гласных, следующие:

1. Возникновение новых закрытых слогов. Так, например, четырехсложное слово *сѣтъникъ* после утраты редуцированных стало двусложным, так как четыре открытых слога изменились в два закрытых — *сотник*; двусложное слово *плодъ* изменилось в односложное *плод*, и т. п.

2. Многообразные процессы ассимиляции согласных. Звонкие согласные после падений редуцированных оказались перед глухими и в конце слова: *ножька* > *ножка* (произносится *ношка*), *зубъ* > *зуб* (произносится *зуп*). В этих условиях в большинстве славянских языков звонкие согласные изменились в глухие, а соответствующие глухие перед звонкими согласными озвончились (*косьба* > *коз'ба*, *просьба* > *проз'ба*).

3. Появление непозиционной мягкости согласных, которая приобрела фонематическое значение. Это произошло в связи с утратой редуцированного *ь* в конце слова и перед твердыми согласными (ср.: *путь, письмо*).

4. Многие корневые и суффиксальные морфемы стали характеризоваться наличием так называемых беглых гласных (*день* — *дня*, *сон* — *сна*, *честь* — *почтение*, чеш. *den* — *dne*, *sen* — *sni*, польск. *dzień* — *dnia*, *sen* — *sna*).

5. В ряде славянских языков возникла заместительная долгота гласного, предшествующего редуцированному, что привело к различным изменениям характера самого гласного: ср. укр. *vōz* > *vīz*, *nōž* > *nīž*, чеш. *vōz* > *vūz*, *nōž* — *nūž*.

6. Во всех славянских языках появилась так называемая нулевая форма имен существительных без флексии: *стол*, *дуб*, *честь*, *кость* и т. д.

§ 21. Большая часть славянских языков в разное время утратила носовые гласные, которые потеряли носовой оттенок (ринезм). Носовые гласные еще в дописьменную эпоху были утрачены восточнославянскими и сербскохорватским языками. В чешском, словацком и серболужицком языках также в довольно раннюю эпоху произошла утрата носовых. Полабский язык характеризовался сохранением носовых. В старославянском языке носовые также сохранялись: *рѣка*, *пѣть*. В болгарском и словенском языках утрата носовых относится к XII—XIII вв. В восточнославянских языках носовой *o* заднего ряда изменился в *u* и совпал с соответствующим гласным: **rōka* — *рука*, **sōdъ* — *суд*, **dōbъ* — *дуб*. Носовой переднего ряда *e* изменился в *a*, придав предшествующему согласному мягкость: **mēsō* — *мясо*, **pētъ* — *пять*, **zētъ* — *зять*, укр. *m'aso*, *n'ять*, *зять*. В польском носовые сохраняются до сих пор, хотя в старопольском произошла мена носовых, употребление *o* и *e* стало зависеть от количества слога. В долгих слогах развивалось *o* вместо прежних *o* и *e*, в кратких слогах соответственно *e*: *dōb*, но *dēbi*, *zōb*, но *zēbi*, *trōba*, *rēka*; перед носовыми из старого *e* согласные выступают мягкими: *wiōzaci* (рус. *вязать*), *miēsō* (*мясо*), *zięc*, *pięc*, *piąty* (*пять*, *пятый*) В чешском языке *o* изменился в *u*: *ruka*, *dub*, *soud* (из **sūd*); *e* изменилось в открытое широкое *ā*, судьба которого была различна в зависимости от долготы или краткости слога и твердости или мягкости последующих согласных: *mēsic* (рус. *месяц*), *řiditi* (рус. *рядить*), *řād* (рус. *ряд*), *maso* (рус. *мясо*), *pět* (рус. *пять*), *zet* (рус. *зять*). В словацком языке *o* > *u*: *ruka*, *súd*, *dub*; *e* > *ā*, который сохранился после губных согласных, а после прочих изменился в *a* (краткий слог) или *ia* (долгий слог): *pāt'*, *māso*, *vādnūt'* (рус. *вянуть*), *zat'*, *riadit'*, *riad*, *mesiac*. В серболужицком *o* > *u*: *ruka*, *dub*, *muž*. Замены *e* различаются: у верхних лужичан *e* заменен гласным *a* перед твердыми согласными и *e* перед мягкими: *jazyk*, *swjaty*, *hrjada*, *pjata*, *džewjeć*; у нижних лужичан под ударением *ię* (*ě*), вне ударения — *e*: *jězyk*, *swěty*, *kózletko*.

В сербскохорватском языке *o* > *u*, *e* > *e*: *рука*, *дуб*, *месо*, *везати*, *племе*. В чакавщине после шипящих находим замену *e* через *a*: *žātva* (штокавск. *жѣтва*, рус. *жатва*), *ročati* (штокавск. *пòчети*, рус. *почать*). В словенском *o* > *o*, *e* > *e*: *rōka*, *délajo* («они делают»), *mesó*, *méta*. В некоторых говорах еще сохранилось произношение

on, en вместо носовых. В болгарском языке *o>ъ, e>е*: *рѣка, дѣб, сѣд, месѡ, пет, зет*.

§ 22. Много общих процессов пережили славянские языки в области грамматического строя. Формируется единое склонение имен существительных мужского рода. Существительные среднего рода, кроме основного склонения, восходящего к старым основам на *-o-*, частично сохраняют старое склонение основ на согласные. Только в существительных женского рода славянские языки до сих пор имеют два совершенно самостоятельных склонения, восходящих к основам на *-ā-* и *-ī-*.

Несмотря на общие тенденции развития именного склонения, мы находим в славянских языках и много своеобразия. Так, чешское склонение отличается большой архаичностью. В нем сохранились различия твердых и мягких вариантов склонения, находим многочисленные следы старых основ на согласные. Болгарский язык утратил склонение, в нем синтаксические отношения имени и отчасти местоимений выражаются в настоящее время с помощью порядка слов и предлогов.

В склонении славянских языков получила развитие категория одушевленности и неодушевленности (*вижу сына, но стол*), категория личности для имен мужского пола. При употреблении падежей увеличилось число предложных конструкций (*воротися Смоленску* — «вернулся к Смоленску»). Во всех славянских языках, кроме словенского и лужицких, утрачено двойственное число. Изменилось употребление именных и местоименных прилагательных. В большинстве славянских языков именные прилагательные стали выполнять в предложении функции предиката, а местоименные — функцию атрибута. Это привело к потере склонения именных прилагательных, так как они всегда употреблялись в именительном падеже. Позже именные прилагательные стали вытесняться и из сказуемого.

§ 23. Наибольшие изменения славянские языки претерпели в области глагола. Восточнославянские языки утратили все формы прошедшего времени. В этих языках функцию прошедшего времени выполняют причастия на *-л* (*бежал, спал*). В западнославянских языках (кроме лужицких, в которых находим аорист и имперфект) утрачены простые прошедшие времена. В болгарском и македонском языках сохранились все формы прошедшего времени. В сербскохорватском языке в настоящее время идет процесс утраты простых прошедших времен, в словенском они уже исчезли.

Произошли важные изменения во флексиях настоящего времени. Во многих языках получила широкое распространение в 1-м лице единственного числа флексия *-m* (польск. *stucham*, чеш. *dělám*, серб. *nîšêm*, болг. *чúвам*). В западнославянских и частично южнославянских языках утрачено в 3-м лице единственного и

множественного числа окончание *-t*. Это явление находит отражение и в восточнославянских языках.

В связи с утратой некоторых времен получает интенсивное развитие глагольный вид, который в ряде случаев приобретает временное значение. Во всех славянских языках (кроме словенского и нижнелужицкого) утрачено достигательное наклонение (супин). В болгарском, македонском и частично сербско-хорватском вышло из употребления неопределенное наклонение (инфинитив). Перестали склоняться причастия действительного залога в именной форме. Они перешли в разряд глагольных наречий (деепричастий). Существенные изменения затронули как простое, так и сложное предложения.

§ 24. Остановимся более подробно на развитии и формировании в славянских языках категории одушевленности и личности, чтобы проследить, как эта категория (начало которой, очевидно, восходит к праславянской эпохе) формировалась в отдельных славянских языках.

Характерной особенностью славянского склонения имен и местоимений является употребление формы родительного падежа вместо винительного при одушевленных существительных. Замена формы винительного падежа формой родительного в именах живых существ, переходящая от единственного числа на множественное, оказала значительное влияние на всю систему склонения. Возникновение этого явления относится к позднему периоду истории праславянского языка. Причина, вызвавшая к жизни это явление, заключалась в особенностях структуры предложений типа *отць оудариль сынъ*. В них действие закона открытых слогов привело к совпадению по форме падежей подлежащего и прямого объекта. Отсутствие грамматического значения у порядка слов в славянских языках в конце концов обусловило возникновение родительного-винительного падежа для имен существительных мужского рода.

В старославянском языке имена собственные мужского рода в единственном числе имеют форму родительного-винительного падежа: *възьръ на петра*; имена нарицательные, обозначающие лиц мужского рода, также обычно имеют эту форму: *имжть жениха*. Некоторые имена лиц (*равъ, отрокъ, богъ, доухъ, младеньць*) и названия животных употреблялись обычно в старой форме винительного падежа, совпадавшего с именительным падежом. Во множественном числе категория родительного-винительного падежа (т. е. одушевленности) не была развита.

В древнерусском языке на протяжении XI—XV вв. категория одушевленности в единственном числе постепенно включала в свой состав, кроме названий лиц мужского пола, также названия животных мужского рода. В связи с чисто фонетическим процессом совпадения по форме винительного и именительного падежей множественного числа в этот период родительный-ви-

нительный падеж проникает и во множественное число, сначала для названий лиц мужского рода: *чернь всташа на бояр*. К XVI в. во множественном числе в категорию одушевленности включаются имена женского рода с основой на -а-: «стратиги и бояре взяли царицу и *благородныхъ дѣвицъ и молодыхъ женъ многихъ*».

В XVII в. родительный-винительный падеж для одушевленных существительных мужского рода в единственном числе стал нормой; во множественном числе окончательно устанавливается родительный-винительный падеж для лиц мужского и женского рода, тогда как в названиях животных вплоть до конца XVIII в. в литературном языке находим старые формы, совпадающие с именительным падежом. Важным фактором охвата категорией одушевленности во множественном числе существительных всех трех родов (*вижу людей, волков, женщин, овец, лиц, животных*) явилась тенденция к объединению всех существительных в одном типе склонения.

Развитие родительного-винительного падежа и в связи с этим категории одушевленности наблюдается во всех славянских языках, но протекает этот процесс в различных языках и даже диалектах одного и того же языка по-разному. Шире всего эта категория развилась в русском языке. В украинском и белорусском языках родительный-винительный падеж во множественном числе не употребляется иногда у существительных, обозначающих животных: укр. *пасти воли*, бел. *ганю коні*. Подобное явление находим и в некоторых севернорусских говорах.

Категория одушевленности в единственном числе представлена в южнославянских и западнославянских языках: серб. *тѣрам коња, вола*. В болгарском языке, утратившем флективный способ выражения грамматических значений, в винительном падеже единственного числа находим особые формы на -а, -я (только для собственных имен лиц и прозвищ на -о, -ко, -чо, -льо): *Ивана, Пенча, Радоя, Добря, дядя, глупча* от *Иван, Пенчо, Радой, Добри, дядо, глупчо*. Эти формы употребляются в функции прямого дополнения и после предлогов: *тѣрся Ивана, отивам при дядя, книга за Пенча Славейков* и т. п.

В западнославянских языках в единственном числе категория одушевленности находит выражение не только в винительном, но и в родительном, дательном, местном падежах. В чешском и словацком названия лиц мужского пола и все названия животных, относящихся к мужскому роду, характеризуются следующими особенностями: 1) в родительном падеже единственного числа указанные имена всегда имеют окончание -а, тогда как неодушевленным свойственно также окончание -и; 2) в дательном и местном падежах они получают окончание -ovi, которого не имеют неодушевленные имена: *k bratovi, k koňovi, o psovi*, но *k domu, o dome*; 3) форма винительного падежа совпадает с

формой родительного падежа, тогда как у неодушевленных имен совпадают винительный и именительный падежи: *vidim brata, priatel'a, chytíl raka, komára*, но *vidim dom, stól*. Таким образом, в этих языках варианты падежных окончаний по мере разрушения звукового вида основы и смещения основ существительных мужского рода стали использоваться для передачи новых грамматических значений. В польском языке окончание *-owi* употребляется безотносительно к одушевленности предмета: *dwórowi*, как *synowi, meżowi*.

Для множественного числа в западнославянских языках характерно следующее:

а) В словацком языке категория одушевленности во множественном числе ограничена личными существительными мужского рода, причем категория лица мужского пола находит выражение в винительном и именительном падежах; в винительном падеже находим форму родительного-винительного падежа: *vidim bratov, priatel'ov, l'udi*; в именительном падеже окончания *-i, -ia, -ovia* характерны только для личных мужских имен. Названия животных обычно трактуются как неодушевленные.

б) В чешском языке категория лица находит выражение во множественном числе только в именительном падеже. Для этого используются окончания *-i, -é, -ové*: *dělník-dělníci, hosté, synové*.

В польском языке категория лица во множественном числе пронизывает весь грамматический строй, включая существительные, а также прилагательные, местоимения, числительные и некоторые формы глагола, согласуемые с существительными.

§ 25. Таким образом, каждый из славянских языков, унаследовав основные элементы своего словаря и грамматического строя от праславянской эпохи, развивал, обогащал и совершенствовал их по законам, свойственным данному языку. Однако общность происхождения славянских языков, общность исходных элементов в словаре и грамматическом строе обусловили тождественное во многих случаях развитие грамматического строя и словаря, причем эти общие тенденции развития славянских языков проявляются до настоящего времени. Вместе с тем необходимо отметить, что во всех славянских языках имеется множество особенностей и в словарном составе, и в грамматическом строе, которые характерны только для одного или нескольких ближайшеразродственных языков и составляют их специфику.

Наиболее показательными в этом отношении являются наблюдения над различиями в развитии словарного состава отдельных славянских языков, а также сравнительное изучение славянской фразеологии.

Конкретный фактический материал по фразеологии в отдельных славянских языках представлен главным образом в толковых словарях и сборниках народных и литературных по-

слов, поговорок и крылатых выражений. Кроме лингвистов, большой вклад в собирание и систематизацию фразеологического богатства внесли также исследователи славянского фольклора. Межславянский фразеологический материал обычно отражается в двуязычных славянских словарях, которые в последние десятилетия в той или иной мере включают в свой состав и фразеологические эквиваленты. Однако разработка идиоматических богатств сравниваемых языков лишь в последние два десятилетия перешагнула границы кратких эквивалентных или дифференциальных словарей. Все более растущее число переводимых с одного славянского языка на другой произведений художественной и научной литературы также способствует практической разработке вопросов славянской фразеологии.

§ 26. По самому своему существу фразеология всегда глубоко самобытна и национальна, особенно в номинативно-содержательном отношении. Ее идиоматичность, таким образом, не может быть поставлена под сомнение. Достаточно сопоставить такие фразеологические сочетания, как польск. *za króla Świeczka* (при царе Горохе), словацк. *za Kakana kráľ'a* (при царе Горохе), чеш. *přijíti s křížkem po funuse* (прийти к шапочному разбору), серб. *правео се као Јанко на Косову* (попался как кур в ошип), болг. *петимо Петко не чакат* (букв. «пятеро Петко не ждут» — семеро одного не ждут), чтобы убедиться в оригинальности и неповторимости этих выражений, нередко обусловленных историческими и культурными фактами жизни соответствующих народов. К таким же фразеологизмам относятся, например, рус. *бить баклуши, попасть впросак, погиб как швед под Полтавой, прописать ижицу, играть в бирюльки*; польск. *szkoda czasu i atlasu* (игра не стоит свеч), *bakę świecić* (лить елей), *bruki szlifować* (слоняться без дела), *już po capstrzyku* (после шапочного разбора), *prowadzić wielki dwór* (жить на широкую ногу), *na święty Jury, kiedy w niebie będą* (после дождичка в четверг), *goly jak święty turecki* (гол как сокол), *siedzieć jak na niemieckim kazaniu* (сидеть дурак дураком), чеш. *zůstat na ocet* (остаться в девках), *koupiti za babku* (купить за бесценок), *čistiti kliky* (обивать пороги); словацк. *raz za uhorský mesiac* (в кой-то веки), *ránu bohu za chrbtom* (у черта на куличках), *obracat' kabát* (держат нос по ветру), *mat' na kazare* (держат в ежовых рукавицах); серб. *бестрага далеко* (у черта на куличиках), *млатити глогиње* (толочь воду в ступе), *стићи на грушалине* (прийти к шапочному разбору), *с коца и конопца* (с бору да с сосенки), *на куково лято* (после дождичка в четверг), *послати у недоћин* (послать куда Макар телят не гонял), *почињати од Кулина бана* (начинать от Адама), *задужио сам се као Турска царевина* (я в долгу как в шелку); болг. *не струва ни бодка* (гроша не стоит), *от кол и вџе* (с бору да с сосенки), *изнасям кирливите ризи* (выносить сор из избы), *ходя пет за четири* (бес толку бродить).

§ 27. Вместе с тем в славянских языках имеется фразеологический фонд, который можно назвать общеславянским. Не следует думать, что он восходит к праславянской эпохе, потому что доказать его столь древнее происхождение невозможно, тем более, что хронология фразеологизмов еще не изучена даже в пределах отдельных славянских языков. Этот фонд является общеславянским вследствие единства структурной модели, положенной в основу подобных фразеологических выражений при отсутствии материального единства, которое варьирует по языкам. Ярким примером может служить фразеологическое выражение *льет как из ведра*, которому соответствует польск. *leje jak z cebra* (*ceber* — «ушат, лохань»), чеш. *leje jako z konve* (*konev* — «бидон, ведро»), словацк. *leje ako z krhle* (*krhla* — «ковш»), серб. *пада као из кабла* (*kabao* — «кадка, ушат»), болг. *вали като рѣкав* (или: *из ведро*). Если некоторые исследователи относят фразеологизм *водить за нос*, польск. *wodzić za nos*, чеш. *voditi za nos*, словацк. *vodit' za nos*, серб. *водићи за нос*, болг. *водя за нос* к праславянской эпохе, то подобных случаев довольно много. Опора на материальное единство представляет для этого суждения некоторые основания, но и в этом случае имеются дублетные формы, подобные серб. *вући* («тащить, волочить») *за нос*. Принципиально от указанного примера ничем не отличаются, например, фразеологизмы типа *с головы до ног (пят)*, польск. *od stóp do głów*, чеш. *od hlavy až po paty*, словацк. *od hlavy až po päti*, серб. *од главе до пете*, болг. *од петите до главата* (или *од главата до краката*), или *пускать пыль в глаза*, польск. *piaskiem w oczy miotać* (или *dym w oczy puścić*), чеш. *házeti (sypati) písek do očí*, словацк. *sypat' piesok do oči*, серб. *бацити песак (прашину) у очи*, болг. *пускам (хвърлям) прах в очите*. Во всяком случае, без дополнительных обоснований праславянские фразеологические элементы едва ли могут считаться установленными. Во фразеологизме *водить за нос* все три составных элемента оказались устойчивыми во всех славянских языках и не подлежали замене. А если допустить возможность лексических замен в процессе исторического развития отдельных языков, тогда фразеологизмы *бить себя в грудь* и *дареному коню в зубы не смотрят* станут весьма древними (см. польск. *buchnąć się w piersi, darowanemu koniowi nie patrzy się w zęby*, чеш. *bíti se v prsa, darovanému koni na zuby nehled'*, словацк. *bit' sa v prsia, darovanému koňovi nehl'ad' na zuby*, серб. *грукати се у груди, поклону коњ се зуби не гледају*, болг. *тупам се по гърдите, на харисан кон зъбите не се гледат*).

§ 28. Особо следует подчеркнуть, что во фразеологических выражениях содержится, как правило, образный момент, роднящий их с поэтической символической. Генетическое родство славянских языков, проявляющееся в фонологическом, морфоло-

гическом и синтаксическом планах, в славянской фразеологии устанавливается еще сходством образов, положенных в основу фразеологических выражений. Рассмотрим несколько соответствующих примеров. Русскому фразеологическому выражению *гол как сокол* соответствуют не менее образные выражения в других славянских языках, содержащие примерно такой же образ: польск. *goly jak bicz*, чеш. *chudý jako kostelní myš*, словацк. *holý ako dlaň*, серб. *go као прост*, болг. *гол като пушка* (или: *сокол*). Русским выражениям *когда рак свистнет* или *после дождичка в четверг* соответствуют: польск. *jak mi na dłoni włosy wyrosną*, чеш. *až naprší a uschne*, словацк. *až naprší a nevide blato*, серб. *код на врби роди грожђе*, болг. *на куково лято*.

Далеко не случайно, что многие фразеологические выражения были сопоставлены и изучены не лингвистами, а историками, исследовавшими религиозные воззрения языческих славян, фольклористами, которые не могли пройти мимо образных элементов в языке, историками славянского права и вообще историками культуры. Так, например, русскому образному выражению (*попасть*) *из огня да в полымя* в других славянских языках соответствуют фразеологизмы, в которых не упоминается ни огонь, ни пламя, а встречаются не менее характерные ситуации: польск. *spraść z deszczu pod rynną* (с дождя под водосточную трубу), чеш. *z bláta do louže* (из грязи в лужу), словацк. *z blata do kaluže* (из грязи в лужу) и *z dažďa pod odkvar* (из дождя под водосток), серб. *терајући лисицу истерао вука* (гоня лисицу, выгнал волка), болг. *от трън та на глог* (из колючек в боярышник). Далее, русскому выражению *в тихом омуте черти водятся* будут соответствовать почти одинаковые образы: польск. *cicha woda brzegi rwie*, чеш. *tichá voda břehy teče*, словацк. *tichá voda brehu tuje*, серб. *тиха вода брег рони*, болг. *пази се от тиха вода, мамарците стоят в тихата вода*.

§ 29. Не все фразеологические выражения имеют общеславянский характер. Более показательными иногда являются параллели, охватывающие языковые группы (восточную, западную, южную) или два языка. Так, например, польская и русская фразеология содержат множество сходных элементов, обусловленных, очевидно, тесными историческими связями и взаимным культурно-языковым обменом. К подобным фразеологическим выражениям относятся: *jechać na złamanie karku* — *нестись сломя голову*, *wystawić czerwonego koguta* — *пустить красного петуха*, *kota w worku kurować* — *кота в мешке покупать*, *kręć w żyłach się ścina* — *кровь в жилах стынет*, *jak zmokła kura* — *как мокрая курица*, *robić z muchy słonia* — *делать из мухи слона*, *palcem o palec nie uderzyć* — *палец о палец не ударить*, *wilkiem patrzeć* — *волком смотреть*, *głodny jak pies* — *голодный как собака*, *psu wieszac* — *собак вешать*, *na bezrybiu i rak ryba* — *на безрыбье и рак рыба*, *po brodzie ciekło, a w gębie nie było* — *по*

усам текло, а в рот не попало, *gdzie cienko, tam się rwie* — где тонко, там и рвется, *poruszcząć cigli* — распускать вожжи, *ni bogu świeczka, ni szartu ożoga* — ни богу свечка, ни черту кочерга, *widać jak na dłoni* — видно как на ладони, *dolewać oliwy do ognia* — подливать масла в огонь, *im dalej w las, tym więcej drzew* — чем дальше в лес, тем больше дров, *siedzieć na dwóch stolkach* — сидеть между двух стульев, *pokorne cielę dwie matki ssie* — ласковый теленок двух маток сосет, *nie święci garnki lepią* — не боги горшки обжигают, *na złodzieju czapka gorzy* — на воре шапка горит, *gra nie warta świeczki* — игра не стоит свеч, *jak groch o ścianę* — как об стену горох, *rodzą się jak grzyby po deszczu* — растут как грибы после дождя, *pierać się o swoją skórę* — дрожать за свою шкуру, *stroić się w cudze piórka* — рядиться в чужие перья, *umywać rękę* — умывать руки, *to mi na rękę* — это мне на руку, *i koń ma cztery nogi, a potknie się* — конь о четырех ногах, да спотыкается, *siedzieć w długach po uszy* — сидеть по уши в долгах и т. п.

Чешская и словацкая фразеологические системы очень близки. Ср. например: *každý pták své hnízdo chválí* — *každý vták své hniezdo chválí*; *darovanému koňovi na zuby nehled'* — *darovanému koňovi na zuby nehľad'*. Большую близость обнаруживают в этом отношении также русский и болгарский языки, например: *на бодлива крава бог рога не дава* — бодливой корове бог рог не дает, *каквото му е на срцето, това му е и на езика* — что у него на уме, то и на языке, *забивам в главата си* — вбивать себе в голову, *гоня два заека* — гнаться за двумя зайцами, *обещавам златни планини* — сулить золотые горы, *излизам из ума* — сходить с ума, *държа камък в пазвата си* — держать камень за пазухой, *не оставам камък на камък* — не оставлять камня на камне, *като две капли вода* — как две капли воды, *поставям на карта* — поставить на карту, *клин клин избива* — клин клином вышибают, *кракът ми няма да стъпи тук* — ноги моей здесь больше не будет, *исчезвам от лицето на земята* — исчезать с лица земли, *работата се бои от майстора си* — дело мастера боится, *до мозга костите* — до мозга костей, *лапам мухи* — ловить мух, *набивам си риската* — набивать руку, *казано не на място* — сказано не к месту, *на бърза ръка* — на скорую руку, *сред бял ден* — среди бела дня, *рибата се вмирисва от главата* — рыба портится с головы, *минавам през огън и вода* — пройти через огонь и воду, *вървя с времето* — идти в ногу со временем, *врязвам се в паметта* — врезаться в память, *въртя опашка* — вертеть хвостом, *хвърлям камъни в неговата градина* — бросать камни в его огород, *гърбав човек само гроб го изправя* — горбатого могила исправит, *по-добре късно отколкото никога* — лучше поздно, чем никогда, *докосвам до болното място* — касаться больного места, *слагам на една дъска* — ставит на одну доску, *на езика ми се върти* — на языке у меня вертится и т. п.

Русско-сербские параллели менее многочисленны: *радити на брзину* — делать наспех, *говорити у ветар* — говорить на ветер, *гризе га савест* — его мучает совесть, *далеко од очију, далеко и од срца* — с глаз долой — из сердца вон, *заћогати уста* — заткнуть рот, *имати зуб на некога* — иметь зуб против кого-либо, *исисати из прстију* — высосать из пальца, *човек старог кова* — человек старого закала, *гледати кроз прсте* — смотреть сквозь пальцы, *проћоше мрави кроз цело тело* — побежали мурашки по всему телу, *отишло му је серце у пети* — у него душа ушла в пятки, *поткидати ногу* — подставлять ножку, *потсекле ми се ноге од страха* — у меня ноги подкосились от страха, *ни прстом мрднути* — и пальцем не шевельнуть, *прати руке* — умывать руки. *гори му тле под ногама* — у него земля горит под ногами, *угладити спор* — замять (уладить) спор, *сићи с ума* — сойти с ума, *ујести се за језик* — прикусить язык, *лако је туђим рукама за врело гвожђе* — легко чужими руками жар загребать.

§ 30. Образы, положенные в основу фразеологических выражений, могут различаться по языкам, но в двуязычных словарях и при переводе обычно производится сопоставительное определение как содержания, так и объема соответствующих фразеологических единиц. Например, русскому выражению *каждый кулик свое болото хвалит* в других славянских языках соответствуют два оборота (с лисой и птицей вообще): польск. *każda liszka swój ogon chwali*, чеш. *každá liška svůj ocas chválí* или *každý pták své hnízdo chválí*, болг. *всяко птиче гнездато си хвали*. Возьмем подобные случаи в польском языке: *głowa karpiszciana* — голова садовая, *w kozie róg zapędzić* — согнуть в бараний рог, *urodzić się w szepku* — родиться в сорочке, *mieć głowę na karku* — иметь голову на плечах, *biały jak gołąb* — седой как лунь, *puścić z biczem* — пустить по миру, *brać na kawał* («шутка») — брать на пушку, *brać nogi za pas* — удирать во все лопатки, *z wielkiej chmury mały deszcz* — гора родила мышь, *chwycić dwie sroki za ogon* — погнаться за двумя зайцами, *nie gryź z szartem orzechów* («не грызи с чертом орехов») — не играй с огнем, *dać bobu* — задать перцу, *dmuchać w palce* — свистеть в кулак, *nie dać sobie w kaszę dmuchać* — не дать себя в обиду, *dostać się na języki* — сделаться притчей во языцах, *ma duszę na ramieniu* («у него душа на плече») — у него душа в пятки ушла, *róty dzban wodę nosi, róki się ucho nie urwie* — сколько веревочке не виться, а кончику быть, *na święty Jurek, kiedy w niebie będą* — после дождинка в четверг, когда рак свистнет, *w cudze garnki zaglądać* («заглядывать в чужие горшки») — лезть в чужие дела, *wziąć się w garść* («взять себя в горсть») — взять себя в руки, *trzecia woda z gruszek* — десятая вода на ки-

селе, być na cal («дюйм») *od zguby* — быть на волосок от гибели, *być kością w gardle* — стать попереk горла, *grubymi nitkami szyte* — шито белыми нитками, *wpuścić wilka, padać na cztery łapy* или *przejsć suchą nogę* — выйти сухим из воды, *nie kijem to palką* — не мытьем, так катаньем, *z jednego żłobi karmieni* — одним миром мазаны, *jeszcze wtedy koszulę w zębach nosił* — он еще под стол пешком ходил, *pisać na kolonie* — писать второпях, *znać się jak koza w pierzcu* («коза в перце») — разбираться как свинья в апельсинах, *wygląda jak z krzyża zdjęty* — краше в гроб кладут, *trafić kulę w plot* («пулей в плетень попасть») — попасть пальцем в небо, *idzie jak po lodzie* («по льду») — идет как по маслу, *nie kładz palca między drzwi* — не лезь на рожон, *przy jednym ogniu upieć dwie pieczenie* — одним выстрелом убить двух зайцев.

Любопытно, что отсутствие единства обозначения наблюдается иногда лишь в отдельных языках. Так, фразеологизм *бабье лето* представлен повсеместно: польск. *babie lato*, чеш. *babí léto*, словацк. *babie leto*, серб. *бабино (сиротињско) лето*, но сочетание *божья коровка* наряду с польск. *boża krowka*, словацк. *ránbožková kvačička*, серб. *божја овница*, болг. *божа кравичка* представлено чеш. *slunečko (sedmítecne)*. Русскому фразеологизму *здоров как бык* соответствуют польск. *zdrów jak rydz* («рыжик»), серб. *здрав као рыба*. Фразеологизм *важная шишка* имеет параллели польск. *gruba ryba*, чеш. *velký ráp* или *velké zvíře*, словацк. *vel'ké zvierat*, серб. *велика зверка*. Сочетание *плачущая ива* передается в польск. *wierzba płacząca*, чеш. *smuteční vrba*, словацк. *smútočná v'eba*, серб. *жалосна врба*, болг. *плачуца върба*. Фразеологизм *сидеть как на иголках* выглядит следующим образом: польск. *siedzieć jak na szpilkach*, чеш. *býti jako na jehlách*, словацк. *sediet' ako na ihlách*, болг. *стоя като на игли*. Фразеологизм *сидеть на яйцах*, словацк. *sediet' na vajciach*, серб. *лежати на jajima*, болг. *мътя яйца* отсутствует в польском и чешском языках.

Приведенный материал настоятельно требует изучения не только образно-метафорической системы славянских языков, но также способов номинации, особенностей лексико-семантических систем. При этом следует учитывать показания не только литературных языков, но и народной речи.

§ 31. Образность фразеологических оборотов усиливает осязаемость языковых знаков. Важным моментом является рифмовка во многих фразеологизмах и параллелизм обозначений. Речевое сообщение в таком случае становится элементом искусства. При этом слова, сходные по звучанию, в пределах фразеологического выражения сближаются и по значению. Объективные связи, опирающиеся на близость зрительных и слуховых восприятий, подкрепляют смысловой символизм звуковым.

Приведем некоторые характерные примеры из различных языков. Польские фразеологизмы: *kto się lubi, ten się czubi* — милые бранятся — только тешатся, *mądrej głowie dość na słowie* — умный с полуслова поймет, *kwita z byka za indyka* — променять кукушку на ястреба, *pieczone gotąbki nie lecą same do gąbki* — без труда не выловишь и рыбку из пруда, *jeden do Sasa, drugi do lasa* — кто в лес, кто по дрова, *gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść* — у семи няnek дитя без глазу, *kiedy wejdiesz między wrony, musisz krakać jak i one* — с волками жить — по-волчьи выть (заимствованная словацким языком, эта пословица утрачивает строгую рифму: *kto pride medzi vrany, musí kvákat' ako ony*), *jaki pan, taki kram* — каков поп, таков и приход, *nosił wilk razy kilka, ponieśli i wilka* — сколько веревочке не виться, а кончику быть, *cztery kąty, a piec piąty* — хоть шаром покати, *jaka praca, taka płaca* — по трудам и награда, *czas płaci, szas traci* — время не ждет, *mówić prosto z mostu* — рубить с плеча, *lepszy wróbel w rękę niż sokół na sęku* — не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.

Сербские примеры: *знати све стазе и богазе* — знать все ходы и выходы, *где је много маја, ту је мало јаја* — у семи няnek дитя без глазу, *боље икад него никад* — лучше поздно, чем никогда, *два дедака оба једнака* — два сапога — пара.

Болгарские примеры: *глава голяма, ала мозък няма* — лоб широк, а мозгу мало, *тѣща кѣща обрѣща* — теща в дом, все вверх дном, *с лаф пилаф не става* — обещаниями сыт не будешь, *без изет не се яде мед* — без труда не выловишь и рыбку из пруда и т. п.

Параллелизм представлен в следующих случаях: польск. *ręka tuje, noga nogę wspiera* — рука руку моет, *co głowa, to rozit* — сколько голов, столько умов, *wodę warzyć woda będzie* — воду в ступе толочь, *zamienił stryjek siekierkę na kijek* — променять кукушку на ястреба, серб. *споља калај а изнутра белај* — снаружи мило, а внутри гнило, *каква врба такав клин, такав отац такав син* — яблочко от яблони недалеко падает, *споља гладац изнутра јадац* — на брюхе шелк, а в брюхе щелк, болг. *кајто вѣрви полека, отива далеко* — тише едешь — дальше будешь и пр.

§ 32. Наконец, в славянских языках представлена значительная доля фразеологических выражений, заимствованная из различных литературных источников и составляющая общий культурный фонд европейской цивилизации. Наличие общего источника (библейские и евангельские предания и притчи, античные авторы, переводы и кальки с немецкого и французского образцов и т. п.) предопределило более или менее тождественные средства их передачи. Отметим здесь, например, следующие русско-чешские параллели: *белая ворона* — *bíla vrána*, *метать бисер перед свиньями* — *házetí perly sviním*, *блудный сын* —

marnotratný syn, глас вопиющего в пустыне — *hlas volajícího na poušti*, бумага все терпит — *papír všechno snese*, золотой телец — *zlaté tele*, козел отпущения — *obetní beránek*, строчить на песке — *stavěti na písku*, посыпать перлом голову — *syпати si prach na hlavu* и т. п. Почти во всех славянских языках представлены следующие фразеологизмы заимствованного характера: строчить воздушные замки, польск. *budowaś zamki na lodzie*, чеш. *stavěti vzdušné (větrné) zámky*, словацк. *stavat' vzdušné zámky*, серб. *градити куле у ваздуху*, болг. *градя въздушни кули (замъци)*; бить тревогу, польск. *uderzyć na alarm*, чеш. *zvонiti na poplach*, словацк. *biť na poplach*, серб. *звонити на узбуну*, болг. *бия тревога*; с птичьего полета, польск. *z lotu ptaka*, чеш. *s ptačí perspektívou*, словацк. *z vtáčeј perspektívou*, болг. *от птици полет*; газетная утка, польск. *kaczka dziennikarska*, чеш. *novinářská kachna*, словацк. *novinárska kačica*, болг. *вестникарска измислица*; одна ласточка весны не делает, польск. *jedna jaskółka nie szyni wiosny*, чеш. *jedna vlaštovka jara nedělá*, болг. *една ластовица пролет не прави*; пушечное мясо, польск. *żer armatni*, чеш. *potrava pro děla*, словацк. *potrava pre delá*, серб. *топовско мясо*, болг. *пушечно мясо*; жить на широкую ногу, польск. *żyć na wielką nogę*, чеш. *žíti na velké (wysoké, široké, svobodné) noze*, словацк. *žiť na veľkej (širokej, vysokej) nohe*, серб. *живети на великој ноzi*, болг. *живея на широко*; куй железо, пока горячо, польск. *kuj żelezo, póki gorące*, чеш. *kuj železo, dokud je žhavé*, серб. *гвожђе се кује док је вруће*, болг. *кови желязо, докато е горещо*; почетный караул, польск. *kompania honorowa*, чеш. *čestná stráž*; умывать руки, польск. *umywać ręce*, чеш. *mýti si ruce*, серб. *прати руке*, болг. *умивам си ръцете*; хранить (беречь) как зеницу ока, чеш. *chovatí jak oko v hlavě*, словацк. *chrániť ako oko v hlave*, серб. *чувати (пазити) као очи у глави*; медовый месяц, чеш. *libánku*, словацк. *medové týždne*, серб. *медене недеље*, болг. *меден месец*.

Таким образом, несмотря на всю самобытность и национальную специфику фразеологии в отдельных славянских языках представляется возможным выделить общий фразеологический фонд, который, с одной стороны, может восходить к древней эпохе, а с другой (особенно в последние столетия), опирается на литературные и общекультурные модели, служащие образцом при рождении фразеологических оборотов. Подобные модели могут носить общеславянский или межславянский характер, объединяя два или более славянских языков, находящихся в более или менее тождественных историко-культурных условиях. В первом случае чрезвычайно велика роль русской классической и советской литературы, которая не только дала основу для многих фразеологических выражений, но и побудила писателей и переводчиков в славянских странах искать аналогичные средства выражения в народной речи. Во втором случае определяющим является влияние языка-модели,

которым в ряде случаев может быть немецкий, французский или итальянский. Следует особо подчеркнуть, что фразеология, естественно, не может обладать столь регулярным и однозначным соответствием в славянских языках, как это свойственно фонетике, морфологии и отчасти синтаксису

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М, 1961
- Георгиев В. Исследования по сравнительно историческому языкознанию М, 1958
- Нидерле Л. Славянские древности. Пер. с чеш. М, 1956
- Селищев А. М. Введение в сравнительную грамматику славянских языков — В кн. Селищев А. М. Избранные труды. М, 1968, с. 489—579
- Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. I. Западославянские языки. М, 1941.
- Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М—Л, 1962
- Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. М—Л, 1972

II

- Vaillant A. Grammaire comparee des langues slaves. I. Paris, 1950, II. Paris, 1958
- van Wijk N. Les langues slaves de l'unité à la pluralité. Gravenhage, 1956
- Георгиев В. Вокална система в развоја на славјанските езици. Софија, 1964
- Георгиев В. Основи проблеми на славјанската диахронна морфологија. Софија, 1969
- Гуйер О. Введение в историю чешского языка. Пер. с чеш. М, 1953
- Lehr S, Pławieński T, Kuraszkiwicz W, Sławski F. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954
- Мейе А. Общеславянский язык. Пер. с франц. М, 1951
- Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1956
- Нахтигал Р. Славянские языки. Пер. со словенск. М, 1963
- Slovanske spúsobne jazyky v době přítomné. Под ред. М. Вейнгарта. Прага, 1937
- Trautmann R. Die slavischen Völker und Sprachen. Eine Einführung in die Slavistik. Leipzig, 1948. Chrestomatia słowiańska. I. II. Krakow, 1949. 1950
- Ягич И. В. История славянской филологии. СПб, 1910

§ 33. Старославянский язык является древнейшим литературным языком славян. На этот язык во второй половине IX в. были сделаны переводы канонической литературы (Новый завет, псалтырь, поучения, жития) с греческих оригиналов. Историческая обстановка сложилась так, что моравскому князю Ростиславу в целях противодействия латино-немецкому духовенству, которое являлось проводником влияния немецкого императора в Великоморавском княжестве, стала необходимой поддержка Византии. В 863 г. Ростислав направил в Константинополь посольство с целью получения проповедников, которые пользовались бы славянским языком. Византийский император Михаил III в ответ на обращение направил в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата — Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий, хорошо знавшие славянский язык. Ведущая роль в этой миссии принадлежала младшему брату Константину, который был выдающимся ученым своего времени и опытным дипломатом. По сообщению житий славянских первоучителей, Константин еще до отъезда в Моравию составил славянскую азбуку и приступил к переводам на славянский язык. Основой этого книжного языка мог быть язык македонских славян IX в. (Салоники, где, как предполагают, родились братья, расположены в Южной Македонии). Однако нельзя отрицать и возможного знакомства славянских первоучителей с языком прибывших моравян. Рукописи на старославянском языке, которые относились бы ко времени деятельности первых переводчиков, до нас не дошли. Древнейшие старославянские рукописи, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся к X—XI вв.

Константин и Мефодий ввели в Моравии в церковное богослужение славянский язык и славянскую письменность. Им пришлось выдержать длительную борьбу с немецким духовенством, которое противилось введению славянского языка в церковный ритуал. С 885 г., после смерти Мефодия, немецкое духовенство, которому покровительствовал князь Святополк, сменивший Ростислава, взяло верх, и богослужение по-прежнему стало выполняться на чуждом местному населению латинском языке. Уче-

ники Мефодия были изгнаны из Моравии и нашли приют в Болгарии и Хорватии. Однако славянская письменность продолжала употребляться в некоторых монастырях Чехии и Моравии и позднее, о чем свидетельствуют некоторые памятники старославянского языка моравского происхождения.

В Болгарии создались благоприятные условия для развития славянской письменности. Выдающимся писателем был ученик Мефодия Климент, который в Македонии и юго-восточной Албании (около Охридского озера) создал целую школу учеников, изготовивших много рукописей. В период правления царя Симеона (893—927 гг.) центр славянской книжности переместился на восток Болгарии, в ее столицу Преслав. Выдающимся писателем этого времени был Иоанн Экзарх.

§ 34. Первые старославянские памятники были писаны глаголицей, которую создал, как предполагают, Константин на основе греческого минускульного (скорописного) письма IX в. с дополнением некоторых букв из других восточных алфавитов. Появление кириллицы, восходящей к греческому уставному (торжественному) письму, связывают с деятельностью преславской школы книжников. Вполне возможно, что до этого времени греческие буквы употреблялись славянами без устройства, как об этом сообщает болгарский писатель X в. Храбр Черноризец. Старославянский язык и письменность распространились также в западной части Балканского полуострова. Кроме православных сербов, он начал употребляться и хорватами-католиками, причем в приморских областях Далмации, Истрии и на островах вплоть до нашего времени продолжалось употребление глаголического письма.

В X в. вместе с христианством старославянский язык стал известен восточным славянам. Он содействовал ознакомлению восточных славян с культурой других славянских народов, поставил развитие русского литературного языка в более благоприятные условия в сравнении, например, с западноевропейскими языками, обогатил лексику и фразеологию русского литературного языка, способствовал быстрому росту новых жанров древнерусской литературы.

Богослужбным и литературным языком старославянский был длительное время (до XVIII в.) и в Румынии. Но в более позднее время он стал в названных странах помехой развитию литературных языков на народной основе.

§ 35. Старославянские памятники можно разделить в зависимости от вида письма, содержания и диалектной принадлежности. К глаголическим памятникам относятся: Киевские листки, Зографское евангелие, Ассеманиево евангелие, Мариинское евангелие, Клоцов сборник, Синайская псалтырь, Синайский требник и некоторые другие. Ки-

риллическими памятниками являются: Надпись царя Самуила (993 г.), Саввина книга, Супрасльская рукопись, Добруджская надпись 943 г., Преславские надписи и др. По содержанию выделяют переводы евангелия (Зографское, Мариинское, Ассеманиево), псалтыри (Синайская), молитвенники (Синайский требник), жития святых и поучения (Супрасльская рукопись, Клоцов сборник) и надписи различного характера. Наиболее устойчивыми являются евангельские тексты, не изменявшиеся при переписке.

Исследователи, тщательно изучавшие диалектную принадлежность древнейших старославянских текстов, установили в основном три группы древнейших памятников: 1) памятники с чертами македонско-болгарских диалектов (Мариинское, Зографское, Ассеманиево евангелия); 2) памятники с чертами восточноболгарского диалекта (Саввина книга); 3) памятники с чертами чехо-моравского диалекта (Киевские листки, Пражские глаголические отрывки). Более поздние памятники старославянского языка различаются в зависимости от стран, где они создавались: имеются памятники с чертами сербскохорватского, словенского, древнерусского, болгарского языков (так называемые «изводы», или «редакции»). В памятниках в различной степени представлены особенности соответствующих живых языков.

§ 36. Значение старославянского языка для славянского языкознания определяется не только его ролью в истории литературных славянских языков, но и тем обстоятельством, что это самый древний литературный славянский язык. Многие особенности фонетической структуры и грамматического строя этого языка сохраняют состояние, близкое к праславянскому языку периода его распада на языки отдельных славянских племен. Именно поэтому изучение старославянского языка как такового и в сравнительно-историческом плане имеет важное значение для филолога-слависта.

§ 37. Система гласных старославянского языка характеризовалась наличием редуцированных **ѣ** и **ь**: **сьнѣ, мѣхѣ, сѣто, домѣ, дньнѣ, костѣ**. В эпоху создания старославянской письменности редуцированные употреблялись во всех положениях. Старославянские памятники XI в. указывают на утрату редуцированных в слабой позиции, частую замену их гласными полного образования **о, е** и, наконец, на смешение **ѣ** и **ь**: **брати** в м. **вьрати**, **много** в м. **мъного**, **созда** в м. **създа**, **весь дньнѣ** в м. **вьсь дньнѣ**, **шѣдѣ** в м. **шьдѣ** и т. д. Эти факты свидетельствуют о фонетических изменениях редуцированных в тех славянских диалектах, которые были родными для переписчика старославянского текста. В старославянском языке были представлены носовые гласные: **ѣ** заднего ряда и **ь** переднего ряда, для передачи которых в кириллице употреблялись «юсы»: **ѣ** — «юс большой» ($\equiv \rho$) и **ь** — «юс малый» ($\equiv \epsilon$): **сѣдѣти, ѣдѣ, ѣдѣ, ѣдѣ, ѣдѣ, ѣдѣ**. Гласный,

передаваемый буквой **ѣ** — «ять», в старославянском языке произносился как широкое открытое *e*, близкое к *a*. На это указывает обозначение в глаголической азбуке одной буквой **ѣ** и *ja* (ср. произношение замен **ѣ** в современном болгарском языке). Количественные противопоставления гласных, кроме редуцированных, старославянским языком были утрачены.

§ 38. Основные особенности системы согласных свидетельствуют о принадлежности старославянского языка к южнославянской группе. Исконные сочетания **kv*, **gv* перед **ѣ** заменены *cv*, *zv*: **цвѣтъ**, **звѣзда**; группы **tl*, **dl* упростились в *l*: **молити**, **плелъ**; сочетания типа **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* изменились в *trat*, *tlat*, *trët*, *tlët*: **прахъ**, **гласъ**, **врѣгъ**, **млѣко**; начальные сочетания **ort-*, **olt-* изменились в *rat-*, *lat-*: **равьнъ**, **лакати**. Однако следует отметить наличие в старославянском языке указанных сочетаний без перестановки компонентов, причем после плавного в таком случае развивался вторичный гласный: **алъкати**, **алъдии**, но также **лдии**; в старославянском языке находим после смягченных губных согласных вторичное *l*: **земля**, **коупль**, которое в более поздних памятниках могло утрачиваться. Старославянский язык обладал слоговыми плавными *ɾ*, *ʃ*, появившимися из сочетаний редуцированных с последующими плавными между согласными: **трѣгъ**, **дрѣжати**, **сѣмръть**, **вѣкъ**, **млѣчати**. Об этом свидетельствует написание редуцированных после плавных, а также сохранение слоговых плавных в сербскохорватском и словенском языках и чехословацкой группе; ср. чеш. *trh*, *držeti*, *smrt*, *vlk*, *mlčeti*, но рус. *торг*, *держать*, *смерть*, *волк*, *молчать*.

Изменения давних сочетаний **tj*, **dj*, **kt* перед гласными переднего ряда указывают на принадлежность старославянского языка к болгаро-македонской языковой группе. В старославянском языке находим, как и в современном болгарском, сочетания *št*, *žd*: **свѣща**, **межда**, **нощъ**. Все согласные, появившиеся из сочетания с *j* и в результате палатализаций, были в старославянском языке мягкими; перед гласными переднего ряда согласные были полумягкими.

§ 39. Именное склонение в старославянском языке характеризовалось многотипностью, обусловленной суффиксальными элементами, т. е. гласными и согласными основы. Процесс смешения различных основ, характеризующий склонение всех славянских языков в более позднюю эпоху, в старославянском языке еще не получил большого развития. Так, к мужскому роду относились четыре типа склонения: с основами на *-o-* (*-jo-*), *-ŭ-*, *-ĭ-* и на согласный, например **доухъ** (**мжжъ**), **сытъ**, **гость**, **камы**; к среднему роду — имена с основой на *-o-* (*-jo-*) и согласные: **лето**, **полк**, **семь**, **слово**, **козьла**, к женскому роду — имена с основой на *-ā-* (*-jā-*), *-ĭ-*, *-ŭ-* и согласные: **ржка** (**доуша**), **кость**, **свекры**, **мати** — **матере**. В старославянском склонении на-

считывалось семь падежей (с звательной формой) и три числа, включая двойственное. Падежные флексии, за исключением немногих новообразований, верно отражают праславянское состояние.

Имена прилагательные выступали в именной и местоименных формах, отличающихся определенностью значения.

§ 40. Глагольные формы образовывались от разных основ: основы настоящего времени и основы инфинитива. В зависимости от основы настоящего времени выделялись четыре тематических и один нетематический класс. Тематическими элементами основ настоящего времени были *-e-/o-*, *ne-/no-*, *-je-/jo-*, *-i-*: **несеши** — **несѣтъ**, **двигнеша** — **двигнѣтъ**, **знаеши** — **знаѣтъ**, **видиши** — **видѣтъ**. К нетематическим относились глаголы **късмь** (**выти**), **вѣмь** (**вѣдѣти**), **гдмь** (**гаста**), **дамь** (**дати**), **имамь** (**имѣти**).

От основ настоящего времени были образованы формы настоящего времени, повелительного наклонения и причастия настоящего времени. От основ инфинитива (**нести**, **двигнѣти**, **знати**, **видѣти**) — формы имперфекта в его старом виде, аориста, инфинитива, супина и причастия прошедшего времени. Образование славянского имперфекта не находит соответствия в формах имперфекта других индоевропейских языков и является специфически славянским новшеством. Суффиксами имперфекта были *-ěsch-*, *-ach-*: **ведѣхъ**, **ведѣаше** (2-е и 3-е лицо ед. ч.), **ведѣхомъ**, **ведѣашете**, **ведѣхж** (мн. ч.), **ведѣховѣ**, **ведѣашета**, **ведѣашете** (дв. ч.). В старославянском языке был представлен аорист трех типов. От инфинитивных основ, оканчивающихся на согласный, находим образование простого, или несигматического, аориста: **падъ**, **паде** (2-е и 3-е лицо ед. ч.), **падомъ**, **падете**, **падж** (мн. ч.), **падовѣ**, **падета**, **падете** (дв. ч.), с использованием вторичных окончаний. Сигматический аорист с суффиксом основы *-s-* употребляется чаще и от всех глаголов: **рѣхъ**, **рече** (1-е и 2-е лицо ед. ч.), **рѣхомъ**, **рѣсте**, **рѣшм** (мн. ч.), **рѣховѣ**, **рѣста**, **рѣсте** (дв. ч.). Кроме того, в старославянском языке находим новый сигматический аорист для основ, от которых некогда были образованы формы простого аориста. Основа на согласный в этом случае распространялась посредством суффикса *-sch-*: **рекохъ**, **рече** (1-е и 2-е лицо ед. ч.), **рекохомъ**, **рекосте**, **рекошм** (мн. ч.), **рекоховѣ**, **рекоста**, **рекосте** (дв. ч.). Именно последняя форма аориста представлена в других славянских языках. Индоевропейский перфект представлен в старославянском только реликтовой формой **вѣдѣ**, употреблявшейся в значении настоящего времени: «я знаю». В качестве перфекта стала употребляться описательная форма, состоявшая из причастия прошедшего времени на **лѣ** спрягаемого глагола и форм настоящего времени от глагола **выти**: **късмь**, **къси** и т. д. Давнопрошедшее время образовывалось путем присоединения к указанной причастной форме имперфекта **вѣхъ**, **вѣаше** и т. д., аористных форм (со значением имперфекта) **вѣхъ**, **вѣ** и т. д.

или перфекта от глагола **выти**: **видѣль есмь выль**. Для выражения будущего времени в старославянском языке стали употребляться формы настоящего времени перфектных глаголов: **рѣкж, възъмж** и т. п., а также сочетание инфинитива спрягаемого глагола вместе с формами настоящего времени глаголов **имамь, вѣдж, хоцж, начьж**. При глаголах движения для выражения цели употреблялся супин (достигательное наклонение). Супин оканчивался на **-ѣ**: **идж рывь ловить**.

К именным формам наряду с инфинитивом и супином в старославянском языке принадлежали также причастия. Формы причастий настоящего времени были образованы от основы настоящего времени посредством суффикса **-nt-**: муж. и ср. р. **ведь, знаь**, жен. р. **веджши, знажци**. Причастия прошедшего времени представляли инфинитивные основы с присоединением суффиксов **-ъs-**, **-uъs-**: муж и ср. р. **ведь, знавь**, жен. р. **ведъши, знавьши**. Причастия страдательного залога в настоящем времени имели суффикс **-то-**: **ведомь, знакмь**, в прошедшем времени — суффиксы **-n-**, **-en-**, **-t-**: **веденъ, знатъ, вить**. Все причастия могли выступать в местоименной форме.

Текст

Петръ же вѣиѣ сѣдѣваше на дворѣ и пристѣпи къ немуѣ едина равѣиин глагольшги и ты вѣ съ Иисусомь галнѣвискымь (70) онъ же отъврѣже сѣ прѣдъ всѣми глагола. не вѣмь чьто глаголеши (71) ишѣдъшию же емоу въ врата оузерѣ и другаѣ и глагола емоу. тоу и съ вѣ чѣкъ съ Иисусомь назарѣвинномь (72) и пакы отъврѣже сѣ съ клѣтвомж. ѣко не знаж чѣка (73) не по многоу же пристѣпше стояштен рѣша Петрови. въ истиж и ты отъ нихъ еси. и всегда твоѣ авѣ та творить (74) Тъгда начатъ ротити сѣ и клѣти сѣ. ѣко не знаж чѣка, и авие коуръ възгласи (75) и помѣнж Петръ глаголь иисусовъ. иже рече емоу. ѣко прѣжде даже коуръ не възгласитъ три крѣты отоврѣжеши сѣ мене. и ишѣдъ вѣиѣ плака сѣ гор'ко (76). (Зографское евангелие, Матфей, XXVI, 69—76. V o n d r á k V. Cirkėvńėslovanská chrestomatie. Brno, 1925, с. 43—44.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

- В а й а н А Руководство по старославянскому языку Пер с франц М, 1952
 Vajs J Rukovět' hláholské paleografe Praha, 1932
 В а н - В е й к Н История старославянского языка Пер с нем М, 1957
 W e i n g a r t M Rukovět' jazyka staroslověnského I, II Praha, 1937—1938
 D i e l s P Altkirchenslavische Grammatik I, II Изд 2-е Heidelberg, 1963
 К а р с к и й Е Ф Славянская кирилловская палеография Л, 1928
 К у л ь б а к и н С М Древнецерковнославянский язык 3-е изд Харьков

- Kulbakin S. M. *Le vieux slave*. Paris, 1929.
Kulbakin St. *Mluvnice jazyka staroslověnského*. Praha, 1948.
Kurz J. *Učebnice jazyka staroslověnského*. Praha, 1969.
Zehr-Splawiński T., Bartula Cz. *Zarys gramatyki języka staro-cerkiewne-słowiańskiego*. Kraków, 1965.
Лескин А. *Грамматика древнеболгарского (церковнославянского) языка*. Казань, 1915.
Львов А. С. *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*. М., 1962.
Хабургаев Г. А. *Старославянский язык* М, 1974.
Селищев А. М. *Старославянский язык* Т. I—II. М., 1951—1952.
Toubetzkoy N. S. *Altkirchenslavische Grammatik*. Изд. 2-е. Wien, 1968.
Фортунатов Ф. Ф. *Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка*.— В кн.: Фортунатов Ф. Ф. *Избранные труды*. Т. 2. М., 1957.
Hamm I. *Staroslavenska gramatika*. Zagreb, 1963.
Jagić V. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin, 1913.

II

- Miklosich F. *Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum*. Wien, 1861—1865.
Sadnik L., Aitzetmüller R. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg, 1955.
Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). Praha (издается выпусками с 1958 г.)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 41. Возникновение славянской письменности во второй половине IX в. (863 г.) имело огромное значение для развития славянской культуры. Была создана весьма совершенная графическая система для одного из типов славянской речи, начата работа по переводу некоторых частей библии и созданию других богослужебных текстов. Старославянский язык стал общим литературным языком славян эпохи средневековья. У западных славян он был вскоре вытеснен латинским языком в связи с западным влиянием и переходом в католичество. Поэтому дальнейшее использование старославянского языка связано по преимуществу со славянским югом (Болгария, Сербия) и востоком (Киевское государство, затем Московская Русь, белорусские и украинские земли). Использование старославянского языка в качестве литературного привело к тому, что грамматической обработке подвергся прежде всего этот язык.

Интерес к родственным по языку и культуре славянским народам рано пробудился у русских людей. «Повесть временных лет» (XII в.) свидетельствует о том, что наши предки были хорошо знакомы с территориальным размещением и взаимоотношениями отдельных славянских племен и народностей.

В эпоху средневековья появляются и первые донаучные теории о происхождении славянских народов. Киевский летописец утверждает, что непосредственной родиной славянства был район среднего и нижнего течения Дуная («где ныне Венгерское и Болгарское государства»). Дунайская теория происхождения славян пользовалась большой популярностью и нашла отражение в чешских, польских и хорватских средневековых хрониках.

В XVI в., в целях обоснования агрессии немецких феодалов на востоке Европы, была выдвинута подчеркнута антиславянская, так называемая вандалская теория. На основании случайного созвучия названия германского племени вандалов с названием части западных славян Wenden A. Кранц пытался доказать, что славяне являются потомками вандалов-германцев. В противовес этой теории польский историк М. Кромер выдвигает сарматскую (скифскую) теорию происхождения славян. Она по-

коится на механическом отождествлении сарматов и славян, занимавших некогда одну и ту же территорию.

§ 42. Московские книжники вначале пользовались южнославянскими компиляциями трудов поздневизантийских грамматистов. Таково, в частности, дошедшее до нас во многих списках XV—XVII вв. рассуждение «О восьми частях слова», которое приписывается Иоанну Экзарху болгарскому, жившему в X в. Весьма популярным было в это время сочинение «О письменах», написанное черноризцем Храбром в X в. в Болгарии, в котором рассказывается о создании славянской азбуки Константином. Большой интерес представляет перевод латинской грамматики Доната, выполненный в 1522 г. Дмитрием Толмачевым. Интерес к традициям древнеславянской письменности, обусловивший закономерное внимание русских книжников к старославянскому языку, усилился к середине XV в. в связи с событиями на Балканах, в особенности после захвата Константинополя турками (1453 г.), и формированием идеологии Москвы как третьего Рима, т. е. закономерной наследницы и хранительницы христианско-византийской культуры и образованности.

Первые наши печатные пособия и грамматики связаны с Украиной и Белоруссией, где, в противовес иезуитским коллегиям, православные школы остро нуждались в книгах и пособиях на старославянском языке. Московский первопечатник Иван Федоров в 1574 г. во Львове издал «Букварь», в котором содержится азбука, правила чтения по слогам, образцы склонения и спряжения, а также тексты для чтения. Первая печатная грамматика старославянского языка была издана в Вильно в 1586 г. под названием «Словенска грамматика». В 1591 г. во Львове вышла из печати греко-славянская грамматика «Адельфотис. Грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка. Совершенного искусства осми частей речи. Ко наказанию многоименитому росийскому роду», составленная учениками Львовского братского училища. В 1596 г. Лаврентий Зизаний издал в Вильно «Грамматику Словенску совершенного искусства осми частей слова». Наконец, в 1619 г. в Евю, близ Вильно, вышло знаменитое пособие «Грамматики славенские правильное синтагма» Милетия Смотрицкого (1577—1633), оказавшее сильное влияние на последующую грамматическую литературу. В 1648 г. эта грамматика с некоторыми видоизменениями и дополнениями была переиздана в Москве и служила учебным пособием вплоть до появления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Представляет интерес с точки зрения сопоставления славянских языков и критического отношения к своим предшественникам «Грамматично искажанје об русском језику», написанное сосланным в Тобольск сербом Юрием Крижаничем (1666 г.). Своеобразные языковые отно-

шения в Московском государстве были отмечены и англичанином Генрихом Вильгельмом Лудольфом, составившим первую грамматику русского языка (1696, «Grammatica russica», издана на латинском языке в Оксфорде). Лудольф в ней отмечает, что «русские только говорят по-русски, пишут же по-славянски», т. е. пользуются старославянским языком.

§ 43. Прочный фундамент русского языкознания заложил гениальный русский ученый-энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765). В 1755 г. Ломоносов выпустил свою «Российскую грамматику», первую грамматику русского языка, написанную на русском языке. Она сыграла исключительную роль в развитии русской грамматической мысли и не утратила своего значения до настоящего времени. Объясняется это прежде всего тем, что Ломоносов, в отличие от априорных и бездоказательных схем философии языка своего века, следует строго эмпирическому методу, основанному на наблюдении и обобщении русского языкового материала в области фонетики, орфографии, словообразования, морфологии с учетом особенностей отдельных частей речи и синтаксиса.

Ломоносов внес большой вклад в разработку понятной и ясной терминологии, состоящей из корней родного языка. Многие его термины живут до настоящего времени: *предложный падеж, земная ось, преломление лучей, удельный вес, кислота, магнитная стрелка, закон движения, квасцы, северное сияние, маятник, чертеж, опыт, наблюдение, явление, частицы*. Узаконены были им и многие иноязычные термины: *диаметр, квадрат, формула, атмосфера, барометр, горизонт, микроскоп, метеорология, периферия, сулема, эфир, селитра* и др. Ломоносов хорошо знал особенности известных в его время славянских языков. Он первым определил старославянский язык как язык, родственный русскому, но не тождественный ему. Он неоднократно подчеркивал большую близость русского языка к южнославянским языкам по сравнению с западнославянскими.

Наконец, в рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (1758) Ломоносов развил теорию трех стилей — высокого, среднего и низкого. Этим делением он ограничил использование устаревших церковнославянских элементов и демократизировал русский литературный язык. Ломоносовское начинание завершил А. С. Пушкин — законодатель русского литературного языка нового времени.

§ 44. Первыми древнерусскими словарями были азбуковники, или «алфавиты иностранных речей», которые объясняли непонятные слова церковных книг. Позднее появляются уже печатные словари. К ним относятся «Лексис, сиречь речения, вкратце собранные и из словенского языка на простой Русский диалект истолкованные» (1596) Лаврентия Зизания и замечательный

«Лексикон словеноросский» украинца Памвы Беринды (1627), различавший уже церковнославянские и украинские слова. В Петровскую эпоху появилось несколько словарей иностранных слов. Однако первым научным словарем русского языка явился «Словарь Академии Российской» (1789—1794). Он содержит около 50 тысяч слов, употреблявшихся в русском языке XVIII в., причем широко привлекает терминологическую лексику, в упорядочении которой принимали участие ученые того времени.

§ 45. На славянском юге развитие старославянской образованности с XIV в. было прервано турецким завоеванием. В Болгарии во второй половине XVIII в. священник Паисий Хилендарский в «Истории славяно-булгарской» (1762) призывает на борьбу за родной народ и его язык. В Сербии в XVIII в. под русским влиянием возникает литература на «славяно-сербском» книжном языке. Грамматические исследования и словари сербскохорватского языка в XVII—XVIII вв. появляются прежде всего у хорватов. Первую словенскую грамматику написал А. Богорич в XVI в.

В Польше письменность на родном языке возникает в XIV в. Около 1440 г. появился трактат о польской орфографии, принадлежавший краковскому канонику Якову Паркошу, содержащий ценные наблюдения над особенностями польского языка того времени. Первая грамматика польского языка, написанная по-латински, принадлежала Петру Статориусу-Стойенскому (1568). Первый большой словарь польского языка был создан Г. Кнапским (1621). В рационалистическом духе в XVIII в. составлял польские грамматики О. Копчинский.

Письменность на чешском языке возникает в XIII в. Классовая и национальная борьба XV в. (гуситское движение) способствовала усовершенствованию литературного языка. Его реформатором явился Ян Гус (1373—1415), который освободил литературный язык от архаизмов и многочисленных немецких заимствований, укрепил своим авторитетом норму литературного языка и реформировал графику (сочинение «Чешская орфография»). Уже в XIV в. в Чехии появляются латинско-чешские словари, которые были обработаны Кларе́том. В период гуманизма и деятельности общины «чешских братьев» (XVI — начало XVII в.) чешский литературный язык обогащается стилистически и развивает синтаксические средства. Словарный состав языка XVI в. отражен в латинско-чешско-немецко-греческом словаре Адама Велеславина (1598) и трудах Я. А. Коменского (1592—1670). Первой оригинальной грамматикой явилась «Grammatica bohémica» Лаврентия-Бенедикта Недожерского (1603). В эпоху упадка чешского языка лучшей грамматикой была «Grammatica Slavico-Bohémica» словака Павла Долежала (1746).

§ 46. Необычайно разносторонней была деятельность Иосифа Добровского (1753—1829), которого по праву считают основателем славянской филологии как науки. Борясь с германизацией, Добровский проделал огромную работу по нормализации и регламентации чешского литературного языка. Большое значение имеют его труды «История чешского языка и литературы» (1792), «Подробное руководство по чешскому языку» («Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache», издания 1809 и 1819 гг.), «Немецко-чешский словарь» и др. Славистические интересы Добровского также были широки. Он первым с научной точки зрения начал изучать старославянский язык и его грамматику, дал классификацию современных славянских языков. Ему принадлежат такие работы, как «Глаголица» (1807), знаменитые «Основы древнего наречия славянского языка» (*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*, 1822), «Кирилл и Мефодий, славянские апостолы» (1823) и др.

Добровский придавал большое значение изучению русского языка. Он специально посетил Россию, чтобы ближе познакомиться со страной и установить научные связи с русскими учеными.

§ 47. Александр Христофорович Востоков (1781—1864) — один из основоположников сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале. Основные работы Востокова — «Рассуждение о славянском языке», «Русская грамматика» (1831), «Опыт областного великорусского языка» (1852), «Словарь церковнославянского языка» (1858—1861). Филологические труды Востокова издал И. И. Срезневский в книге.

Эпохальное значение имело небольшое «Рассуждение о славянском языке» Востокова, напечатанное в 1820 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности». Востоков начинает с обозрения славянских языков, повторяет классификацию Добровского, разделяя славянские языки на восточные и западные, но основное внимание уделяет выяснению места старославянского языка и его отношениям с русским, сербским и другими языками. Сопоставляя корни и грамматические формы живых славянских языков со старославянскими фактами, Востоков сумел разгадать непонятные до него факты старославянских памятников. Прежде всего он определил звуковое значение «юсов» — большого и малого, произведя сопоставление ряда старославянских слов со словами польского языка, сохранившего носовые гласные. Это сопоставление фактов мертвых языков с фактами живых языков и диалектов было новшеством и позднее стало всеобщим достоянием сравнительной грамматики.

На примере носовых гласных, истории развития праславянских сочетаний **tj*, **dj* и **kt* перед гласными переднего ряда Востоков показывает характер звуковых соответствий в родственных языках и развитие различных сочетаний в разных языках и диалектах от одного архетипа или праформы. Этот метод реконструк-

ции незасвидетельствованных письменными памятниками форм также имеет общеметодологическое значение и выходит за пределы славянского языкового материала.

Полемизируя с мнением Добровского о сербском происхождении старославянского языка, Востоков вместе с тем отверг и представление о старославянском как о праязыке, ибо он «не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского, разделенного тогда на многие племена и на великом пространстве Европы рассеянного: он был наречием одного какого-нибудь племени». Востоков четко различает старославянский и русский языки, отмечая, что старославянский, «на который переложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян едва ли не в общенародном употреблении». Востоков принципиально различает древнерусский язык, на котором написаны «Русская правда» и «Слово о полку Игореве», от церковнославянского. Востоков подчеркивает также и глубокое воздействие старославянского языка на литературный русский язык. Он пишет: «Правда, что и русский *простонародный* язык весьма несходен стал не только со славянским, но даже с русским же *книжным* языком, обогатившимся многими словами из церковнославянского и поправляющим по оному выговор свой и правописание... Какому бы диалекту первоначально ни принадлежал язык церковных славянских книг, он сделался теперь как бы собственностью россиян, которые лучше других славян понимают сей язык и более других воспользовались оным для обогащения и для очищения собственного своего народного диалекта».

§ 48. В первой половине XIX в., наряду с энциклопедическим изучением славянской культуры, исследованием происхождения славян и их истории, а также филологическим анализом старославянского языка, начинается сравнительно-историческое изучение славянских языков и тщательный лингвистический анализ старославянского языка. Первое направление связано по преимуществу с именем И. Добровского, второе — с именем А. Х. Востокова. В общественно-политической жизни славянских народов в это время происходит глубокий перелом. Это был период возрождения славянских народов, обусловленный развитием капитализма, процессом складывания буржуазных славянских наций и мощным подъемом национально-освободительной борьбы южных и западных славян. Рост национального самосознания славянских народов породил закономерный интерес к языковому родству и к тем элементам культуры, которые сближали славянские народы между собой. Каждый славянский народ, большой и малый, выдвигает ряд ученых, которые принимаются за глубокое изучение родного языка, отечественной истории и литературы. Зарубежные славянские народы, находившиеся под

гнетом турецких, немецких и венгерских завоевателей, с любовью и надеждой обращались к России, только что победившей Наполеона, рассматривая ее как оплот в своей борьбе за национальное освобождение и беспрепятственное культурное развитие.

Ведущая роль в развитии славяноведения принадлежала в это время чешским ученым, так как Чехия дальше других стран продвинулась по пути капиталистического развития. Такие деятели чешского национального и культурного движения, как И. Юнгманн (1773—1847), Ф. Челаковский (1799—1852), Ф. Палацкий (1798—1876), словаки Я. Коллар (1793—1852) и П. Шафарик (1795—1861), выступали в защиту родного языка, пропагандировали идею славянской общности и взаимности. Они приступили к серьезному изучению истории, литературы и этнографии славянских народов. В идейном отношении труды чешских славистов отражали борьбу буржуазной идеологии против феодализма и характеризовались тесной связью с задачами национально-освободительного движения. Немецкой историографии, принижавшей историческую роль славян, были противопоставлены такие концепции, согласно которым роль славянских народов в мировой истории получила более объективное и правильное освещение.

В Польше выдающимся филологом был С. Линде (1771—1847). В Сербии развернулась деятельность Вук Караджича — создателя сербского литературного языка и борца за народность литературы.

§ 49. Изучение старославянского языка было продолжено словенцем Б. Копитаром (1780—1844), который стремился обосновать паннонскую теорию происхождения старославянского языка, и особенно словаком П. И. Шафариком. Последний много сделал для изучения сербского извода старославянского языка, окончательно установил более раннее возникновение глаголицы сравнительно с кириллицей, много занимался проблемой возникновения и распространения старославянской письменности, а также деятельности Константина и Мефодия.

Большой вклад в изучение старославянского языка внесли первые русские слависты О. М. Бодянский (1808—1877), В. И. Григорович (1815—1876) и И. И. Срезневский (1812—1880). Бодянский издал множество памятников старославянского языка и установил время возникновения старославянской письменности. Григорович открыл для науки Зографское и Мариинское евангелия — древнейшие старославянские рукописи. Срезневский обнаружил Саввину книгу, Киевские листки и всю жизнь трудился над анализом и изданием памятников славянской письменности. Его «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» содержат и старославянскую лексику.

Исследования по старославянскому языку Шафарика, Юнгманна, Линде, Караджича и других ученых, а также труды, посвященные отдельным славянским языкам, дали материал для сравнительно-исторического изучения славянских языков. На первое место в этой области изучения следует поставить словенца Франца Миклошича (1813—1891), работавшего в Вене, и немецкого компаративиста Августа Шлейхера (1821—1868).

§ 50. В 1852 г. Миклошич издал первый том, содержащий фонетику, своего большого труда «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen». Второй том его сравнительной грамматики славянских языков, содержащий морфологию, появился в 1856 г. В 1874 г. был издан третий том — сравнительный синтаксис. В сравнительной грамматике Миклошича детально описаны факты старославянского языка. Затем, в согласии с паннонской теорией диалектной принадлежности старославянского языка, автор описывает словенский язык, после которого следуют очерки болгарского, сербскохорватского, украинского, русского, чешского, польского и лужицких языков. Фактически сравнительная грамматика Миклошича представляла собой построенные по единому плану очерки фонетики, морфологии и синтаксиса отдельных славянских языков. В 1875—1883 гг. вышло второе издание этого труда с дополнительным томом, посвященным словообразованию. Итогом изучения славянской лексики явились два словаря, составленные Миклошичем: «Lexikon paleo-slovenico-graeco-latinum» («Старославянско-греко-латинский словарь»; 1861—1865), «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen» («Этимологический словарь славянских языков»; 1886), сыгравшие в истории славистики большую роль.

В 1852 г. вышла также в свет работа Шлейхера «Formenlehre der kirchenslavischen Sprache» («Морфология церковнославянского языка»), которая по уровню сравнительно-исторического подхода значительно превосходила работу Миклошича. Использование данных литовского языка для объяснения праславянских фактов еще более увеличивало ценность этой книги.

§ 51. В 70-е годы XIX в. наступает перелом в методах лингвистического исследования, связанный с возникновением и формулировкой положений младограмматического направления. Младограмматики подняли на большую высоту изучение фонетики и морфологии, введя понятие фонетического закона и используя наблюдения над фактами морфологической аналогии. Обращение к изучению диалектов и живых форм языкового развития также способствовало обогащению теории. В центре славистики конца XIX — начала XX в. находился петербургский академик, хорват по национальности, Ватрослав Ягич (1838—1923), основавший в 1876 г. в Берлине славистический журнал «Archiv für slavische Philologie». Сам Ягич издал ряд важных памятников старо-

славянского языка (Киевские листки, Зографское и Мариинское евангелия) с ценными комментариями. В своей работе «Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache» («История возникновения церковнославянского языка», 2-е изд. 1913) он окончательно дискредитировал паннонскую теорию происхождения старославянского языка и осуществил тщательный и плодотворный анализ лексики старославянских памятников. Важным исследованием по сравнительному славянскому синтаксису является его труд «Beiträge zur slavischen Syntax» (1899). Ягич собрал древние славянские сочинения на грамматические темы и издал их в труде «Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895). Его «История славянской филологии» (1910) является наиболее полным собранием историко-языковедческих фактов и сохраняет значение до настоящего времени.

Большое значение имели славистические работы одного из основателей лейпцигской школы младограмматиков Августа Лескина (1840—1916). В 1876 г. он издает «Deklination in Slavisch-Lituanischen und Germanischen» («Склонение в славяно-литовском и германском языках»), где критически оценивает учение Шлейхера о германо-балто-славянском праязыке и устанавливает относительную хронологию многих праславянских фонетико-морфологических явлений. Лескин использовал свои выводы в учебных руководствах по старославянскому языку, которые завоевали всеобщее признание. В 1886 г. появилось второе издание его книги «Handbuch der altbulgarischen Sprache» («Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку»). Русский перевод «Руководства...» с дополнениями А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина вышел в 1890 г. Систематическая «Grammatik der altbulgarischen Sprache» («Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка») появилась в 1909 г., а в 1915 г. вышла в русском переводе. Лескин внес существенный вклад в изучение грамматики сербскохорватского языка.

В России изучение строя русского языка и его исторического развития было продолжено грамматиками Востокова и «Исторической грамматикой русского языка» Ф. И. Буслаева (1858).

§ 52. Новые методологические принципы в разработку истории праславянского языка, сравнительной грамматики славянских языков и трактовку их сущности, их законов развития были внесены в русское и мировое языкознание тремя русскими языковедами — основателями оригинальных лингвистических направлений — А. А. Потебней (1835—1891), Ф. Ф. Фортунатовым (1848—1914) и И. А. Бодуэном де Куртене (1845—1929).

Харьковский профессор Потенбня, в отличие от Миклошича, в своем капитальном труде «Из записок по русской грамматике» (т. I—II, 1874, т. III, 1888, т. IV, 1945) опирается на структуру предложения, а не на отдельные словоформы, и на обширном славянском материале показывает изменения в структуре славянских типов предложения в связи с развитием мышления. Фортунатов, будучи специалистом в области сравнительного индоевропейского языкознания, в своих лекциях по старославянскому языку оригинально и плодотворно подходил к изучению звуковых процессов праславянского языка. Своим строгим и формальным методом он обогатил славистику и создал лингвистическую школу, к которой относятся как русские (Шахматов, Щепкин, Ульянов, Дурново, Поржезинский, Ляпунов), так и иностранные слависты (А. Белич, Бернекер, Педерсен, Миккола, Мурко, Поливка).

Бодуэн де Куртенэ выдвинул новое, фонологическое понимание звуковых изменений, уделял большое внимание вопросам относительной хронологии, выдвинул принципы структурно-типологического изучения славянских языков, много времени посвятил изучению польского языка и вопросов языкового смешения, основываясь на славянском материале. Учениками Бодуэна де Куртенэ были Крушевский, Богородицкий, Щерба и некоторые польские лингвисты.

Изучением истории русского языка филологическим методом занимался А. И. Соболевский (1857—1929), издавший «Лекции по истории русского языка» (4-е изд., 1907). Крупнейшим историком русского языка и русского народа был А. А. Шахматов (1864—1920). Его труд «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915) имеет общеславистическое значение. Шахматов был прекрасным знатоком памятников русского языка, исследователем русского летописания, инициатором введения в высшей школе курса современного русского языка, автором оригинального и глубокого труда — «Синтаксис русского языка». Русские исследователи начала XX в. по преимуществу были учениками или Соболевского, или Шахматова.

В это время появляется ряд обобщающих работ по славянским языкам, грамматике праславянского языка и сравнительной грамматике славянских языков. Профессор Киевского университета Т. Д. Флоринский издал «Лекции по славянскому языкознанию» (т. I—II, 1895—1897), содержащие общий обзор славянских языков на исторической основе. Новую сравнительную грамматику славянских языков «Vergleichende slavische Grammatik» (т. I—II, 1906—1908) подготовил профессор Венского университета, чех по национальности, Вацлав Вондрак (1859—1925). Второе, переработанное издание этого труда было опубликовано в 1924—1928 гг. По сравнению с грамматикой Миклошича это исследование явилось шагом вперед, так как Вондрак дал не очерки славянских языков, а расположил славянский материал по отдельным процессам и явлениям, хотя фило-

логический подход и невнимание к новым научным открытиям и веяниям значительно снижают ценность труда. Г. А. Ильинский (1876—1938) издает в 1916 г. «Праславянскую грамматику», содержащую очерк фонетики и морфологии праславянского языка, однако без должного учета хронологических пластов в его развитии.

Среди других русских славистов следует отметить П. А. Лаврова (1856—1929), опубликовавшего «Палеографическое обозрение кирилловского письма» (1914) и «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (1930), В. Н. Щепкина (1863—1920), автора тщательного и детального «Рассуждения о языке Саввиной книги» (1899), С. М. Кульбакина (1873—1941), который подготовил «Граматику старославянского языка», вышедшую во французском, чешском и сербском переводах, Е. Ф. Карского (1860—1931), автора капитальной работы по белорусскому языку и «Славянской кирилловской палеографии» (1928).

§ 53. Среди польских лингвистов видное место занимает компаративист Ян Розвадовский (1867—1935), создавший новаторские работы по топонимике и взаимоотношению польского языка и других славянских языков. Проблемами взаимоотношения западнославянских языков с упором на польскую диалектологию занимался Казимеж Нитш (1874—1958). Автором исторической грамматики польского языка явился Ян Лось (1871—1928). Станислав Шобер (1879—1938) занимался изучением современного польского языка и его грамматического строя. Тадеуш Лер-Славинский (1891—1965) был крупнейшим славистом в период между двумя мировыми войнами: особенно важны его работы о славянском ударении, полабском языке, истории польского и восточнославянских языков, обобщающая работа «О происхождении и прародине славян» (1946), обосновывающая «польскую» прародину славянства. Из современных польских языковедов отметим В. Дорошевского (1899—1976), В. Курашкевича, Зд. Штибера, Я. Отрембского, Ст. Урбаньчика, Фр. Славского.

В изучении чешского языка целую эпоху составляет деятельность Яна Гебауера (1838—1907), автора труда «Historická mluvnická jazyka českého» («Историческая грамматика чешского языка»; т. I, 1894, т. II, 1896, т. III, 1898, т. IV, 1929), незавершенного древнечешского словаря, автора грамматик чешского языка. Гебауер доказал поддельный характер Краледворской и Зеленогорской рукописей. Этимологическими разысканиями и синтаксическими проблемами занимался компаративист Йозеф Зубатый (1855—1931). Большое значение для славистики имела деятельность выдающегося чешского историка Любора Нидерле (1865—1944), автора многотомного труда «Slovanské Starožitnosti» («Славянские древности»: 1902—1921), в котором

он определил, в основном путем исключения, прародину славян: территория, лежащая к северу от Карпат, между средним Поднепровьем и Эльбой или Вислой. Более точная локализация местожительства славян в определенную эпоху связана с хронологией. Если не учитывать этого, то славянскую прародину свободно можно искать от Эльбы до Волги. Изучением старославянского языка плодотворно занимались Милош Вейнгарт (1890—1939) и Йозеф Курц (1901—1971). Историей чешского языка и описанием современного состояния языка занимался Франтишек Травничек (1889—1961). Из современных чешских языковедов отметим Б. Гавранка (1893—1978), К. Горалка, автора «Введения в изучение славянских языков» (2-е изд., 1962), А. Едличку, Я. Белича.

Словацкий язык изучали Мартин Гаттала (1821—1903), Само Цамбель (1856—1909), Ян Станислав (1904—1976) — автор пятитомной истории словацкого языка, а для настоящего времени назовем Эугена Паулини, описавшего современными методами фонетико-морфологическую структуру словацкого языка, и Йозефа Ружичку.

Тщательному сравнительно-историческому изучению лужицких языков посвящены труды Арношта Муки (1854—1932). Много сделали в области изучения языка лужицких сербов чешские филологи Йозеф Пата (1886—1942) и Антонин Фринта.

Сербскохорватский язык изучали ученик Караджича Джуро Даничич (1825—1882), Томислав Маретич (1854—1938), Александр Белич (1876—1960). Из современных лингвистов можно указать М. Стевановича, М. Храсте, С. Живковича, Д. Брозовича, Л. Йонке.

Словенский язык был исследован Максом Плетершником (1841—1923), Карелом Штрехелем (1859—1912), Антоном Брезником (1881—1944), Франем Рамовшем (1890—1952) — историком словенского языка и крупным диалектологом. Словенский славист Райко Нахтигал (1877—1958) издал введение в изучение славянских языков «Slovanski jeziki» (2-е изд., 1952), переведенное на русский язык.

Болгарский язык изучали крупнейшие лингвисты: историк болгарского языка и диалектолог Любомир Милетич (1863—1930), Бенё Цонев (1863—1926), автор «История на българския език» (т. I, 1919, т. II, 1934, т. III, 1937), Стефан Младенов (1880—1963), Стоян Романски (1882—1959). Из современных болгарских лингвистов назовем замечательных болгарских языковедов: крупнейшего индоевропеиста и слависта В. Георгиева, автора ряда грамматик болгарского языка Л. Андрейчина, а также И. Лекова и К. Мирчева.

Македонский язык разрабатывается в трудах Блаже Конески, Б. Видоески, Б. Корубина и др.

В период между двумя мировыми войнами в славянских странах много внимания уделялось методам изучения прасла-

вянского и живых славянских языков. В 20-х и 30-х годах эти поиски во многом были связаны с деятельностью Пражского лингвистического кружка, который, опираясь на «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра и труды русских дореволюционных языковедов. Программными в этом отношении были «Тезисы Пражского лингвистического кружка» (1929), в которых подчеркивалась необходимость структурного понимания языка в противовес атомизму младограмматиков, обращалось внимание на системный характер и обусловленность языковых изменений, обосновывалось убеждение об автономности развития структуры языка как фактора проявления его внутренних законов, рекомендовалось использовать достижения фонологии при исследовании других областей языка. Наиболее плодотворна в этом отношении была деятельность Н. С. Трубецкого (1890—1938), автора многих важных работ о праславянском и старославянском языках, а также по истории русского языка, Р. О. Якобсона (1896—1982), который осветил фонологическое развитие русского языка на сравнительно-типологическом основании («Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves», 1929) и пытался со структуралистских позиций рассматривать именную и глагольную систему русского языка, голландского лингвиста Н. Ван Вейка (1880—1942), изучавшего фонетику и акцентологию праславянского языка, Богуслава Гавранка, автора известного труда о залогах славянского глагола. С течением времени многие идеи Пражской школы были признаны плодотворными и получили всеобщее распространение.

§ 54. После окончания Великой Отечественной войны советского народа против фашизма славистические исследования стали развиваться во многих странах Европы и Америки. К Франции, где знаменитый индоевропеист Антуан Мейе ранее издал синтетическую работу о праславянском языке («Общеславянский язык» в русском переводе), присоединяются другие страны, в которых начинают выходить славистические издания: «Ricerche slavistiche» в Италии (с 1952 г.), «Wiener slavistisches Jahrbuch» в Австрии (с 1953 г.), «Die Welt der Slaven» в ФРГ (с 1955 г.), «Zeitschrift für Slavistik» в ГДР (с 1956 г.), «Studia slavica» в Венгрии (с 1955 г.), «Scandoslavica» в Дании (с 1954 г.), «Harvard Slavic Studies» в США (с 1953 г.) и т. д.

Большую роль в объединении сил славистов, определении основных проблем, которые требовали разрешения в ближайшее время, сыграл IV Международный съезд славистов, проходивший впервые после войны в сентябре 1958 г. в Москве. На этот международный славянский совет съехались слависты всего мира.

Идея созыва международных съездов славистов (филологов и историков) возникла в Отделении русского языка и словесности Российской Академии наук в 1903 г. I съезд, посвященный па-

мяти И. Добровского, удалось собрать лишь в 1929 г. Он проходил в Праге, Брно, Братиславе. II съезд проходил в Варшаве и Кракове в 1934 г. Проведению III съезда в Белграде в 1939 г. помешала вторая мировая война. Но в связи с тем, что к этому конгрессу были изданы материалы, за ним решено было оставить порядковый номер. Со времени проведения IV Международного съезда славистов славистические конгрессы проводятся регулярно каждые пять лет.

Советские ученые разрабатывают и обосновывают на материале русского и других славянских языков принципы марксистского языкознания. В этом отношении особенно важна деятельность и научные труды А. М. Селищева (1883—1942), Л. В. Щербы (1880—1944), А. А. Булаховского (1886—1961), В. В. Виноградова (1895—1970).

Особо следует отметить большую работу по созданию «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд», которую под руководством О. Н. Трубачева проводит Институт русского языка АН СССР. Первый выпуск этого важнейшего лексикографического труда появился в 1974 г.

Все сказанное показывает, что славистическая наука во всех странах после завершения Великой Отечественной войны вступила в новую стадию развития. Во всех странах мира, особенно в славянских, она бурно развивается, создаются капитальные исследования и обобщающие труды по важнейшим проблемам славяноведения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. Спб., 1904.
Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
Неедлы З. К истории славяноведения до 18 века.— «Slavia», 1953, т. 22, № 1.
Развитие советского языкознания за 50 лет. 1917—1967. М., 1967.
Советское славяноведение. М., 1963.
Ягич И. В. Рассуждение старины о церковнославянском языке. Спб., 1885.
Ягич И. В. История славянской филологии.— «Энциклопедия славянской филологии». Вып. I. Спб., 1910.

СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 55. Современные славянские языки подразделяются на три большие группы: восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую. К восточнославянским относятся русский, украинский и белорусский языки. На них говорит большая часть современного славянства — более 175 млн. человек.

Восточнославянские языки используются в качестве основных на всей Восточноевропейской равнине на север от Черного и Каспийского морей и Кавказского хребта, на восток от рек Прута и Днестра, западных склонов Карпат, рек Сана, Буга и Немана, Балтийского моря и Ладожского озера; в азиатской части СССР территория распространения русского языка простирается от Памира и границ с Китайской Народной Республикой до Северного Ледовитого океана, охватывая Урал, Сибирь, Среднюю Азию и Дальний Восток вплоть до побережья Тихого океана и морских рубежей СССР на Курильских и Командорских островах. Особенно широкое распространение на территории СССР получил великий русский язык, который является средством межнационального общения народов Советского Союза и стал вторым родным языком для многочисленных наций и национальностей нашей страны (свыше 60 млн.).

§ 56. Западнославянская группа включает в свой состав польский, кашубский, чешский, словацкий и серболужицкие языки (верхний и нижний). На польском языке говорит около 35 млн. человек, живущих в Польской Народной Республике, и около 2 млн. поляков за границей (в том числе около 100 тыс. в Чехословакии — в Тешинской Силезии и на Ораве). Кашубы живут в Польской Народной Республике на побережье Балтийского моря, на запад от нижнего течения Вислы, преимущественно в Морском и Картузском уездах. Численность их достигает 200 тыс. На территории Чехословацкой Социалистической Республики представлены близкородственные чешский и словацкий языки: в западных областях около 10 млн. человек пользуются чешским, в восточных — около 5 млн. говорят на словацком языке. За пределами Чехословакии проживает около 1 млн. чехов и словаков.

Серболужицкий язык распространен на территории Германской Демократической Республики по верхнему течению р. Шпрее. Верхние лужичане (центр г. Баутцен, восточнее Лейпцига) входят в состав земли Саксонии; нижние лужичане (центр г. Коттбус, юго-восточнее Берлина) живут в земле Бранденбург. Лужичане являются национальным меньшинством в ГДР; перед второй мировой войной их насчитывалось около 180 тыс.; в настоящее время их численность определяют в 150 тыс.

Таким образом, западнославянскими языками пользуется около 50 млн. человек, что составляет примерно 17% от общей численности славян и около 10% всего населения Европы.

На территории Восточной Германии западнославянские языки подверглись в XII—XVI вв. немецкой ассимиляции и исчезли. Данные современной топонимии убедительно свидетельствуют о древнем славянском населении Бранденбурга, Мекленбурга, Саксонии и некоторых других областей. Еще в XVIII в. сохранялась славянская речь на Эльбе (славянское название — *Лаба*), в Люховском округе на р. Еце (юго-восточнее Гамбурга, в области, до сих пор именуемой *Вендланд*). Язык полабских славян восстанавливается на основе отдельных слов и местных названий, встречающихся в латинских и немецких документах, небольших записей живой речи, сделанных в XVII—XVIII вв., и небольших словарей того времени. В славистике он носит название «полабского языка».

§ 57. К южнославянской группе относятся сербскохорватский, словенский, болгарский и македонский языки. Они распространены на большей части Балканского полуострова. От восточных славян южные славяне отделены территорией Румынии, от западных — территорией Венгрии и Австрии.

На западе южные славяне граничат с итальянцами, на юго-западе — с албанцами, на юге — с греками и турками. Точные границы между отдельными южнославянскими языками установить довольно трудно, так как, например, между словенским и сербскохорватским, болгарским и сербскохорватским языками имеются широкие полосы переходных говоров, содержащих особенности обоих языков.

На территории Социалистической Федеративной Республики Югославии представлены сербскохорватский, словенский и македонский языки. На словенском языке говорят около 1,5 млн. словенцев, проживающих в республике Словения (Юлийская Крайна, Горица, Южные Каринтия и Штирия, Северная Истрия). Полмиллиона словенцев живут за пределами Югославии. Примерная граница между словенским и сербскохорватским языками тянется от Вараждина на востоке к Триесту на западе. Кайкавский диалект является переходным от словенского к сербскохорватскому языку.

На сербскохорватском говорит свыше 18 млн. человек, объединяющих сербов и хорватов, а также черногорцев и боснийцев. Населяют они республики Сербию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и автономный край Воеводину (Банат, Бачка, Баранья). Сербь, хорваты, черногорцы и боснийцы пользуются единым литературным сербскохорватским языком. Сербскохорватский язык отделен от болгарского широким поясом переходных и смешанных говоров, тянущихся от устья р. Тимок через Пирот, Вране, вплоть до Призрена.

На македонском языке говорит население на юге от Скопье в Югославии, Греции и Болгарии. На западе территория распространения этого языка ограничена Охридским и Преснянским озерами, на востоке — р. Струмой. Общее количество македонцев трудно установить, но едва ли оно превышает в целом 1,5 млн. Литературную обработку македонский язык получил только после второй мировой войны.

На болгарском языке говорит около 9 млн. человек, живущих в Народной Республике Болгарии. Кроме македонцев, проживающих в Греции, следует отметить, что за пределами Болгарии и Югославии проживают: словенцы в Триесте, Италии, Австрии, сербы и хорваты (около 120 тыс.) — в Венгрии и Румынии, болгары — в Молдавской ССР и на Украине. Общая численность южных славян составляет около 31 млн. человек.

В целом южнославянские языки составляют две большие группы: болгарскую, к которой очень близок македонский язык, и сербскохорватскую, к которой близок словенский язык. Это деление находит и историческое обоснование, так как, очевидно, славянские племена заселяли Балканский полуостров (в VI—VII вв.) двумя параллельными потоками: восточным (болгары и македонцы) и западным (другие южнославянские народы), и лишь позднее установилась непосредственная граница между их языками.

В истории культуры славянских народов огромную роль сыграл старославянский язык, в котором славянские языки впервые получили литературную обработку (подробнее о нем см. выше).

§ 58. Уже в IX в. славяне употребляли две азбуки: глаголицу и кириллицу. Позже глаголица вышла из употребления. В основе современного русского письма лежит кириллица. От IX в. текстов на славянских языках не сохранилось. Древнейшие тексты на славянских языках идут от X в. Это русская Гнездовская надпись, Добруджская надпись 943 г., знаменитая надпись болгарского царя Самуила 993 г. и Варошская надпись 996 г. От XI в. дошло до нас много русских и болгарских памятников письменности (русские — Остромирово евангелие 1056—1057 гг., Архангельское евангелие и др., болгарские — Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Саввина книга, Супрасльская рукопись и мн. др.). Вероятно, к XI в. относится древнейший памятник

словенского языка — Фрейзингенские отрывки, написанные латинским письмом. От XII в. идут древнейшие памятники сербско-хорватского языка (Мирославово евангелие, грамота бана Кулина), от XIII в. сохранились самые древние памятники чешского языка (Кунгутина песнь, Островская песнь), от XIV в. — древнейшие памятники польского языка (Флорианская псалтырь, Свентокжиские проповеди), от XV в. — тексты на лужицких языках, от XVIII в. идут первые памятники словацкого языка.

У западных славян очень рано вышло из употребления славянское письмо (глаголица). Вместо него стали пользоваться латинским алфавитом, специально приспособленным к звукам славянской речи. До сих пор все западные славяне (из южных — хорваты и словенцы) употребляют латинский алфавит. Все восточные славяне, болгары, македонцы и сербы пользуются алфавитом на кириллической основе с некоторыми дополнениями и изменениями.

§ 59. Помимо чисто географических оснований, деление славянских языков на три группы — восточную, западную и южную — обосновано и с языковедческой точки зрения, а следовательно, соответствует и общим закономерностям исторического развития славянских народов и их языков.

Основные особенности, в согласии с которыми выделяются три славянские языковые группы, относятся к области фонетики, а именно: 1) судьба древних сочетаний **kv*, **gv* перед *ě* из дифтонга *oi*; 2) результат изменений *ch* по второй палатализации; 3) судьба древних сочетаний согласных **tl*, **dl*.

Эти три явления роднят восточные и южные славянские языки и противостоят результатам изменения в западнославянских языках: в первых находим соответственно *cv*, *zv*, *s*, упрощение **tl*, **dl* в *l*: рус. *цвет*, *звезда*; укр. *муха* — *о мусі*, бел. *страха* («крыша») — *о страсе*; др.-рус. *вълкъ* — *вълци*; рус. *плела*, *вела*, *шило*, *крыло* и т. д., во вторых — сохранение групп **kv*, **gv*, **tl*, **dl* и изменение *ch* в *š*: чеш. *květ*, *hvězda*, *toucha* — *о mouše*; *Čech* — *Češi*; *pletla*, *vedla*, *šidlo*, *křídlo* и т. п.

В противоположность этим явлениям судьбы древних сочетаний **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* и окончание род. пад. ед. ч., им.-вин. пад. мн. ч. жен. р. и вин. пад. мн. ч. муж. р. имен существительных объединяют восточные и западные славянские языки, отличаясь от южных (в первом явлении также и от чехословацкой группы): ср. рус. *город*, польск. *gród*, др.-рус. род. пад. ед. ч. *душѣ* и ст.-слав. *градъ*, *доуша*, чеш. *hrad*, др.-чеш. *dušě* и т. д. Наконец, результаты изменения давних сочетаний *tj*, *dj* различны по трем славянским группам (не представляет единства в заменах только южнославянская группа): рус. *свеча*, чеш. *svíce*, болг. *свещ* и т. д.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 60. После распада праславянского языка самая многочисленная группа славянских племен, занявшая обширные территории Восточной Европы, переживает процесс консолидации и кладет начало древнерусской, или восточнославянской, народности, носителю древнерусского (восточнославянского) языка. Восточные славяне в VI—IX вв. занимали обширные территории великого водного пути «из Варяг в Греки», т. е. земли от озера Ильмень и бассейна Западной Двины до Днепра, а также к востоку — в районах верхнего течения Оки и Волги, на Дону и Северном Кавказе — и к западу (в Волини, Галиции и Подолии). К восточнославянским племенам относились: около озера Ильмень — словене, южнее и западнее их — кривичи, по Оке и в верховьях Дона — вятичи, на запад от них — радимичи и дреговичи, в области Киева — поляне, севернее полян — древляне, по Десне, Сейму и Суле — северяне, на юго-запад от полян — уличи и тиверцы, к западу от полян — дулебы и хорваты. Все названные племена говорили на близкородственных восточнославянских диалектах. Древнерусский язык характеризовался следующими особенностями:

1. Произношение *sv, zv* перед *ě* (из **oĭ*): *цвѣтъ, звѣзда*; такой же результат находим в южнославянских языках: ст.-слав. *цвѣтъ, звѣзда*; в западнославянских сохраняются исконные сочетания *kv, gv*: польск. *kwiat, gwiazda*, чеш. *květ, hvězda*. Однако в некоторых диалектах восточнославянских языков сохраняются отдельные слова с исконными *kv, gv*: бел. *кветка*, укр. *квіт*, рус. диал. *огвездить, гвездануть* («сильно ударить»).

2. Изменение сочетаний *tj, dj* в аффрикату *ч* и согласный *ж*: *свѣча, межа, сажати*. Аффриката *ч* представлена и на месте сочетания **kt* перед гласными переднего ряда: *ночь*.

3. В диалектах, продолжением которых явился древнерусский язык, были утрачены взрывные согласные в группах **tl, *dl*: *рало, мыло, гърло, ель, молити, плелъ, велъ* (ср. польск. *radło, mydło, gardło, jodła, modlić, pliótt, wiódt*). Только в древнем псковском диалекте и в некоторых современных говорах находим сохранение групп *тл, дл* (*плетли, ведли*) или видоизме-

нение их в *кл, гл* (*сочклись* — «сочлись», ср. чеш. *čtli* — «они читали»; *привегли* — «привели», ср. чеш. *vedli*). Аналогичное явление находим в закарпатских говорах украинского языка, в которых формы прошедшего времени глаголов с основой на *t, d* в мужском роде оканчиваются на *г*: *плюг* (*плел*, ср. чеш. *pletl*), *буг* (*бодал*, ср. чеш. *bodl*). Это *г* восходит к взрывным согласным *t, d*.

4. Наличие вторичного *л* в прежних сочетаниях губных согласных с *ј*: *люблю, земля, куплю, ловлю*.

5. Полногласие, т. е. изменение общеславянских сочетаний типа **tort, *tolt, *tert, *telt* в полногласные сочетания *torot, tolot, teret, telet* (группа *telet* в последующем изменилась в *tolot*): *городъ, горохъ, голова, солома, берегъ, жеребьята, молоко, желобъ*. В западных и южных славянских языках происходила лишь перестановка элементов указанных сочетаний: ср. чеш. *hrad, hrach, hlava, sláma, břeh*; польск. *gród, groch, głowa, słoma, brzeg*; ст.-слав. *градъ, грахъ, глава, слама, врѣгъ* и т. п. Начальные сочетания **ort-, *olt-* под нисходящей интонацией изменялись в *rot-, lot-* (*робить, рост*), под восходящей — в *rat-, lat-* (*лакомый, ратай*).

§ 61. В древнерусском языке на протяжении последующих веков происходит ряд процессов, характерных только для восточнославянской области. Еще в дописьменную эпоху (VIII—IX вв.) происходит утрата носовых гласных, которые заменяются неносовыми; носовой заднего ряда *o* изменяется в *у*, носовой переднего ряда *e* — в *а* с мягкостью предшествующего согласного (*'а*): *зубъ, рука, пять, рядъ*. К этому периоду относится, очевидно, замена прежней системы интонаций силовым ударением, которое может падать на различные слоги в слове: *головá* — *гóлову* — *голóвка*. Начальное сочетание **je* в древнерусском языке заменяется через *о*. Это *о* развилось в тех начальных слогах, за которыми следовали слоги с гласными переднего ряда *i, e*: *одинъ, озеро, осень, олень*, ср. чеш. *jeden, jezero*, словацк. *jeseň, jeleň*. В других положениях *je* сохранялось: *ель, его* и др.

Начальное сочетание *ju* утрачивало *j*: *уноша, уха, ужинъ, угъ, унъ*; ср. ст.-слав. *юноша, юха, южина, югъ, юнъ*.

На протяжении XII в. в древнерусском языке произошло падение редуцированных гласных. В сильной позиции редуцированный заднего ряда изменился в гласный полного образования *о*, редуцированный переднего ряда изменился в *е*; в слабой позиции редуцированные были утрачены: ср. др.-рус. *сѣнъ, сѣна* — рус. *сон, сна*, укр. *сон, сну*, бел. *сон, сну*; *сѣто, сѣтъня* — *сто, сотня*; *дѣнь, дѣня* — рус. *день, дня*, укр. *день, дня*, бел. *дзень, дня*; *жѣньць, жѣньця* — рус. *жнец, жнеца* (под влиянием им. пад.), укр. *жнець, женця* (закономерная форма), бел. *жнец, жняца*. Утрата редуцированных охватила всю территорию распространения древнерусского языка и была завершена в XIII в. Этот

фонетический процесс повлек за собой целый ряд других изменений в звуковой и морфологической структуре древнерусского языка. Некоторые из этих явлений (история гласных в новых закрытых слогах, судьба звонких согласных в конце слова, развитие редуцированных в сочетании с плавными и перед *j*), будучи вызваны одними и теми же причинами и имея общий для древнерусского языка характер, давали различные результаты в разных диалектных группах этого языка.

Особого внимания заслуживают сочетания редуцированных *ѣ, ъ* с плавными *р, л* между согласными. В этих сочетаниях редуцированный мог находиться или перед плавным, или после него. Обычно пользуются формулами: 1) *tъrt, tъlt* (из прежних *tъlt* и *tъlt*), *tъrt*; 2) *trъt, tlъt, trъt, tlъt*.

В первом ряду редуцированные изменились в древнерусском языке в гласные полного образования: *горло, волк, червь, зерно*; укр. *горло, вовк, черв'ак, зерно*; бел. *горла, воўк, чарвяк, зерне*. Сюда относятся также русские слова типа *кормить, черный, твердый, мертвый, первый, держать, верх, долгий, полный, толстый, столб, молчать, торг*. При положении *ѣ, ъ* за плавными судьба редуцированных в древнерусском языке была различна в зависимости от того, следовал ли за этими сочетаниями слог с *ѣ, ъ* или с гласным полного образования. В первом случае вместо *рѣ, лѣ, рь, ль* всегда развивались сочетания *ро, ло, ре, ле*: *крѣтъ — крот, блѣхѣ — блох* (род. пад. мн. ч.), *крѣстѣ — крест, слѣзѣ — слез* (род. пад. мн. ч.). Во втором случае, т. е. когда за *рѣ, лѣ, рь, ль* следовал слог с гласным полного образования, *ѣ, ъ* имели неодинаковую судьбу в диалектах древнерусского языка. В говорах, легших позднее в основу русского языка, редуцированные в таких положениях изменялись в *о, е*; в говорах, легших в основу украинского и белорусского языка, — в *ы, и*; рус. *дрожать, глотать, греметь, слеза*; укр. *дрижати, глитати, гриміти, слеза*; бел. *дрыжаць, глытаць, гримець, сляза*. Такова же была судьба и тех *ѣ, ъ*, которые находились перед *j* в таких формах, как именительный падеж прилагательных мужского рода единственного числа и 1-е лицо ед. ч. настоящего времени глаголов *слепой* (из **slěpъjъ*) — укр. *сліпий*, бел. *сляпы*; *мою* (из **тѣји*) — укр. *мию*, бел. *мыю*.

§ 62. В грамматическом строе можно отметить такие общевосточнославянские явления, как утрата двойственного числа, падение простых прошедших времен — аориста и имперфекта, общие тенденции в развитии именного и местоименного склонений и спряжения.

В области словарного состава можно выделить такие восточнославянские слова, как *сорок, девяносто, семья* (укр. *сім'а*, бел. *сям'я*), *собака, колодец (колодезь)*, укр. *колодязь*, бел. *колодзеж*, *птица* (укр. *птиця*, но бел. *птушка*) и др.

В IX—X вв. на основе местных государственных объединений

создается единое древнерусское государство с центром в Киеве, одно из крупнейших государств тогдашней Европы. Старые племенные диалекты заменяются территориальными с иными границами и центрами. В свою очередь последние становятся в подчиненное положение по отношению к общенародному древнерусскому языку. В связи с развитием общественного производства развивается и совершенствуется словарный состав языка. Наконец возникает и развивается литературный язык.

§ 63. Исследования последнего времени показали, что зарождение древнерусского литературного языка нельзя непременно связывать с принятием христианства и знакомством со старославянской книжной культурой и образованностью. Надо полагать, что древнерусский язык получил первоначальную обработку в разнообразных жанрах русского народного творчества и в государственно-правовой практике того времени. О применении его в письменности говорить пока трудно. Во всяком случае, еще нет прямых доказательств распространения у восточных славян оригинального алфавита. Древнейшая надпись на глиняном сосуде, обнаруженная археологами при раскопках вблизи Смоленска, относится примерно к первой половине X в. и написана кириллицей. Однако свидетельства о существовании письменности на Руси до принятия христианства имеются. В житии Константина Философа, который создал старославянскую азбуку, повествуется, что в 860 г. он был в Корсуне (Крым) и видел там евангелие и псалтырь, написанные «русьскими письмены». Этот факт предшествует изобретению славянского алфавита. В «Повести временных лет» находим передачу содержания договоров русских с греками, заключенных около 907 г. Следует предположить, что эти договоры должны были быть оформлены на письме. Новгородские берестяные грамоты XI—XII вв. также свидетельствуют о широком распространении древнерусского письма даже в бытовых целях.

На древнерусском языке написаны такие памятники, как основная часть древнерусской летописи «Повесть временных лет», древнейший свод законов «Русская правда», сохранившиеся грамоты, «Слово о полку Игореве», большая часть сочинений Владимира Мономаха и др. История других славянских языков показывает, что без длительной традиции и предварительной подготовительной работы, измеряемой столетиями, создание столь совершенных по языковому оформлению произведений на древнерусском языке было бы невозможно.

§ 64. Наряду с древнерусским языком в Киевской Руси с конца X в. вошел в употребление старославянский язык — первый книжно-литературный язык славян. Появление старославянских рукописей: переводов евангелия, псалтыри, житий святых, молитв и оригинальных поучений — связано с принятием Киевской Русью христианства от Византии. Наряду со служителями куль-

та из Болгарии прибыли и книжные люди, достижения которых были быстро усвоены подготовленными предшествующим развитием русскими книжниками. Переписывая и размножая старославянские тексты, они систематически вносили в них фонетические и грамматические особенности, свойственные родному для них древнерусскому языку. Это можно наблюдать уже в Остромировом евангелии (писано в Новгороде в 1056—1057 гг.) — первом датированном памятнике древнерусского языка. Взаимодействие двух литературных языков — древнерусского и старославянского — составляет отличительную черту развития древнерусского литературного языка. Старославянские элементы, войдя в состав древнерусского, а позднее и русского литературного языка, значительно обогатили его выразительные возможности. Старославянский язык, подвергшийся воздействию древнерусского языка, длительное время употреблялся у восточных славян (его называют уже церковнославянским языком).

§ 65. Киевский диалект играл, несомненно, большую роль в установлении норм древнерусского языка, объединяя всю восточнославянскую область и способствуя «перемалыванию» диалектов. Однако социально-экономическое развитие феодальной Руси, в особенности после татаро-монгольского нашествия, привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности и падению влияния киевского центра. Нарастание диалектных особенностей в области звукового и грамматического строя, а также словарного состава древнерусского языка было обусловлено именно указанным обособлением в XIII—XIV вв., усилившимся после захвата польско-литовскими феодалами южных и западных земель. Конечным результатом этого процесса явилось образование трех восточнославянских народностей — русской, украинской и белорусской и соответственно трех самостоятельных языков. Однако, несмотря на все последующие исторические события, русский, украинский и белорусский народы сохранили сознание единства своего происхождения и языковой близости.

Местные диалекты начинают оживать, усиливаться и находят отражение в письменности. Уже в XIV—XV вв. можно отчетливо установить три группы памятников, в которых церковнославянская основа все более и более насыщается местными, диалектными элементами. Это памятники северо-восточной Руси — русские, южные — украинские и западные — белорусские. Украинская и белорусская письменность в XVI—XVII вв. отражает польское влияние, особенно в области словаря и фразеологии. Литературное развитие на церковнославянском языке в Московском государстве продолжалось вплоть до XVIII в., хотя удельный вес церковнославянских элементов в различных жанрах письменности колебался довольно значительно.

§ 66. Русские пользуются графикой, восходящей к кириллическому алфавиту. По указанию Петра I (1672—1725) славянская азбука была заменена так называемой «гражданской». Буквам была придана более округленная и простая форма, удобная как для письма, так и для печати; ряд ненужных букв был исключен. Гражданский алфавит с некоторыми изменениями употребляется у всех славянских народов, не пользующихся латинской графикой. Советское правительство в 1917—1918 гг. особыми декретами узаконило реформу графики (исключение ненужных букв *ѣ, і* и др.) и орфографии. Ведущим принципом русского правописания является морфологический, хотя нередко находим элементы фонетического и традиционного написания.

§ 67. В русском литературном языке представлено шесть гласных звуков: *и, э, ы, а, у, о*. Гласные в слоге под ударением отличаются от гласных, произносимых в безударных слогах, большей длительностью, силой и более энергичными артикуляциями органов речи. Характерной особенностью русского (и белорусского) языка является так называемое аканье. Оно заключается в совпадении произношения гласных *а* и *о* в безударных слогах. В первом предударном слоге вместо *а* и *о* произносится несколько ослабленное *а*. В заударном и других предударных (кроме первого) слогах вместо *а* и *о* произносится редуцированный гласный, обозначаемый в транскрипции как *ѣ*. Например, *голова* — *голову* — *головка* произносится как [гѣлавá — гѣлѣву — галѣвкѣ]. В некоторых случаях редуцированный *ѣ* в беглом произношении может совершенно утрачиваться: *жаворонок* — произносится [жáврѣнѣк], *приделала* — [пр'ид'ѣллѣ]. На письме аканье не отражается. Лишь в немногих случаях укоренилось акающее написание: *калач* (ср. чеш. *koláč*), *заря* (ср. *зори*), *казак* (ср. укр. *козак*), *работа* (ср. чеш. *robota*). После мягких согласных и шипящих в безударных слогах три гласные *а, о, е* редуцируются в особый звук, близкий к краткому *и* или узкому *е* (в транскрипции обозначается как *ь*). Это явление называется иканьем или еканьем. Например: *тяжелый* — произносится [т'ѣжѣлѣј], *выглянул* — [вѣгл'ѣнул], *желтоватый* (ср. под ударением *жѣлтый*) — [жѣлтавѣтѣј], *шептать* (ср. *шѣпот*) — [шѣптѣт'], *светло* (ср. [св'етлѣј]) — [с'в'ѣтлѣ], *веду* (ср. [в'ол]) — [в'ѣдѣ]. Аканье отсутствует в украинском языке и северновеликорусском наречии. Происхождение его связывают с влиянием силового ударения, приведшего к ослаблению (редукции) гласных в безударных слогах.

§ 68. Система согласных литературного русского языка характеризуется наличием взрывного *г*: *город, нагреть*. В украинском и белорусском языках находим гортанное *г*, в южновелико-

русском наречии — *з* фрикативное. Большая часть согласных звуков выступает в составе двух соотносительных рядов: первый ряд образуется согласными звонкими и глухими, второй — согласными твердыми и мягкими. Согласные, соотносительные по звонкости и глухости, выступают в своем основном виде перед всеми гласными и перед согласными *м, н, л, р, в, ј*. В указанных положениях глухость и звонкость согласных не обусловлены; в других позициях глухие и звонкие не различаются, совпадая в одном каком-либо звуке — глухом или звонком, например: *молод* ([молът]) и *молот* (конец слова), *книжка* ([кн'йшка]) и *кошка* (оглушение звонкого перед глухим), *просьба* ([прóз'ба]) и *резьба* (озвончение глухого перед звонкими). Согласные *м, н, л, р, в, ј* (только звонкие) и *ц, ч, х* (только глухие) не образуют соотносительных пар. Мягкие согласные характеризуются наличием дополнительной артикуляции, близкой к образованию звука *ј*, ср.: *мал* и *мял*, *брат* и *брать*. Эта йотовая артикуляция не приводит к переходу мягких согласных в иные звуки (как, например, в польском языке). Согласные, соотносительные по твердости и мягкости, выступают в своем основном виде на конце слова, перед гласными *а, о, у*, а также перед задненёбными и губными согласными: *кон* — *конь*, *саду* — *сяду*, *нос* — *нёс*, *тук* — *тюк*, *горка* — *горька*, *изба* — *резьба*. После твердых согласных в русском языке произносится гласный *ы*, после мягких — гласный *и*: *пыл* — *пил*. Перед гласным *э* твердые согласные совпадают с мягкими: *окно* — *на ок* [н'э]. Согласные *ш, ж, ц* не имеют соотносительных мягких и всегда звучат как твердые согласные; согласный *ч* всегда мягок, как и *ј*, мягкий по своей природе.

На стыке морфем и в некоторых иностранных словах двойные согласные произносятся как долгие согласные: ср. *водит* и *вводит*, *касса*, *ванна*. Особое явление представляет долгота мягких шипящих согласных [ш'], [ж'], передаваемых на письме посредством *щ, сч, зч, жч, жж, жд, зж*: *щука*, *счастье* [ш'асть'је], *извозчик*, *дрожжи*, *дождя* и др.

§ 69. Имена существительные принадлежат к мужскому, женскому или среднему роду, имеют формы единственного и множественного числа, насчитывают шесть падежей. Звательная форма в русском языке утрачена, и вместо нее употребляется форма именительного падежа. В склонении существительных различают три основных типа:

1) Склонение имен женского рода с окончанием *-а* в именительном падеже единственного числа после твердого или мягкого согласного: *вода*, *земля*. К этому (первому) склонению относятся также имена мужского рода типа *мужчина*, *староста*, *дядя*, *судья* и суффиксальные образования: *братишка*, *мальчонка* и др.

2) Склонение имен мужского и среднего рода. К этому (второму) склонению относятся имена мужского рода (кроме

отмеченных выше и слова *путь*, относящегося к третьему склонению) без окончания в именительном падеже единственного числа: *стол, брат, конь, нож*. Имена существительные среднего рода, входящие во второе склонение, образуют именительный падеж единственного числа посредством окончаний *-о, -е*: *село, место, поле, бытие, сознание*.

3) Склонение имен женского рода с основой в именительном падеже единственного числа на мягкий согласный или шипящий: *степь, печь*. К третьему склонению примыкают также существительное мужского рода *путь* и несколько имен среднего рода: *знамя, имя, племя, семя, темя, стремя, время, бремя, вымя, пламя*, обладающие некоторыми особенностями в образовании падежных форм.

Различия между твердой и мягкой разновидностями склонения утрачены, причем в склонении возобладали окончания твердой разновидности. В русском языке утрачены результаты палатализации задненёбных во всех типах склонения, ср.: *о руке, ноге, языке* и т. п. При числительных *два, три, четыре* имена существительные употребляются в форме родительного падежа единственного числа (по происхождению эта форма именительного падежа двойственного числа): *два стола, три поля, четыре сестры*. В других славянских языках в сочетании с этими числительными употребляется форма именительного падежа множественного числа: укр. *чотири брати*, бел. *два сталы*. К специфически русским явлениям относится также окончание *-а* (под ударением) в именительном падеже множественного числа у многих существительных мужского рода: *городá, домá, лугá, глазá, лесá, крайá, островá, сторожá, учительá*, ср. укр. *города, дома*; бел. *гарады, дамы*. Варианты падежных флексий в единственном числе характеризуют родительный и предложный падежи мужского рода, во множественном числе — отчасти именительный и главным образом родительный падежи; в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа склонение имен всех родов характеризуется окончаниями *-ам, -ами (-ми), -ах*.

Категория одушевленности находит грамматическое выражение в единственном числе только у существительных мужского рода: *вижу человека, но вижу лес*. Во множественном числе у неодушевленных существительных всех родов винительный падеж совпадает с формой именительного падежа, у одушевленных винительный падеж совпадает с родительным: *пасут лошадей, гусей, видеть людей, женщин, лиц, животных*. Остатком прежних падежных отношений являются такие выражения, как: *выйти в люди, пойти в гости* и др.

§ 70. Имена прилагательные подразделяются на качественные, относительные и притяжательные двух типов: 1) с суффиксами *-ов, -ин*, выражающими индивидуальную принадлежность: *отцов, бабушкин*; 2) с суффиксом *-ј*, имеющим относительное

значение: *волчий, олений*. Прилагательные изменяются по родам только в единственном числе: *голубой, голубая, голубое*. Во множественном числе родовые формы утрачены: *голубые*. По характеру последнего согласного основы выделяются прилагательные с твердой основой: *новый, голубой*, и мягкой: *дальний, синий*. Имена прилагательные с твердой основой имеют в именительном падеже единственного числа окончание *-ой*, если ударение падает на окончание, и *-ый*, если ударение падает на основу. В родительном падеже единственного числа прилагательных (и местоимений) орфографическое *-ого* произносится как *-ово*: *голуб[ово], син[ево], тво[ево], к[ово]*. У притяжательных прилагательных некоторые падежные формы образуются по типу склонения существительных. От качественных прилагательных образуется краткая форма: *молодой — молод, красивый — красив*. Краткая форма не склоняется и изменяется лишь по родам и числам, так как выступает обычно в роли сказуемого. Сравнительная степень образуется посредством суффиксов *-ее (-ей), -е, -ше*: *красивее, крепче, тоньше*, или (очень редко) связана с другой основой: *хороший — лучше, плохой — хуже*. Превосходная степень образуется как описательно: *самый важный, наиболее важный, важнее всех*, так и посредством суффиксов *-ейш-, -айш-*: *умнейший, тончайший*.

§ 71. Глагол обладает следующими грамматическими формами: формами трех лиц, двух чисел, времени, наклонения, вида, а в некоторых случаях и грамматического рода. Изъявительное наклонение содержит три времени — настоящее: *беру, сплю*; будущее (простое и сложное): *возьму, засну, буду брать, буду спать*; прошедшее: *я спал, он спал, она спала*. По различиям в звуковом выражении личных окончаний большая часть глаголов делится на два спряжения: первое и второе. Первое спряжение характеризуется окончаниями *-у, -ешь (-ёшь), -от (-ёт), -ом (-ём), -оте (-ёте), -ут (-ют)*; второе — *-у, -ишь, -ит, -им, -ите, -ат (-ят)*: *беру — берёшь — берёт — берём — берёте — берут; сплю — спишь — спит — спим — спите — спят*. Окончания первого и второго спряжений в устной речи различаются только при ударении на окончании. Когда ударение падает на основу, произносятся одинаковые для всех глаголов безударные окончания *-ишь, -ит, -им, -ите, -ут*. Остатком нетематического спряжения являются глагольные формы *ем, дам, ест, даст*. Глагол *быть* в настоящем времени утратил спряжение и выступает в общей форме 3-го лица единственного числа *есть* (редко употребляется форма 3-го лица множественного числа *суть*). В значении прошедшего времени выступает причастие на *-л*, которое имеет формы числа, а в единственном числе и рода. Глагольная связка не употребляется, для указания на лицо применяются личные местоимения: *я взял, он взял, она взяла*. У некоторых глаголов суффикс причастия *-л* в мужском роде утрачен: *погиб, ослеп, вез, нес, умер*.

Условное наклонение образуется путем сочетания формы прошедшего времени спрягаемого глагола с частицей *бы* или *б*: *он так не сделал бы, если бы знал*. Формы повелительного наклонения представлены для 2-го лица обоих чисел. Взамен утраченной формы 1-го лица множественного числа употребляется так называемая «совместная форма», т. е. форма 1-го лица множественного числа настоящего времени с особой побудительной интонацией: *пойдём! несём!* В возвратных глаголах частица *-ся* (после гласных *-сь*) слилась с глаголом в одно целое: *мыться, моюсь*. Форма инфинитива оканчивается на *-ти* только под ударением: *пойти, нести*; при ударении на основе выступает *-ть*: *играть, ходить*. Глаголы с основой на задненёбные согласные представляют инфинитив на *-чь*: *мочь, печь, беречь*.

Среди атрибутивных форм глагола находим причастия и деепричастия. Действительные причастия образуются от глагольной основы посредством суффиксов *-ущ-*, *-ащ-* (настоящее время): *берущий, спящий*, и *-вш-*, *-ш-* (прошедшее время): *бравший, несший*. Страдательные причастия настоящего времени на *-ом-* (*-ем-*), *-им-*: *влекомый, гонимый* — малоупотребительны; в прошедшем времени употребляются суффиксы *-нн-*, *-онн-* (*-ённ-*) и *-т-*: *связанный, испеченный, убитый*. Склонение причастий совпадает со склонением прилагательных. В предикативном значении употребительны краткие формы страдательных причастий: *любим, написан, убит*. Деепричастия являются неизменяемой глагольной формой. От глаголов несовершенного вида они образуются посредством суффикса *-а*: *крича, рисуя*, от глаголов совершенного вида — посредством суффиксов *-в-*, *-вши-*, *-ши-*: *сыграв, проигравшись, умерши*.

§ 72. В словарном составе русского языка находим много слов, которые отсутствуют в украинском и белорусском. Можно привести в качестве примера: *крестьянин* (укр. *селянин*), *лошадь* (укр. *кінь*, бел. *конь*), *очень* (укр. *дуже*, бел. *вельми*), *бросать* (укр. *кидати*, бел. *кідаць*), *вор* (укр. *злодій*, бел. *злодзей*), *лягушка* (укр. и бел. *жаба*), *утка* (укр. и бел. *качка*) и т. п. Отличительной чертой русского литературного языка является значительная группа слов церковнославянского происхождения или произносимых с церковнославянскими (старославянскими) особенностями. Это прежде всего слова без полногласия: *враг, глава, плен, мрак, праздник, храбрый, средний, сладкий, здравствовать, вредить, прежде* и т. п.; многие слова с *жд, щ*: *одежда, вождь, нужда, сокращу, возвращу* и др. В украинском и белорусском языках церковнославянизмы отсутствуют (кроме заимствований из русского языка); ср. укр. *ворог, голова, полон, морок, хоробрий, середній, одежа* и т. п.

§ 73. Древнерусский язык после XIV в., как отмечалось, делился на три самостоятельных восточнославянских языка. С

этого времени можно уже говорить о собственно русском, или великорусском, языке, отличающемся не только от языков южных и западных славян, но и от наиболее близких к нему украинского и белорусского языков. Таким образом, структура современного русского языка сложилась из фонетических, морфологических, синтаксических и лексических элементов, восходящих к разным эпохам его истории — древнерусскому языку, языку великорусской народности и языку русской нации.

Формирование великорусской народности было тесно связано с образованием централизованного Русского государства вокруг Москвы, выступавшей объединительницей всех русских земель. С присоединением к Московскому государству Новгорода и Пскова государственное объединение северо-восточных и северных русских областей было завершено. Вместе с тем к концу XV в. Русь окончательно освобождается от монголо-татарского ига. В XIV—XVI вв. происходит интенсивное развитие русской культуры и письменности. Создается большое количество оригинальных произведений, широко практикуются переводы с различных языков. В середине XVI в. Иван Федоров выпускает первую датированную печатную книгу «Апостол» (1563 г.) в Москве.

Язык великорусской народности, основные элементы которого восходят к древнерусскому языку, имел иную диалектную основу. Он формировался на основе древнего московского говора. В свою очередь московский говор, принадлежавший первоначально к северновеликорусскому наречию, на протяжении последующих столетий под влиянием южновеликорусского наречия эволюционировал в говор средневеликорусского типа с умеренным аканьем. От предшествующей эпохи Москвой были усвоены торжественно-книжный и официально-деловой стили литературного языка Киевской Руси. Однако для характеристики языка великорусской народности большее значение имеют грамоты московских князей XIV—XV вв., в которых прослеживается становление приказно-делового (государственного) языка того времени. Анализ московской письменности позволяет сделать вывод, что с конца XIV в. московский говор становится акающим, под ударением различаются *ѣ* и *е*, происходят существенные изменения грамматического строя, определившие во многом облик современного русского языка. К концу XV в. окончательно выходит из употребления двойственное число, утрачивается звательная форма, утрачиваются падежные формы существительных с чередованием задненёбной и свистящей согласной основы, форма именительного падежа множественного числа основ на *-о-* мужского рода заменяется формой винительного падежа множественного числа, в дательном-творительном-местном падежах множественного числа всех родов распространяются окончания основы на *а*: *-ам*, *-ами*, *-ах*. К этому времени завершается процесс формирования четырех продуктивных типов именного склонения

ния и унификации их падежных форм; в результате взаимодействия мягкой и твердой разновидностей склонения побеждает последняя; основы на согласные разрушаются и объединяются с другими, продуктивными типами склонения. В именах прилагательных исчезают родовые формы во множественном числе, возвратная частица *-ся* присоединяется к глаголу, в 3-м лице единственного и множественного числа утверждается окончание *-т* (твердое), древний перфект заменяется простым прошедшим временем и т. д. В словарном составе формируется специфически русский слой лексики: *крестьяне, дворяне, господин, боярин, дворецкий, приказчик, челобитье, кремль, топор, деревня, деньги, рубль, мельница, пруд, пашня, разбойник, послух, грамота, тягло, казна, коврига, алтын, кабала* и др.

В XVI—XVII вв. нормы московского делового языка получают в с е о б щ е е р а с п р о с т р а н е н и е. Введение книгопечатания было наиболее значительным мероприятием, устранившим диалектные особенности и приведшим к созданию общих литературно-языковых норм для всего Московского государства. Вследствие этого в литературном языке русской народности произошли те же изменения, что и в общенародном русском языке.

§ 74. Важным фактором, влиявшим на развитие русского литературного языка в XIV—XVII вв., было взаимодействие его с церковнославянским языком, занимавшим довольно сильные позиции в письменности. С конца XIV в. в связи с укреплением могущества Московского государства и возникновением идеи «Москва — третий Рим» использование церковнославянских языковых средств в книжной речи заметно усиливается. Стремление придать речи торжественный стиль достигалось широким и неумеренным использованием церковнославянизмов. Наплыв последних грозил полным разрывом между общенародным и литературным языком. Между тем с конца XVII в., когда произошло фактическое слияние всех русских областей в единое целое, начинается процесс складывания русской нации. В эту эпоху ликвидация различий между литературным и общенародным языком приобрела первостепенное значение. В традиционную книжную культуру речи проникает широкая струя живой устной речи. Однако сама по себе живая народная речь, оторванная от славянорусского языка давней науки и культуры и пестрая в структурном отношении, не могла стать сразу базой общерусского национального языка. Необходим был разумный синтез элементов живой народной речи и традиционного книжно-литературного языка.

В период образования русского национального языка меняется взаимоотношение между общенародным языком и диалектами. Диалекты постепенно становятся пережиточной категорией и начинают подвергаться нивелировке. К концу XVII в. складываются основы новой системы национального литературного

языка, что было связано с медленным распадом церковнославянского языка и развитием демократического типа литературного языка, опирающегося на московское просторечие и деловой письменный язык.

Важным этапом в этих изменениях была Петровская эпоха, когда русский язык обогатился множеством иноязычных заимствований и когда разрушение церковнославянского языка вылилось в смешение различных стилей литературного выражения.

§ 75. Во второй половине XVII и начале XVIII в. получают широкое развитие художественные, публицистические и научные жанры литературных произведений, в которых удельный вес церковнославянизмов заметно уменьшается. Ограничение использования церковнославянских форм, слов и оборотов стало в порядок дня. Важная роль в деле сближения литературного языка с общенародным разговорным принадлежит гениальному ученому и поэту М. В. Ломоносову (1711—1765). Создав знаменитую «теорию трех штилей», он ограничил и ввел в определенные рамки употребление церковнославянизмов. Вместе с тем была упорядочена жанровая принадлежность элементов литературного языка. В «Российской грамматике» Ломоносов впервые кодифицировал грамматический строй русского языка. Однако в XVIII в. формирование современного русского языка не было закончено. Только великий гений А. С. Пушкина (1799—1837) осуществил всесторонний синтез русского литературного языка, создал его стройную систему и привел его в грамматическое соответствие с общенародным разговорным языком. Дальнейшее развитие и усовершенствование русский литературный язык получил в творчестве великих русских писателей М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького и других.

В настоящее время русский литературный язык является наиболее развитым из славянских языков. На русском языке писал свои труды В. И. Ленин. Великая Октябрьская социалистическая революция привела к тому, что русский язык стали добровольно и усердно изучать миллионы трудящихся других национальностей. В Советском Союзе русскому языку выпала почетная роль быть могучим средством обмена культурными ценностями между братскими советскими народами. Русский язык является одним из важнейших мировых языков, оказывающим глубокое влияние на многие славянские и неславянские языки, так как идеи мира, прогресса и социализма формируются на великом языке русской нации.

§ 76. Русский язык подразделяется на два основных наречия — северновеликорусское и южновеликорусское, между которыми узкой полосой с северо-запада на юго-восток (Псков — Ка-

линии — Москва — Пенза — Саратов) тянутся средневеликорусские говоры, образующие переход между двумя наречиями. Переходные говоры в большей своей части имеют северную основу, на которую позднее (после XIV в.) наслоились южнорусские черты. На север и восток от переходных говоров расположено северновеликорусское наречие, занимающее все северные и восточные области европейской части СССР, а также Урал и большую часть Сибири. Южновеликорусское наречие охватывает южную часть РСФСР. Граница с украинским языком довольно четкая, на границе с белорусским языком находим переходные южновеликорусские и средневеликорусские говоры.

Северновеликорусское наречие характеризуется тремя основными чертами, свойственными всем его говорам: оканьем, т. е. различием гласных *a* и *o* не только под ударением, но и в безударных слогах, наличием *z* взрывного и *-т* (твердого) в окончании 3-го лица настоящего времени глаголов. В ряде говоров этого наречия имеют место также цоканье и чоканье (неразличение *ц* и *ч*), утрата *j* между гласными и последующее стяжение гласных, изменение твердого *л* в *љ* неслоговое в закрытом слоге, употребление согласуемой постпозитивной частицы: *час-от прошел, в осень-ту* и т. д. Выделяют поморскую, олонекскую, новгородскую, вологодско-кировскую и владимирско-поволжскую группы говоров.

Южновеликорусское наречие характеризуется аканьем, наличием *z* фрикативного и *-т'* (мягкого) в 3-м лице глаголов. Основой подразделений южновеликорусских говоров служит характер яканья, т. е. изменения гласных первого предударного слога в положении после мягких согласных. Сильное яканье характеризуется тем, что в первом предударном слоге в положении после мягкого согласного на месте *e, o, a* постоянно является *a*, независимо от того, какие звуки находятся рядом: [б'адá, н'асу́, н'ас'и́, л'ат'éл, в'ад'óm, д'ар'éвн'а]. Оно характеризует рязанскую группу говоров. В литературном языке в этом случае представлено иканье. Умеренное яканье характеризуется зависимостью гласного первого предударного слога от качества следующего за этим гласным согласного, именно от твердости или мягкости его. В том случае, если этот согласный твердый, на месте *e, o, a* в первом предударном слоге после мягкого согласного является *a*, если же это согласный звук мягкий — *и* или *e*: [б'адá, в'асна́, в'аду́], но [в'ид'и́, н'ис'и́] (повел. накл.) или [в'ед'и́, н'ес'и́]. Оно характеризует тульскую группу. Диссимилятивное яканье характеризуется зависимостью гласного первого предударного слога от качества гласного ударяемого слога. При этом наблюдается своеобразное расподобление, диссимиляция гласных ударного и первого предударного слога с точки зрения подъема. После мягкого согласного в первом предударном слоге *a* (гласный нижнего подъема) является лишь в том случае, если под ударением гласный верхнего подъема — *и, ы, у*; если же под

ударением гласный *a* (нижнего подъема), то в предударном слоге гласный среднего или верхнего подъема — *и* или *е*: [в'адú, цв'атý, н'асú, н'ас'í], но [в'илá] (или [в'елá]), [н'ислá] (или [н'еслá]), [б'идá, з'имл'á]. Оно характеризует орловскую группу. Средневеликорусские говоры характеризуются аканьем, наличием *з* взрывного и *-т* (твердого) в 3-м лице глаголов, т. е. соединяют особенности обеих наречий. Отличительной особенностью русского языка является, таким образом, и относительно слабая его диалектная раздробленность.

Тексты

А. С. Пушкин

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Петербургская повесть

(отрывок)

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле.
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в коне сем какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

1833

(Пушкин А. С.
Полн. собр. соч. М., 1957, т. IV, с. 394—395)

В. И. ЛЕНИН

(отрывок)

Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией,— все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: всё есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали: — Густо говорит...

Так оно и было; каждый его довод разворачивался сам собою — силою, заключенной в нем.

(М. Горький. Полн. собр. соч.
М., 1974, т. 20, с. 13)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; изд. 2-е, доп. М., 1955.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. I—II. Киев, 1952—1953.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938.

Виноградов В В Русский язык (Грамматическое учение о слове) М, 1947, изд 2-е, 1972

Грамматика русского языка Т I—II М, 1960

Дурново Н Очерк истории русского языка М—Л, 1924

Дурново Н Н Введение в историю русского языка М, 1969

История культуры Древней Руси Т I М, 1948, т II, 1951

Обнорский С П Очерки по истории русского литературного языка старшего периода М—Л, 1946

Русская грамматика I, II М, 1980

Русская диалектология / Под ред Р И Аванесова и В Г Орловой М, 1964

Шахматов А А Очерк древнейшего периода истории русского языка «Энциклопедия славянской филологии» Пг, 1915

Якубинский Л П История древнерусского языка М, 1953

II

Толковый словарь русского языка Т 1—4 / Под ред Д Н Ушакова М, 1935—1940 (переиздан в 1948 г)

Словарь современного русского литературного языка Т 1—17 М—Л, 1950—1965

Словарь языка Пушкина Т I—IV М, 1956—1961

Срезневский И И Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам Т I—III Слб, 1893—1911 (переиздан в 1958 г)

Преображенский А Этимологический словарь русского языка М, 1957 (переиздание)

Фасмер М Этимологический словарь русского языка Пер с нем Т I—IV М, 1964—1973

Шанский Н М, Иванов В В, Шанская Т В Краткий этимологический словарь русского языка Изд 3е М, 1975

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

§ 77. Украинская графика в основе своей та же, что и в русском языке. Особенностью ее является прежде всего отсутствие букв *ё, ъ, ы, э*. Для передачи *ё* (сочетание *jo*) в украинском языке употребляется сочетание *йо* (в начале слова или слога): *його, серйозний, крайовий* и *ьо* (после мягкого согласного): *у нього сьогодні, віршовка*. В значении разделительного *ъ*, т. е. для передачи следующего за согласным *ј*, употребляется апостроф: *м'ясо, черв'як, п'ять, м'який*. В украинском языке русскому *ы* соответствует гласный *и*, средний между русскими *ы* и *и*: *мити, крити, син, сила*, русскому *э* соответствует *е*: *весна, верба, серце*. В украинском алфавите, в отличие от русского, представлены буквы *і, ї, є*. Буквой *і* обозначается гласный переднего ряда верхнего подъема, тождественный русскому *и* (украинские *ы* и *и* совпали в *и*): *ім'я, кінь, осінь, ціна*; *ї* обозначает сочетание *ji*:

з'їзд, їда, їжак («еж»); *є* передает сочетание *je*: *моє, поєднання, єдиний*, а также мягкость предшествующего согласного: *сине, можутьє*.

§ 78. В литературном языке представлено шесть гласных: *i, e, a, o, y, u*. В безударном положении гласные не подвергаются редукации и отчетливо различаются. Безударные *y* и *i* в начале слова после гласных предшествующих слов теряют свой слоговой характер и изменяются в неслоговые *й, ї* (*j*): *книжка учительки* (на письме: *книжка вчительки*), но *учителька*; *мова їде про те* (на письме: *мова йде про те*), но *йти*. В украинском языке перед начальными *y, o* часто находим вторичное *v* или *g*: *вулиця, вухо, вугіль, вогонь, відвага* («отвага»), *він* («он»), *горіх* («орех»). Поскольку исконное *ы* изменилось в *и*, появилось «новое» *i*. В этот звук во всех положениях изменилось старое *ѣ* («ять»), совпадавшее в русском языке с *e*: *сніг, сіно, вітер, хлів, хліб, стіна, гніздо, пісок, сліпий, міряти* («мерить»). Кроме того, «новое» *i* развилось на месте *o* и *e* в новых закрытых слогах (после падения редуцированных). Удлинение *o, e* в закрытом слоге завершилось изменением этих долгих гласных в *i*. В открытых слогах *o, e* остались без изменения. Чередование *o — i, e — i* занимает ныне важное место в фонетике и морфологии украинского языка. Ср.: *віз — воза, кінь — коня, стіл — стола, кіт — кота, кість — кости, ніч — ночи; хміль — хмелю, шість — шести, він приніс — вона принесла*. В закрытых слогах возможны лишь беглые *o, e* (из редуцированных), которые не чередуются с *i*: *сон — сну, день — дня*. Нет указанных чередований в новых заимствованиях из русского и других языков: *завод — заводу, том, студент, агроном*. В словах с начальным *o*, изменившимся в *i*, появилось также вторичное *v*: *вікно, вітчизна, вівця*.

§ 79. Система согласных характеризуется наличием звонкого гортанного фрикативного *h* (*г*) и звонких аффрикат $\widehat{дз}$, $\widehat{дж}$ (в соответствии с глухими *ц, ч*): *дзвінок* («звонок»), *гудзик* («пуговица»), *джерело* («источник»), *бджола* («пчела»). Заднеязычное взрывное *g* встречается только в некоторых заимствованных словах: *гуля* («шишка»), *ганок* («крыльцо»), *гвинт* («винт»). Согласные различаются по глухости и звонкости, причем глухие в положении перед звонкими озвончаются, звонкие же перед глухими, а также на конце слова сохраняют звонкость (как и в сербскохорватском языке): *віз, ніж — ножа, лежу — лішко* («постель»), *книжка, рідко, казка*. Согласные различаются по мягкости и твердости, причем мягким является и *ц*: *хлопець — хлопця, кінець — кінця, молодиця, місяць*. Согласный *ч* произносится твердо: *частка, час*. На месте русских долгих мягких шипящих согласных в украинском находим твердые *шч, ждж*: *щезнути* («исчезнуть»), *їжджу*. Согласные перед гласными переднего ряда *e, u* не смягчаются, а в положении перед *i*

выступают обычно смягченными. Отсутствие смягчения согласных перед *е, и* — характерная черта украинского языка, которая резко отграничивает его от соседних русского и белорусского языков. Отверждение согласных произошло в XII—XV вв. после падения редуцированных; ср.: *день, тiнь, мiдь* (с мягкостью конечных согласных) и *до тебе, серп, земля, темно, небо, палець, легко, пити, бити, тихо, липа, низько, нитка, сила* (с отвердевшими согласными). Губные согласные на конце слова отвердели: *сім* («семь»), *вісім* («восемь»). Мягкие губные в положении перед *а* всегда выступают в сочетании с *і*: *м'ясо = мјасо, п'ять, в'янути*. В этом положении *і* подвергается полной ассимиляции по отношению к предшествующим согласным, кроме губных и *р*, результатом чего является появление двойных согласных: *плаття* (ср. русск. *платье*), *весілля* («свадьба»), *суддя, збіжжя* («зерно», «хлеб»), но *сім'я, бур'ян*. От русского литературного языка украинский отличается также наличием *й* неслогового, который выступает в следующих случаях: а) на месте обычного *у* в начале слова, если перед ним находится гласный: *не вмiю* («не умею»), *навчити* («научить»); б) на месте *в* в начале слова, когда предшествующее слово заканчивается на согласный: *як у воду впала = як й воду йпала*; в) вместо *в*, закрывающего слог: *рiв, корiв* произносится *рiй, корiй*; г) на месте твердого *л* в формах прошедшего времени, а в ряде слов и в срединных слогах: *був* (но *була*), *дав* (но *дала*), *вовк, жовтий, повний* произносится *војк, жојтий, појний*.

§ 80. Грамматический строй украинского литературного языка в основных чертах близок строю русского литературного языка. Имя существительное обладает категорией рода, числа и падежа. Следует отметить, что, кроме шести падежей, большая часть существительных (мужского и женского рода) имеет в единственном числе еще звательную форму: *синок — синку! товариш — товаришу! кiнь — коню! друг — друже! жiнка — жiнко! комсомолка — комсомолко! земля — земле!* В украинском языке различают четыре склонения, из которых первое и второе имеют твердую, мягкую и смешанную разновидности. К первому склонению относятся существительные женского рода на *-а, -я*: *семиричка, боротьба, зміна* (твердая разновидность), *праця, стаття, партія* (мягкая разновидность), *межа, діжа, площа* (с основой на шипящие согласные — смешанная разновидность). Ко второму склонению принадлежат имена существительные мужского рода с основой на согласный, существительные мужского и среднего рода на *-о*, существительные среднего рода на *-е* и *-я*: *комуніст, тато, залізо* («железо»), *місто* (твердая разновидность), *комсомолець, край, лице, шиття* (мягкая разновидность), *сторож, дощ, плече, явище* (смешанная разновидность). Третье склонение включает существительные женского рода с основой на согласный без окончания в именительном падеже: *сіль, осiнь, зустріч, любов*.

Существительные среднего рода с неравносложными основами составляют четвертое склонение: *порося — поросяти, курча — курчати, ім'я — імені, плем'я — племені*. В падежных окончаниях украинского языка находим ряд особенностей, отличающихся от русского. В родительном падеже единственного числа существительных мужского рода более часто представлено окончание *-у*: *асфальту, льоду, роду, пролетаріату, капіталу, колгоспу, гак*. В дательном падеже единственного числа находим окончания: *-ові (-еві, -єві), -у (-ю)*: *братові — брату, школяреві — школяру, гаєві — гаю*, причем более часто употребляются первые формы. В местном падеже единственного числа представлены окончания: *-у (-ю), -і (-ї), -ові (-еві, -єві)*: *на брату — братові, на школяру — школяреві — школярі, у звичаєві — у звичаї*. В склонении сохраняются чередования задненёбных *к, х* и гортанного *г* с переднеязычными свистящими: *к — ц, г — з, х — с*. Это имеет место в дательном и местном падежах единственного числа: *рука — руці, нога — на нозі, дорога — на дорозі, муха — на мусі, язик — на язичці, плуг — у плузі, кожух — кожусі*. Существительные третьего склонения на смягченный согласный и шипящий в творительном падеже единственного числа имеют окончание с удвоенным согласным: *сіллю, тінню, міддю, маззю, подорожжю, зустріччю*, но *кров'ю, любов'ю, кіновар'ю*. При числительных *два, три, чотири* употребляется форма именительного падежа множественного числа существительных: *два школярі, три воли, чотири брати*. Во множественном числе форму винительного падежа, тождественную родительному падежу, имеют (во всех типах склонения) существительные, обозначающие людей (лиц). Существительные, обозначающие животных и другие одушевленные существа, могут употребляться в форме, совпадающей или с родительным или с именительным падежами: *напувати корів* и *напувати корови, годувати свиней* и *годувати свині, пасти овець* и *пасти вівці, пасти волів* и *пасти воли, поїти коней* и *поїти коні*.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Первое склонение

Единственное число

Падеж	Твердый тип	Мягкий тип	Смешанный тип
И	<i>стін-а</i>	<i>дин-я</i>	<i>груш-а</i>
Р	<i>стін-и</i>	<i>дин-и</i>	<i>груш-и</i>
Д	<i>стін-и</i>	<i>дин-и</i>	<i>груш-и</i>
В	<i>стін-у</i>	<i>дин-ю</i>	<i>груш-у</i>
Т	<i>стін-ою</i>	<i>дин-ею</i>	<i>груш-ею</i>
П	<i>(на) стін-и</i>	<i>(на) дин-и</i>	<i>(на) груш-и</i>
Зв.	<i>стін-о'</i>	<i>дин-е'</i>	<i>груш-е'</i>

Множественное число

Падеж	Твердый тип	Мягкий тип	Смешанный тип
И	<i>стин-и</i>	<i>дин-и</i>	<i>груш-и</i>
Р	<i>стин</i>	<i>дин-ь</i>	<i>груш</i>
Д	<i>стин-ам</i>	<i>дин-ям</i>	<i>груш-ам</i>
В	<i>стин-и</i>	<i>дин-и</i>	<i>груш-и</i>
Т	<i>стин-ами</i>	<i>дин-ями</i>	<i>груш-ами</i>
П	<i>стин-ах</i>	<i>дин-ях</i>	<i>груш-ах</i>

Второе склонение Единственное число

Падеж	Твердый тип	Мягкий тип	Смешанный тип
И	<i>професор</i>	<i>кобзар</i>	<i>слухач</i>
Р	<i>професор-а</i>	<i>кобзар-я</i>	<i>слухач-а</i>
Д	<i>професор-ови (-у)</i>	<i>кобзар-еви (-ю)</i>	<i>слухач-еви (-у)</i>
В	<i>професор-а</i>	<i>кобзар-я</i>	<i>слухач а</i>
Т	<i>професор-ом</i>	<i>кобзар-ем</i>	<i>слухач-ем</i>
П	<i>професор-ови (-и, -у)</i>	<i>кобзар-еви (-и)</i>	<i>слухач еви (-и, -у)</i>
Зв	<i>професор-е'</i>	<i>кобзар-е'</i>	<i>слухач-у'</i>

Множественное число

Падеж	Твердый тип	Мягкий тип	Смешанный тип
И	<i>професор и</i>	<i>кобзар-и</i>	<i>слухач-и</i>
Р	<i>професор-ив</i>	<i>кобзар-ив</i>	<i>слухач-ив</i>
Д	<i>професор-ам</i>	<i>кобзар-ям</i>	<i>слухач-ам</i>
В	<i>професор-ив</i>	<i>кобзар-ив</i>	<i>слухач-ив</i>
Т	<i>професор-ами</i>	<i>кобзар-ями</i>	<i>слухач-ами</i>
П	<i>професор-ах</i>	<i>кобзар-ях</i>	<i>слухач-ах</i>

Третье склонение

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И	<i>нич</i>	<i>тинь</i>	<i>ноч-и</i>	<i>тин-и</i>
Р	<i>ноч-и</i>	<i>тин-и</i>	<i>ноч-ей</i>	<i>тин-ей</i>
Д	<i>ноч-и</i>	<i>тин-и</i>	<i>ноч-ам</i>	<i>тин-ям</i>
В	<i>нич</i>	<i>тинь</i>	<i>ноч-и</i>	<i>тин-и</i>
Т	<i>ничч-ю</i>	<i>тинн-ю</i>	<i>ноч-ами</i>	<i>тин-ями</i>
П	<i>ноч-и</i>	<i>тин-и</i>	<i>ноч ах</i>	<i>тин-ях</i>
Зв	<i>ноч-е'</i>	<i>тин-е'</i>		

Четвертое склонение

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И.	<i>лош-а</i>	<i>ім'-я</i>	<i>лош-ат-а</i>	<i>ім-ен-а</i>
Р.	<i>лош-ат-и</i>	<i>ім-ен-і</i>	<i>лош-ат</i>	<i>ім-ен</i>
Д.	<i>лош-ат-і</i>	<i>ім-ен-і</i>	<i>лош-ат-ам</i>	<i>ім-ен-ам</i>
В.	<i>лош-а</i>	<i>ім'-я</i>	<i>лош-ат-(а)</i>	<i>ім-ен-а</i>
Т.	<i>лош-ам</i>	<i>ім-ен-ем</i> (<i>ім'-ям</i>)	<i>лош-ат-ами</i>	<i>ім-ен-ами</i>
П.	<i>лош-ат-і</i>	<i>ім-ен-і</i>	<i>лош-ат-ах</i>	<i>ім-ен-ах</i>

§ 81. Прилагательные характеризуются формами рода, числа и падежа, зависящими от существительных, при которых они выступают как определения. Форма именительного падежа единственного числа мужского рода оканчивается на *-ий, -ій*, женский род имеет окончание *-а (-я)*, средний *-е (-є)*, явившееся в результате стяжения гласных: *солодкий — солодка — солодке, могутній — могутня — могутне*. В местном падеже единственного числа в прилагательных мужского и среднего рода чаще употребляется окончание, проникшее из дательного падежа: *на червоному (червонім) прапорі, в могутньому союзі, в безкрайому степи*.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ Твердая разновидность

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср. р	Жен. р	
И.	<i>добр-ий</i>	<i>добр-е</i>	<i>добр-а</i>	<i>добр-і</i>
Р.	<i>добр-ого</i>	<i>добр-ого</i>	<i>добр-ої</i>	<i>добр-их</i>
Д.	<i>добр-ому</i>	<i>добр-ому</i>	<i>добр-ій</i>	<i>добр-им</i>
В.	Как им. или род. пад.	<i>добр-е</i>	<i>добр-у</i>	Как им. или род. пад.
Т.	<i>добр-им</i>	<i>добр-им</i>	<i>добр-ою</i>	<i>добр-ими</i>
П.	<i>добр-ому</i> (<i>-ім</i>)	<i>добр-ому</i> (<i>-ім</i>)	<i>добр-ій</i>	<i>добр-их</i>

Мягкая разновидность

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И.	<i>син-ій</i>	<i>син-є</i>	<i>син-я</i>	<i>син-і</i>
Р.	<i>синь-ого</i>	<i>синь-ого</i>	<i>синь-ої</i>	<i>син-іх</i>
Д.	<i>синь-ому</i>	<i>синь-ому</i>	<i>синь-ій</i>	<i>син-ім</i>
В.	Как им. или род. пад.	<i>син-є</i>	<i>син-ю</i>	Как им, или род. пад.
Т.	<i>син-ім</i>	<i>син-ім</i>	<i>синь-ою</i>	<i>син-іми</i>
П.	<i>синь-ому</i> (<i>син-ім</i>)	<i>синь-ому</i> (<i>син-ім</i>)	<i>син-ій</i>	<i>син-іх</i>

Сравнительная степень прилагательных образуется посредством суффиксов *-ш-*, *-іш-* (у прилагательных с основой на *к* появляется суффикс *-ч-*): *молодий* — *молодший*, *злий* — *зліший*, *веселий* — *веселіший*, *спокійний* — *спокійніший*, *низкий* — *нижчий*, *вузкий* — *вижчий*. У ряда прилагательных используется в этом случае другая основа: *малий* — *менший*, *великий* — *більший*, *поганий* — *гірший*, *гарний* — *кращий* и *ліпший*.

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение

Падеж	Единственное число			Множественное число	
	1 е лицо личного местоим	2 е лицо личного местоим	Возвратное местоим	1 е лицо личного местоим	2 е лицо личного местоим
И	<i>я</i>	<i>ти</i>	—	<i>ми</i>	<i>ви</i>
Р	<i>мене</i>	<i>тебе</i>	<i>себе</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>
Д	<i>мені</i>	<i>тобі</i>	<i>собі</i>	<i>нам</i>	<i>вам</i>
В	<i>мене</i>	<i>тебе</i>	<i>себе</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>
Т	<i>мною</i>	<i>тобою</i>	<i>собою</i>	<i>нами</i>	<i>вами</i>
П	<i>мені</i>	<i>тобі</i>	<i>собі</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>

Личное местоимение 3-го лица ОН

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И	<i>він</i>	<i>воно</i>	<i>вона</i>	<i>вони</i>
Р	<i>його(нього)</i>	<i>його(нього)</i>	<i>її(неї)</i>	<i>їх(них)</i>
Д	<i>йому</i>	<i>йому</i>	<i>їй</i>	<i>їм</i>
В	<i>його(нього)</i>	<i>його(нього)</i>	<i>її(неї)</i>	<i>їх(них)</i>
Т	<i>ним</i>	<i>ним</i>	<i>нею</i>	<i>ними</i>
П	<i>ньому(ним)</i>	<i>ньому(ним)</i>	<i>ній</i>	<i>них</i>

Притяжательное местоимение МОЙ

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И	<i>мій</i>	<i>моє</i>	<i>моя</i>	<i>мої</i>
Р мого	<i>мого</i>	<i>мого</i>	<i>моєї</i>	<i>моїх</i>
Д	<i>моєму</i>	<i>моєму</i>	<i>моїй</i>	<i>моїм</i>
В	Как им или род пад	<i>моє</i>	<i>мою</i>	Как им или род пад
Т	<i>моїм</i>	<i>моїм</i>	<i>моєю</i>	<i>моїми</i>
П	<i>моєму (моїм)</i>		<i>моїй</i>	<i>моїх</i>

Указательное местоимение *ТОТ*

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И	<i>той</i>	<i>те</i>	<i>та</i>	<i>ти</i>
Р.	<i>того</i>	<i>того</i>	<i>тієї (тої)</i>	<i>тих</i>
Д.	<i>тому</i>	<i>тому</i>	<i>тій</i>	<i>тим</i>
В.	Как им. или род. пад.	<i>те</i>	<i>ту</i>	Как им. или род. пад.
Т.	<i>тим</i>	<i>тим</i>	<i>тією (тою)</i>	<i>тими</i>
П.	<i>тому (тім)</i>	<i>тому (тім)</i>	<i>тій</i>	<i>тих</i>

Указательное местоимение *ЕТОТ*

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И.	<i>цей</i>	<i>це</i>	<i>ця</i>	<i>ці</i>
Р.	<i>цього</i>	<i>цього</i>	<i>цієї</i>	<i>цих</i>
Д.	<i>цьому</i>	<i>цьому</i>	<i>цій</i>	<i>цим</i>
В.	Как им. или род. пад.	<i>це</i>	<i>цю</i>	Как им. или род. пад.
Т.	<i>цим</i>	<i>цим</i>	<i>цією</i>	<i>цими</i>
П.	<i>цьому (цім)</i>	<i>цюму (цім)</i>	<i>цій</i>	<i>цих</i>

Вопросительные местоимения *КТО* и *ЧТО*

И	<i>хто</i>	<i>що</i>	В.	<i>кого</i>	<i>що</i>
Р.	<i>кого</i>	<i>чого</i>	Т.	<i>ким</i>	<i>чим</i>
Д.	<i>кому</i>	<i>чому</i>	П.	<i>кому (кім)</i>	<i>чому (чім)</i>

§ 82. Глагол характеризуется наличием формы вида, времени, наклонения, лица, залога и в прошедшем времени — рода. По формам личных окончаний настоящего времени глаголов выделяются первое и второе спряжение. К первому спряжению относятся глаголы, имеющие во 2-м и 3-м лице единственного числа тематический гласный *-е-* (*-є-*), а в 3-м лице множественного числа окончание *-уть* (*-ють*): *кажеш, каже, кажемо, кажете, кажуть, маєш, має, маємо, маєте, мають*. Ко второму спряжению относятся глаголы с тематическим гласным *-и-* (*-ї-*) и окончанием 3-го лица множественного числа *-ять* (*-ать*): *робиш, робить, робимо, робите, роблять, стоїш, стоїть, стоять, бачиш, бачить, бачать*. В 1-м лице единственного числа все глаголы имеют окончание *-у* (*-ю*). Глаголы первого спряжения в 3-м лице единственного числа утратили *-t-*. Некоторые глаголы сохраняют в первых двух лицах единственного числа нетематические окончания: *дам, даси, їм, їси, (допо)вім*. Будущее время глаголов совершенного вида имеет личные окончания настоящего време-

ни: *зроблю, поведу, напишу* и т. д. Глаголы несовершенного вида имеют две формы будущего времени: сложную, образующуюся из сочетания вспомогательного глагола *бути* и инфинитива (*буду писати, будемо нести, буде робити*), и составную, образующуюся путем присоединения к инфинитиву суффикса *-м-* и личных окончаний первого спряжения: *ходитиму, ходитимеш, ходитиме* (ед. ч.), *ходитимемо, ходитимете, ходитимуть* (мн. ч.). Составная форма исторически возникла путем присоединения к инфинитиву вспомогательного глагола *иму*; с течением времени этот глагол фонетически видоизменился в суффикс *-м-*, после которого следуют личные окончания. Прошедшее время имеет суффикс *-л-* перед окончаниями женского и среднего рода и множественного числа. В мужском роде, где нет окончания, у глаголов с основой инфинитива на согласный этот суффикс утратился: *пекти — пік*, но *пекла, нести — ніс*, но *несла, могли — міг*, но *могла*. У глаголов с основой инфинитива на гласный, как было уже отмечено, вместо *-л-* появляется *-в(ь)*: *думати — думав*, но *думала, носити — носив*, но *носила*. Давнопрошедшее время образуется сочетанием форм прошедшего времени с формами прошедшего времени вспомогательного глагола *бути*: *писав був, писала була; якби знала, що покине, була б не любила* (Шевченко). Эти формы в современном языке носят оттенок архаичности.

Формы повелительного наклонения имеются для 2-го лица единственного числа и для 1-го и 2-го лица множественного числа. Если глагол в 1-м лице настоящего времени имеет ударение на окончании, то в повелительном наклонении находим окончания *-и, -імо, -іть*: *бери — берімо — беріть, іди — ідімо — ідіть*. Если глагол имеет ударение на основе, то форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения оканчивается на согласный основы, а во множественном числе присоединяются окончания *-мо, -те*: *глянь — гляньмо — гляньте, заходь — заходьмо — заходьте*. Форма побуждения для 3-го лица единственного и множественного числа образуется с частицей *хай, нехай*: *хай знає*. Условное наклонение образуется присоединением частицы *би (б)* к форме прошедшего времени: *мені б книжку цікаву купити*.

ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ ПЕРВОГО СПРЯЖЕНИЯ

Единственное число

1-е лицо	я пиш-у	я чита-ю
2-е лицо	ти пиш-еш	ти чита-єш
3-е лицо	він (вона, воно) пиш-е	він чита-є

Множественное число

1-е лицо	<i>ми пиш-емо</i>	<i>ми чита-ємо</i>
2-е лицо	<i>ви пиш-ете</i>	<i>ви чита-єте</i>
3-е лицо	<i>вони пиш-уть</i>	<i>вони чита-ють</i>

ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ ВТОРОГО СПРЯЖЕНИЯ Единственное число

1-е лицо	<i>я прош-у</i>	<i>я сто-ю</i>
2-е лицо	<i>ти прос-иш</i>	<i>ти сто-иш</i>
3-е лицо	<i>вн прос-ить</i>	<i>вн сто-ить</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>ми прос-имо</i>	<i>ми сто-имо</i>
2-е лицо	<i>ви прос-ите</i>	<i>ви сто-ите</i>
3-е лицо	<i>вони прос-ять</i>	<i>вони сто-ять</i>

Инфинитив оканчивается на *-ти* и *-ть*, однако употребление этих окончаний не зависит от места ударения. Чаще употребляются формы на *-ти*. Глаголы с основой на задненёбные также получили по аналогии окончание *-ти*: *могти, лягти, пекти*. Действительные причастия настоящего времени образуются при помощи суффиксов *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*): *ростучий, виконуючий, сидячий, лежащий*; причастия прошедшего времени имеют суффиксы *-л-*, *-ш-*: *пожовклий, перемігший*, однако их употребление довольно ограничено. Окончания деепричастий несовершенного вида — *-учи* (*-ючи*), *-ячи* (*-ачи*): *беручи, даючи, дивлячись, біжачи*, совершенного вида — *-ши*: *донісши, вивчивши*. Страдательные причастия прошедшего времени образуются от основы инфинитива с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*: *вироблений, нагрітий*. От них образуется особая неизменяемая форма на *-но*, *-то*, употребляемая в качестве сказуемого безличных предложений и могущая иметь при себе дополнение в винительном падеже: *завод відбудовано, берег разміто течією*.

§ 83. В словарном составе украинского языка много слов, не представленных в русском, например: *кравець* («портной»), *дитина* («ребенок»), *година* («час»), *годинник* («часы»), *снідання* («завтрак»), *праця* («работа»), *ожеред* («скирда соломы»), *хмара* («туча»), *щодня* («ежедневно») и др. В украинском языке незначительно количество старославянизмов, столь характерных для русского литературного языка; ср., например, *ворог* — рус.

враг, солодкий («сладкий»), *скоротити* («сократить»), *завідуючий* («заведующий»), *вихід* («исход»). Однако имеется много слов, заимствованных из польского языка: *школа, повинен, цікавий* («интересный»), *обіцяти* («обещать»), *рахунок* («счет») и т. п.

§ 84. Как было отмечено, расчленение древнерусской народности в XIV в. усилило процесс самостоятельного развития территориальных диалектов, вызвало группировку их вокруг новых центров. Формирование некоторых черт фонетики украинского языка можно отметить уже во второй половине XII в. Так, в Добриловом евангелии 1164 г. — южнорусском памятнике древнерусского языка уже наблюдается появление нового *ѣ* на месте *e* перед утраченным редуцированным: *камѣнь, шѣсть* (соврем. *камінь, шість*). В XIII в. наблюдается замена *ѣ* звуком *и*. В XIV в. отмечены случаи удлинения *о, е* в новых закрытых слогах; переход их через ступень дифтонгов в *і* отражается в современном чередовании типа *кінь — коня*. В XIV—XVII вв. складывается современная звуковая и грамматическая система украинского языка.

Развитие украинской письменности и литературного языка с XIV—XV вв. происходило на основе традиций литературного языка Киевской Руси путем постепенной выработки специфических украинских особенностей. В XVI в. на Украине предпринимаются попытки перевода церковнославянских книг на живой разговорный язык. В период польского владычества передовые люди Украины культивировали и совершенствовали церковнославянский язык как знамя борьбы за национальную и культурную самостоятельность. Этот язык объединял Украину с братским русским народом. К концу XVI — началу XVII в. на Украине были выработаны и применялись два вида литературного языка: язык славянорусский, сложившийся на основе взаимодействия церковнославянского и книжного русского языка, и книжный украинский язык. Развитию литературного языка способствовало введение Иваном Федоровым книгопечатания на Украине (с 1574 г.). Это развитие происходило в условиях ожесточенной борьбы с польской шляхтой и турецко-татарскими захватчиками. Польская шляхта и иезуиты стремились разрушить культуру украинского народа и ассимилировать его язык. Освободительная война украинского народа против польской шляхты в 1648—1654 гг. и воссоединение с русским народом принесли украинскому народу спасение, обеспечили условия для развития и освобождения украинского языка от латино-польских заимствований.

§ 85. В XVIII в. элементы живого народного языка все сильнее проникают в произведения различных литературных жанров. Закрепление народно-разговорной речи киевско-полтавских земель в литературе — исторически обусловленное явление, связанное с формированием украинской нации. Выдающимся представи-

телем украинского литературного языка был И. П. Котляревский (1769—1838). Однако диапазон его творчества не был настолько широк, чтобы послужить основой национального литературного языка. Такой основой стал язык произведений великого сына украинского народа Т. Г. Шевченко (1814—1861). В творчестве Шевченко органически соединились элементы разговорного языка, лучшие черты литературной традиции и богатое народное творчество. Творчество Шевченко оказало огромное влияние на развитие литературного языка в Западной Украине, Буковине и Закарпатье, находившихся тогда под властью Австро-Венгрии и Румынии. Шевченко сыграл объединяющую роль, указав пути развития украинского литературного языка на общенациональной основе. Несмотря на реакционную политику царизма, украинский литературный язык достиг высокого развития в творчестве М. Вовчка, И. Франко, М. Коцюбинского, Л. Украинки. В советскую эпоху украинский литературный язык, обогатив все свои стили и жанры, стал одним из высокоразвитых славянских литературных языков.

§ 86. Территория украинского языка подразделяется на три диалекта: северный (на север от линии Суджа — Сумы — Канев — Белая Церковь — Житомир — Владимир-Волынский), юго-западный и юго-восточный (граница между ними идет от Сквиры через Умань, Ананьев до нижнего течения Днестра). Характерными чертами северного диалекта являются развитие $\bar{o}$ и $\bar{e}$ в новых закрытых слогах в зависимости от ударения; под ударением $\bar{o}$ изменилось в дифтонги ($y\bar{o}$, $y\bar{e}$, $y\bar{i}$) или монофтонги (y , $\bar{y}$, u): *куо̄нь, куе̄нь, куй̄нь, кунь, кинь*; в безударном положении находим o : *радо̄сть, мо̄стки*; $\bar{e}$ перед давним слогом с $\bar{v}$ изменилось в $y\bar{o}$, $y\bar{e}$, $y\bar{i}$, перед слогом с $\bar{v}$ — в $i\bar{e}$ или i : *прин'уо̄с, п'іе̄ч, піч*, в безударном положении находим e : *осень*. Старому $\bar{v}$ под ударением соответствует $i\bar{e}$ или i , вне ударения — e : *с'іено, д'іед, сіно, дід, но деді̄*. Мягкое r отвердело; выступает окончание $-e$ в словах *жит'т'е, знан'н'е* (литер. *життя, знання*); формы именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода утратили конечное $\bar{y}$: *молоди, сліпи*. Юго-западный диалект характеризуется переходом старых $\bar{o}$, $\bar{e}$ и $\bar{v}$ независимо от ударения в i : *кінь, ніч, піч, літо, сіно*. Во многих говорах находим окончание $\bar{e}$ в словах *жите̄, знане̄*; отвердение мягкого r , иногда с появлением вставного $\bar{y}$: *морй̄а и мора̄*; самостоятельное употребление частиц *ся, се, си*: *я се голю*; преимущественное употребление окончания $-ови, -еви$ в дательном падеже единственного числа существительных мужского и среднего рода; распространенное употребление энклитических местоименных форм *мя, тя, ся, мі, ті, сі, ю, ню, і*; $-т$ твердое в окончаниях глаголов. Юго-восточный диалект лег в основу украинского литературного языка. Его особенности в основном совпадают с системой литературного языка.

Т. Г. Шевченко

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Україні милій,
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.
Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу... отоді я
І лани і гори —

Все покину і долину
До самого бога
Молитися . . . а до того
Я не знаю бога.
Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою, злою кров'ю
Волю окропіте.
І мене в сім'ї великій,
В сім'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.

25 декабря 1845 г. (Шевченко Т. Г. Кобзар. Київ, 1950, с. 218).

Олесь Гончар

ПРАПОРНОСЦІ

(отривок)

Гуркіт підвід, рокіт моторів, іржання коней — все ставало заараз помітно лункішим, ніж вдень. Дзвінки вечірні поля неначе самі підхоплюють і підсилюють гомін походу. Всі словацькі шляхи сьогодні задимились на захід. Тепер і звідти, з паралельних, димуючих доріг, лункий весняний вечір передає Маковецьві — через луки, через озера! — музику моторів, якої ще годину тому було не чути.

Хлопцеві пригадалися осінні мряки-тумани десь віля Тісси. Довгі-предовгі ночі, багністі темні поля . . . Хриплі команди, що глухо тонуть у сивому мороці . . . Там навіть звук власного голосу, обважійлий, наче відсирілий, падав за кілька кроків від тебе . . . А зараз як лунко та дзвінко навкруги! Що то — весна . . . Здасться Маковецьві, коли б він оце заспівав, то почули б його аж на самім Дніпрі . . . По голосу впізнали б дівчата: наш Маковей! Десь на Дунаї співає, а в Орлику чути!..

Тимчасом на заході сонце невтомно зводило свої величезні сяючі будови, ставило із золотих хмар золоті міста з вежами, соборами, кучерявими садами.. І все те світилося зсередини, весь час немов розжеврювалося.

(Гончар. О. Прапорноскі. Київ, 1956, с. 299)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Беспалько О. П., Бойчук М. К., Жовтобрюх М. А., Самійленко С. П., Тараненко І. Й. Історична грамматика української мови. Изд. 2-е. Київ, 1962.

Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови. Изд. 2-е. Киев, 1966, Жовтобрюх М. А., Кулик Б. М. Курс сучасної української літературної мови. Ч. I. Изд. 4-е. Київ, 1972.

Ивченко М. П. Сучасна українська літературна мова. Київ, 1965.

Кулик Б. М. Курс сучасної української літературної мови. ч. II. Синтаксис. Изд. 2-е. Київ, 1965.

Курс сучасної української літературної мови. Т. I, II. Київ, 1951.

Плющ П. П. Історія української літературної мови. Київ, 1971.

Скрипник А. Г. Фразеологія української мови. Київ, 1973.

Сучасна українська літературна мова (в 5 книгах). Кн. 1. Вступ. Фонетика. Київ, 1969; кн. 2, Морфологія. Київ, 1969.

II

Гриченко Б. Д. Словарь української мови. Т. I—IV. 1902—1909 (переизд. в 1958 г.).

Російсько-українській словник. Т. 1—3. Київ, 1968.

Словник української мови. Т. I—XI. Київ, 1970—1980.

Украинско-русский словарь. Т. I—VI. Київ, 1953—1963.

Кириченко І. М. Орфографічний словник. Київ, 1973.

Коваль А. П. і Коптилов В. В. 1000 крилатих виразів української літературної мови. 2. Афоризми. Літературн. цитати. Образні вирази. Київ, 1964.

Словник мови Шевченка. В 2-х т. Київ, 1964.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

§ 87. Белорусский алфавит отличается от русского следующими особенностями: гласный *и* обозначается всегда буквой *і*; буква *ѣ* отсутствует и разделительное значение передается апострофом: *аб'еднанне* («объединение»); для передачи неслогового *й* используется надстрочный знак: *дайно, войк, чытай*; отсутствует буква *щ*, так как в белорусском нет такого звука, а имеется сочетание *шч*: *шчыт* («шит»), *шчасце* («счастье»). В основу белорусского правописания положен фонетический принцип.

§ 88. В белорусском литературном языке представлены шесть гласных звуков: *і, ы, у, э, о, а*. Гласный *і* находим после мягких согласных и в начале слова: *ісці, сіні*; гласный *ы* — после твердых согласных: *быць, большы*. Гласные *э, о, а* различаются под ударением: *рэкі* (после мягких согласных пишется *е*: *лес, дзень*), *мова* (после мягких согласных пишется *ё*: *сёння, цёпла*),

насып (после мягких согласных пишется *я*: *цяжкасьць, пяць*). Белорусскому языку свойственно аканье, т. е. произношение *э, о, а* в первом предударном слоге как *а*, а в других безударных слогах как *э, ь* (в зависимости от качества предшествующего согласного). Аканье последовательно отражается на письме. Гласные *э, о, а* во всех неударяемых положениях обозначаются буквой *а* (*о, а* после мягких согласных передаются буквой *я*): *рэкі* (им. пад. мн. ч.) — *рака́, чэрап — чарапі́, дом — дамы́, горад — гарады́, пяціго́дка, ты́сяча, цёмна — цямню́сенька*. Гласный *э* (после мягких согласных *е*) в первом предударном слоге обозначается как *я*, во всех других слогах основы пишется *е*: *лес — лясы́, зёмлі́* (им. пад. мн. ч.) — *зямля́, но вы́ехаць, во́сень, вёлізарны́* («огромный»). В белорусском языке отсутствует переход ударяемого *'е* в *о* в положение его перед отвердевшим шипящим: *нёс, вёў, слёзы*, но *адзэ́жа, нясе́ш* (рус. *несёшь*). Начальные безударные *у, і* становятся неслоговыми, когда они стоят после слова с конечным гласным, и остаются без изменения после согласного: *прыехалі ў горад*, но *прыехаў у горад; чыталі і пісалі*, но *чытаў і пісаў* (этот случай на письме не находит отражения). Перед начальными ударными *о, у* в исконно белорусских словах развивается вторичный согласный *в*: *возера, вокны, восень, вузел, вуліца, вуха, вус*. Заимствования: *ордэн, унія*.

§ 89. Характерной чертой системы согласных является «цеканье» и «дзеканье», т. е. переход мягких *т* и *д* в мягкие аффрикаты *ц* и *дз*: *цень, ціхі, сядзець* («сидеть»), *адзін*. В литературном языке находим фрикативное *г* (*γ*): *горад, абгараць*. Взрывное *г* представлено в сочетании *зг* и заимствованиях из польского языка: *мазгі, розга, ганак* («крыльцо»), *гузік* («пуговица»). Согласные различаются по звонкости и глухости, а также по мягкости и твердости. Процессы ассимиляции звонких глухими и наоборот в основном совпадают с соответствующими русскими явлениями (кроме согласного *в*, который в конце слова и перед глухими изменяется не в *ф*, как в русском языке, а в *ў*: *карова — [кароўка], [рукаў]*). На письме эти явления не отражаются, кроме перехода *в* в *у*. Большая часть согласных могут быть твердыми и мягкими. Только твердыми являются все шипящие, *ц* (не из *т'*) и *р*: *жыта, шыць, чытаць, цыбуля, рабіна* («рябина»). Согласные *т', д'* в результате переходного смягчения дают мягкие аффрикаты *ц', дз'*. Губные согласные *б, п, м* отвердели в конце слова и перед *і*: *голуб, сем, восем, сям'я = [с'амја]*, но *семя = [с'эм'а]*. Твердое *л* в закрытом слоге (обычно в формах прошедшего времени и в срединных сочетаниях, восходящих к редуцированным с плавными), как и *в*, изменяется в *ў* (неслоговое): *войк, поўны, піў, но стол, вол, палка*. Согласные, помимо губных, *р* и задненёбных, в сочетании с *і* смягчались, ассимилировали *і* и становились в интервокальном положении долгими. В белорусском языке находим долгие мягкие зубные и шипящие:

жыццё, суддзя, калоссе («колосья»), *вяселле* («свадьба»), *пытанне* («вопрос»), *збожжа* («товар»).

§ 90. Грамматический строй белорусского литературного языка в своей основе близок строю русского литературного языка. Имя существительное обладает категорией рода, числа и падежа (имеется шесть падежных форм, звательная форма сохранилась у немногих имен: *сынку! браце!*). Различаются три типа склонения существительных. К первому склонению относятся имена женского и мужского рода с окончанием *-а* (*-я*) в именительном падеже: *вада, мяжа, зямля, стараста, старшыня*. Второе склонение включает в свой состав существительные мужского рода с основой на согласный: *дуб, нож, конь, край*, и существительные среднего рода на *-о* (*-ё*) и *-а, -е* (не под ударением): *акно, жыццё, мора, поле*. Имена женского рода с основой на мягкий и отвердевший согласный составляют третье склонение: *ноч, мыш, косць, печ, радасць*.

Мягкая разновидность первого склонения имеет в родительном, дательном и местном падежах окончание *-і*: *зямлі, аб зямлі* (ср. рус. *земли, земле, о земле*). Существительные женского рода в дательном и местном падеже единственного числа сохраняют результаты второй палатализации в виде чередований *г — з, к — ц, х — с*: *нага — назе, рука — руцэ, страха* («крыша») — *страсе*. У имен мужского рода это чередование изредка выступает в местном падеже единственного числа: *на снезе* (чаще: *на снягу*). В литературном языке возможны формы родительного падежа множественного числа имен существительных женского рода с окончанием *-аў* (*-яў*), проникшим из имен мужского рода: *бярозкаў, соснаў, зімаў, бураў* (ср. рус. *березок, сосен, зим, бурь*). В мягкой разновидности существительных второго склонения в местном падеже единственного числа представлено окончание *-і*: *аб кані, полі* (ср. рус. *о коне, поле*). Имена среднего рода второго склонения в именительном падеже множественного числа имеют окончания *-ы, -і*: *вокны, азёры, палі*, вызванные влиянием имен мужского рода (ср. рус. *окна, озера, поля*). Чередование задненёбных в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода утрачено: *вайкі, мяхі*. Дательный, творительный и местный падежи множественного числа всех склонений имеют окончания *-ам* (*-ям*), *-амі* (*-ямі*), *-ах* (*-ях*). Категория одушевленности представлена в том же объеме, что и в русском языке. Числительные 2—4 имеют при себе именительный падеж множественного числа существительных: *два сталы, тры вокны, чатыре коні*. В творительном падеже единственного числа существительных третьего склонения представлены долгие согласные: *ноччу, но шыр'ю, глыб'ю*.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Первое склонение

Единственное число

И	<i>сцян-а́</i>	<i>зямл-я́</i>	<i>душ-а́</i>
Р	<i>сцян-ы́</i>	<i>зямл-і́</i>	<i>душ-ы́</i>
Д	<i>сцян-э́</i>	<i>зямл-і́</i>	<i>душ-ы́</i>
В	<i>сцян-у́</i>	<i>зямл-ю́</i>	<i>душ-у́</i>
Г	<i>сцян-ой (-о́ю)</i>	<i>зямл-ей (-е́ю)</i>	<i>душ-ой (-о́ю)</i>
П	<i>(аб) сцян-э́</i>	<i>(аб) зямл-і́</i>	<i>(аб) душ-ы́</i>

Множественное число

И	<i>сцэ́н-ы</i>	<i>зэ́мл-і</i>	<i>душ-ы</i>
Р	<i>сцэ́н</i>	<i>зямéль</i>	<i>душ</i>
Д	<i>сцэ́н-ам</i>	<i>земл-я́м</i>	<i>душ-ам</i>
В	<i>сцэ́н-ы</i>	<i>зэ́мл-і</i>	<i>душ-ы</i>
Т	<i>сця́н-а́мі</i>	<i>земл-я́мі</i>	<i>душ-а́мі</i>
П	<i>сцэ́н-ах</i>	<i>земл-ях</i>	<i>душ-ах</i>

Второе склонение

Единственное число

И	<i>стол</i>	<i>ко́нь</i>	<i>акн-о</i>	<i>пол-е</i>
Р	<i>стал-а</i>	<i>кан-я</i>	<i>акн-а</i>	<i>пол-я</i>
Д	<i>стал-у</i>	<i>кан-ю</i>	<i>акн-у</i>	<i>пол-ю</i>
В	<i>стол</i>	<i>кан-я</i>	<i>акн-о</i>	<i>пол-е</i>
Т	<i>стал-ом</i>	<i>кан-ем</i>	<i>акн-ом</i>	<i>пол-ем</i>
П	<i>стал-е</i>	<i>кан-і</i>	<i>акн-е</i>	<i>пол-і</i>

Множественное число

И	<i>стал-ы</i>	<i>кан-і</i>	<i>акн-ы</i>	<i>пол-і</i>
Р	<i>стал-оў</i>	<i>кан-еў</i>	<i>вокн-аў (окан)</i>	<i>пал-еў</i>
Д	<i>стал-ам</i>	<i>кан-ям</i>	<i>вокн-ам</i>	<i>пал-ям</i>
В	<i>стал-ы</i>	<i>кан-еў</i>	<i>акн-ы</i>	<i>пол-і</i>
Т	<i>стал-а́мі</i>	<i>кан-я́мі</i>	<i>вокн-а́мі</i>	<i>пал-я́мі</i>
П	<i>стал-ах</i>	<i>кан-ях</i>	<i>вокн-ах</i>	<i>пал-ях</i>

Третье склонение

Падсж	Единственное число		Множественное число	
И	<i>косцъ</i>	<i>ноч</i>	<i>косц-і</i>	<i>ноч-ы</i>
Р	<i>косц-і</i>	<i>ноч-ы</i>	<i>касц-ей</i>	<i>нач-эй</i>
Д	<i>косц-і</i>	<i>ноч-ы</i>	<i>касц-ям</i>	<i>нач-ам</i>
В	<i>косцъ</i>	<i>ноч</i>	<i>косц-і</i>	<i>ноч-ы</i>
Т	<i>косц-ю</i>	<i>ноч-у</i>	<i>косц-я́мі</i>	<i>нач-а́мі</i>
П	<i>косц-і</i>	<i>ноч-ы</i>	<i>касц-ях</i>	<i>нач-ах</i>

§ 91. Имена прилагательные обладают согласуемыми формами рода, числа и падежа. Родовые формы единственного числа: *добры, добрая, доброе*; во множественном числе общая форма: *добрыя стали, сцены, вазёра*.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Твердая разновидность

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р.	Жен. р
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>добр-ы</i> <i>добр-ага</i> <i>добр-аму</i> Как им. или род. пад. <i>добр-ым</i> <i>добр-ым</i>	<i>добр-ае</i> <i>добр-ага</i> <i>добр-аму</i> <i>добр-ае</i> <i>добр-ым</i> <i>добр-ым</i>	<i>добр-ая</i> <i>добр-ай (-ае)</i> <i>добр-ай</i> <i>добр-ую</i> <i>добр-ай (-аю)</i> <i>добр-ай</i>

Множественное число

И. Р. Д. В. Т. П.	<i>добр-ыя</i> <i>добр-ых</i> <i>добр-ым</i> Как им. или род. пад. <i>добр-ыми</i> <i>добр-ых</i>
----------------------------------	--

Мягкая разновидность

Единственное число

Падеж	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>сін-і</i> <i>сін-яга</i> <i>сін-яму</i> Как им. или род. пад. <i>сін-ім</i> <i>сін-ім</i>	<i>сін-ае</i> <i>сін-яга</i> <i>сін-яму</i> <i>сін-ае</i> <i>сін-ім</i> <i>сін-ім</i>	<i>сін-яя</i> <i>сін-яй (-яе)</i> <i>сін-яй</i> <i>сін-юю</i> <i>сін-яй (-яю)</i> <i>сін-яй</i>

Множественное число

И. Р. Д.	<i>сін-ія</i> <i>сін-іх</i> <i>сін-ім</i>	В. Т. П.	Как им. или род. пад. <i>сін-імі</i> <i>сін-іх</i>
----------------	---	----------------	--

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение

Падеж	Единственное число			Множественное число	
	1 е лицо личного местоим	2 е лицо личного местоим	Возвратн местоим.	1 е лицо личного местоим	2 е лицо личного местоим
И	<i>я</i>	<i>ты</i>	—	<i>мы</i>	<i>вы</i>
Р	<i>мне</i>	<i>цябе</i>	<i>сябе</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>
Д	<i>мне</i>	<i>табе</i>	<i>сабе</i>	<i>нам</i>	<i>вам</i>
В	<i>мне</i>	<i>цябе</i>	<i>сябе</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>
Т	<i>мно́й (-ою)</i>	<i>табо́й (-ою)</i>	<i>сабо́й (-ою)</i>	<i>нами</i>	<i>вами</i>
П	<i>мне</i>	<i>табе</i>	<i>сабе</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>

Личное местоимение 3-го лица ОН

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И	<i>ен</i>	<i>яно</i>	<i>яна</i>	<i>яны</i>
Р	<i>яго</i>	<i>яго</i>	<i>яе</i>	<i>их</i>
Д	<i>яму</i>	<i>яму</i>	<i>ей</i>	<i>им</i>
В	<i>яго</i>	<i>яго</i>	<i>яе</i>	<i>их</i>
Т	<i>им</i>	<i>им</i>	<i>ею (ей)</i>	<i>ими</i>
П	<i>им</i>	<i>им</i>	<i>ей</i>	<i>их</i>

Притяжательное местоимение МОЙ

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И	<i>мой</i>	<i>мае</i>	<i>мая</i>	<i>мае</i>
Р	<i>майго</i>	<i>майго</i>	<i>мае (маей)</i>	<i>маих</i>
Д	<i>майму</i>	<i>майму</i>	<i>маей</i>	<i>маим</i>
В	Как им или род пад	<i>мае</i>	<i>маю</i>	Как им или род пад
Т	<i>маим</i>	<i>маим</i>	<i>маею (й)</i>	<i>маими</i>
П	<i>маим</i>	<i>маим</i>	<i>маей</i>	<i>маих</i>

Указательное местоимение ТОТ

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И	<i>той</i>	<i>тое</i>	<i>тая</i>	<i>тыя</i>
Р	<i>таго</i>	<i>таго</i>	<i>той</i>	<i>тых</i>
Д	<i>таму</i>	<i>таму</i>	<i>тои</i>	<i>тым</i>
В	Как им или род пад	<i>тое</i>	<i>тую</i>	Как им или род пад
Т	<i>тым</i>	<i>тым</i>	<i>той</i>	<i>тыми</i>
П	<i>тым</i>	<i>тым</i>	<i>той</i>	<i>тых</i>

Указательное местоимение ЭТОТ

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Муж р	Ср р	Жен р	
И.	<i>гэты</i>	<i>гэта (гэтае)</i>	<i>гэтая</i>	<i>гэтыя</i>
Р.	<i>гэтага</i>	<i>гэтага</i>	<i>гэтай</i>	<i>гэтых</i>
Д.	<i>гэтаму</i>	<i>гэтаму</i>	<i>гэтай</i>	<i>гэтым</i>
В.	Как им. или род. пад	<i>гэта (гэтае)</i>	<i>гэту (-ую)</i>	Как им. или род. пад
Т.	<i>гэтым</i>	<i>гэтым</i>	<i>гэтай (-аю)</i>	<i>гэтымі</i>
П.	<i>гэтым</i>	<i>гэтым</i>	<i>гэтай</i>	<i>гэтых</i>

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И.	<i>хто</i>	<i>што</i>	В.	<i>каго</i>	<i>што</i>
Р.	<i>каго</i>	<i>чаго</i>	Т.	<i>кім</i>	<i>чым</i>
Д.	<i>каму</i>	<i>чаму</i>	П.	<i>кім</i>	<i>чым</i>

§ 92. Глагольная система совпадает в целом с русской. Различаются два спряжения. К первому спряжению относятся глаголы с окончанием 3-го лица единственного числа на *-э (-е, -а)*: *бярэ, нясе, кажа*. Глаголы второго спряжения имеют в составе окончания *-і (-ы-)*: *носіць, вучыць*, причем форма 3-го лица единственного числа имеет в окончании *ць* (из *т* мягкого). Настоящее время имеют следующие формы: *нясу — нясеш — нясе* (ед. ч.), *нясем — нясеце — нясуць* (мн. ч.); *нашу — носіш — носіць* (ед. ч.); *носім — носіце — носяць* (мн. ч.). Остатки нетематического спряжения: *ем, ясі, есць, дам, дасі, дасць*. Будущее время образуется, как в русском языке: *напішу, буду пісаць*. Формы прошедшего времени образуются с помощью суффикса *-л* от основы инфинитива. В мужском роде этот суффикс после гласных изменяется в *ў*: *пісаў, чытаў*, а после согласных утрачивается: *нёс, вёз*. Повелительное наклонение имеет формы 2-го лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа: *працуй, працуйце, працуйма*. Условное наклонение содержит частицу *бы (б)*: *пісаў бы*.

ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ ПЕРВОГО СПРЯЖЕНИЯ

Единственное число

1-е лицо	<i>я няс-у</i>	<i>бяр-у</i>	<i>каж-у</i>
2-е лицо	<i>ты няс-еш</i>	<i>бяр-эш</i>	<i>каж-аш</i>
3-е лицо	<i>ён няс-е</i>	<i>бяр-э</i>	<i>каж-а</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>мы няс-ем</i>	<i>бяр-эм</i>	<i>каж-ам</i>
2-е лицо	<i>вы няс-еце</i>	<i>бяр-эце</i>	<i>каж-аце</i>
3-е лицо	<i>яны няс-уць</i>	<i>бяр-уць</i>	<i>каж-уць</i>

ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ ВТОРОГО СПРЯЖЕНИЯ

Единственное число

1-е лицо	<i>я наш-у</i>	<i>вуч-ы</i>
2-е лицо	<i>ты нос-іш</i>	<i>вуч-ыш</i>
3-е лицо	<i>ён нос-іць</i>	<i>вуч-ыць</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>мы нос-ім</i>	<i>вуч-ым</i>
2-е лицо	<i>вы нос-іце</i>	<i>вуч-ыце</i>
3-е лицо	<i>яны нос-яць</i>	<i>вуч-аць</i>

Инфинитив имеет окончание *-ць* после основы на гласный: *хадзіць, гаварыць*, и *-ці* после основы на согласный: *сесці, памерці, паўзці*. Имеется ряд глаголов на *-чы*: *магчы, пячы*. Действительные причастия образуются посредством суффиксов *-уч-, -юч-, -ач-, -яч-*: *пішучы, гаварачы* (наст. вр.), и *-ўш-, -ш-*: *пісаўшы, несшы* (прош. вр.). Страдательные причастия образуются посредством суффиксов *-м-*: *чытаемы, правадзімы* (наст. вр.), и *-н-, -т-*: *выкананы, заліты* (прош. вр.). Деепричастия имеются двух видов: *чытаючы, пішучы* (несоверш. вид) и *сказаўшы, прынёсшы* (соверш. вид).

§ 93. Словарный состав белорусского языка содержит определенный лексический слой, отличающийся от русского языка по образованию или значению: *дадатак* («добавление»), *творчасць* («творчество»), *радзіма* («родина»), *пытаць* («спрашивать»), *письменнік* («писатель»), *адказаць* («ответить») и др. Многие из отличающихся слов проникли в белорусский язык из польского: *цікавы* («интересный»), *менавіта* («именно»), *ўласны* («собственный»), *здарыцца* («случиться»), *кірунак* («направление») и т. п.

§ 94. Памятники письменности с чертами фонетики, ставшими позднее характерными для белорусского языка, появляются уже в XIII—XIV вв. Такова договорная грамота Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. Особенно интенсивно развивалась белорусская письменность в XVI—XVII вв. Уже в начале XVI в. были изданы переводы библии на белорусский язык, выполненные Г. Скориной. Как показывают эти переводы, такие особенности белорусского языка, как аканье, цеканье и дзеканье, отверждение мягкого *р* и др., в то время уже сложились. Кроме белорусского языка, на белорусской территории употреблялся также церковнославянский язык. Деятельность белорусского просветителя Г. Скорины и была направлена на то, чтобы распространить применение белорусского языка в церковной письменности.

Однако историческая обстановка в дальнейшем сложилась неблагоприятно для белорусской письменности и культуры. В связи с усилением польского господства и агрессивной политикой католической церкви белорусский язык вытесняется из всех областей общественной жизни: делопроизводство в судах и других учреждениях переводится на польский язык. В 1696 г. употребление белорусского языка было запрещено. Воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII в. имело огромное историческое значение, так как белорусскому народу больше не грозила опасность насильственной ассимиляции. На протяжении XIX в. делались попытки использования белорусского языка в литературе. Однако царское правительство, проводя политику подавления национальных движений, не позволяло белорусскому народу пользоваться родным языком в общественной и государственной жизни. В особенности усилилось белорусское национальное движение после революции 1905 г. Белорусский народ выдвинул в это время видных поэтов — Янку Купалу и Якуба Коласа. В своем дореволюционном творчестве они отразили мечты и чаяния белорусского народа, в том числе и стремление создать литературу на родном языке.

Октябрьская революция в России привела впервые в истории к созданию белорусской государственности. Белорусский язык получил все возможности беспрепятственного развития. Формирование белорусского национального языка, опирающееся на предшествующую вековую традицию, происходило на основе центрального белорусского диалекта (района вокруг Минска, который является экономическим и культурным центром нации). Белорусский литературный язык под благотворным влиянием русского языка пополнил свой словарный состав и получил дальнейшее развитие в произведениях современных писателей.

§ 95. Территория белорусского языка подразделяется на два наречия: юго-западное и северо-восточное. Примерная граница между ними идет по линии Вильнюс — Минск — Рогачев — Гомель. Принципом деления служит характер аканья и некоторые другие фонетические особенности. Юго-западное наречие характеризуется прежде всего недиссимилятивным аканьем и яканьем, т. е. гласные *o*, *e*, а также *'a* в первом предударном слоге произносятся всегда как *a('a)*, независимо от характера ударяемого гласного: *вада* и *вады*, *нага* и *нагі*. Кроме того, в этом наречии произошло отверждение мягкого *p*; утрачено окончание *-ц* в 3-м лице единственного числа глаголов первого спряжения: *ідзе*, *нясе*, *бярэ*; *ы* после губных согласных перешло в *у*: *спутаць* вм. *спытаць*; в функции сказуемого употребляются только местоименные прилагательные: *ён добры*. Северо-восточное наречие характеризуется диссимилятивным аканьем и яканьем, т. е. гласные *o* и *e* произносятся в первом предударном слоге как *a('a)*, если под ударением находится не гласный *a*, и как *ы* или

i, если под ударением находится *a*: *нагі, вады, зямлі, но ныга, выда, зімля*. Кроме того, здесь сохраняется мягкое *p*, в 3-м лице единственного числа глагола представлено окончание *-ць*: *ідзець, нясець, бярэць*, в функции сказуемого возможны именные прилагательные: *ён добр* и т. д. Следует отметить, что на границе с украинским языком существует широкая полоса переходных украинско-белорусских говоров.

Тексты

Янка Купала

ПЕРЕД БУРАЙ

Што бачу? — ўсё ціха, ўсё спіць пад няславай...
Ці-ж праўда? — няўжо гэта вораг асіліў?
Няўжо ўсе байцы за народную справу
Тыранам зможаны, леглі ў магіле?

Няўжо ўвесь народ упаў гэтак нікчэмна
І даўся без голасу дэспату ў рукі?
Няўжо дух свабоды, дух сілы мяцежнай
Замёр і не ўскрэсіш ніякай прынукай?

Ці-ж мала няшчасцяў, ці-ж мала слёз мора?
Ці-ж мала кайданаў, мучэнняў не ў меру?
О, не! Штосьці сэрца іначай гавора,—
Я гэтакі цішы не веру, не веру!

Так толькі бывае прад летнюю бурай
І птушка замрэ, й пагляд сонца нясмелы,
На небе ж збіраюцца хмура за хмурай,
І гром заграхоца, і дрогне свет цэлы!

1907

(Янка Купала. Вершы. Т. I.
Мінск, 1951, с. 176)

Якуб Колас

ДРЫГВА

(отрывок)

Па-над Прыпяццю між лясоў, пяскоў і балот туліцца невялічкая вёсачка, хат можа трыццаць ці сорок. І хаты няроўныя тут, як і людзі: адна большая, другая меншая, старэйшая

ці навейшая. Але хата дзеда Талаша ўсё ж такі зварачае на сябе ўвагу. Не так знадворным, выглядам, як адзіноцтвам; стаіць яна на водшыбе і ў бліжнім суседстве з хмызняком ускрай балота. Побач з хатай, прыкрываючы яе ад летняга сонца, красуецца высокая разложыстая груша. Вясною, усыпанная белымі цветамі, як маладая дзяўчына, яна проста аздабляе дзедаў двор, і не толькі дзед Талаш, а і бусел з гнязда, змайстраванага на дзедавай клуні, залюбуецца ёю.

(Якуб Колас. Дрыгва.
Мінск, 1959, с. 3)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

- Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970.
Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. 1—2. Мінск, 1967—1968.
Гурскі М. І., Булахаў М. Г., Марчанка М. Ц. Беларуская мова. Ч. 1. Лексікалогія, фанетыка і марфалогія. Ч. 2. Сінтаксіс. Мінск, 1968.
Гурскі М. І. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. Фанетыка і марфалогія. Изд. 2-е. Мінск, 1972.
Карскі Е. Ф. Беларусы. Вып. 1. Мінск, 1955; вып. 2—3, 1956.
Кривіцкі А. А. Беларускі язык для небелорусов. Минск, 1973.
Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956.
Янкоўскі Ф. М. Беларускае літаратурнае вымаўленне. Изд. 3-е. Минск, 1970.

II

- Беларуска-рускі слоўнік. Мінск, 1962.
Русско-белорусский словарь. М., 1954.
Арфаграфічны слоўнік. Изд. 2-е. Мінск, 1972.
Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. I—V. Мінск, 1977—1983.

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 96. Западнославянские языки характеризуются следующими особенностями, свойственными в с е й группе:

1. Постоянное ударение. Во всех западнославянских языках представлено постоянное ударение, т. е. ударение падает всегда на один и тот же слог слова: в польском языке — на предпоследний слог, в чешском, словацком и серболужицких — на начальный слог. В польском языке происходит перемещение места ударения в различных формах одного слова в том случае, если изменяется число слогов в слове; ср. им. пад. *Micki[́]ewicz* (ударение на слоге *-kie-*), но род. пад. *Micki[́]ewicza* (ударение на слоге *-wi-*); *dziesięć* (ударение на первом слоге), но *dziesiąty* (ударение на срединном слоге). В других западнославянских языках (кроме кашубского диалекта, в котором ударение разноместное) ударение всегда падает на первый слог независимо от числа слогов в слове, ср. чеш. *mláďy, mláďší, nějmláďší* (ударение на слогах *m^la-, nej-*). В восточнославянских и южнославянских языках ударение свободное и разноместное; ср. рус. *голова́*, но *го́лову, го́ловка*.

2. Произношение *kv, gv* перед заменами *ě* (из *oi*): польск. *kwiat, gwiazda*, чеш. *květ, hvězda*, словацк. *kvet, hviezda*, в.-луж. *kwět, hwězda*, н.-луж. *kwět, gwězda*.

3. Изменение сочетаний *tj, dj* в *s, dz (z)*: польск. *świeca, miedza, wracać, sadzać*, чеш. *svíce, meze, vraceti, sázeti*, словацк. *svieca, medza, vracat', sádzat*, в.-луж. *swěca, mjaza, wraca, sadžeć*, н.-луж. *swěca, mjaza, wracać, sajžaś*.

4. Произношение *š* (результат второй палатализации) в соответствии с *s* в других группах предл. п. ед. ч.: польск. *musze, wszak, wszystkim*, чеш. *mouše, však, všecek*, словацк. *však, vsetok* (совр. *tiche*), в.-луж. *muše, wšako, wšón*, н.-луж. *muše, wšako, wšen*; ср. рус. *весь, вся, всякий*.

5. Произношение сочетаний *tl, dl*: польск. *radło, mydło, płótt, plotnia, wiodł*; чеш. *rádlo, mýdlo, pletl, pletla, vedl, vedla*; словацк. *radlo, mydlo, plietol, plietla, viedol, viedla*; в.-луж. *radło, mydło, plett, pletta, wjedł, wjedta*; н.-луж. *radło, mydło, plett, pletta, wjadł, wjadta*.

6. Утрата вторичного *l* в неначальном слогe при губных согласных (при сохранении группы *bl*, *ml* и т. д. в начале слова): польск. *ziemia*, *grabie*, *kipie*, *gubie*, *kipiony*, *zgubiony*; чеш. *země*, *hrabě*, *kipeny*, *zhubeny*; словацк. *kipeny*, *zhubeny*; в.-луж. *zemja*, *hrabje*, *kurju*, *hubju*; н.-луж. *zemja*, *grabje*, *kurju*, *gubju*.

7. Образование форм родительного и дательного падежей единственного числа в местоименном склонении на *-ego*, *-emu*: польск. *dobrego*, *dobremu*; чеш. *dobrého*, *dobrému*; словацк. *dobreho*, *dobrému*; в.-луж. *dobreho*, *dobremu*; н.-луж. *dobrego*, *dobremu*; ср. рус. *добрoго (доброво) доброму*; серб. *доброга, доброму*.

8. Употребление союза *aby* в придаточных предложениях цели: польск. *aby* (*-m*, *-s*); чеш. *aby* (*-ch*, *-s*); словацк. *aby*; в.-луж. *aby*; н.-луж. *aby*; ср. рус. *чтобы*; серб. *да*.

§ 97. Важнейшие отличия западнославянских языков восходят к VI—IX вв. Языковое единство у западных славян менее очевидно, чем у славян восточных. В период распада праславянского единства и переселения племен западнославянские диалекты сгруппировались в четырех областях: 1) чехо-словацкой; 2) польско-кашубской; 3) сербо-лужицкой и 4) полабской (позднее ассимилированной немецким языком и погибшей). Кашубский язык стал диалектом польского языка на глазах истории, принадлежа первоначально к полабской области. Из литературных западнославянских языков наибольшим авторитетом пользовался древнечешский, который в XIV—XVI вв. оказал существенное лексическое влияние на польский язык, а в более позднее время продолжал служить языковой моделью при создании серболужицких и словацкого литературных языков. Важную роль в истории западнославянских языков сыграли немецкий и латинский языки. Немецкое влияние проявляется главным образом в области лексики и фразеологии, причем в ряде случаев исходным был латинский язык, оказавший воздействие как на немецкий, так и на славянские языки. В словарной области на словацкий язык имел влияние венгерский язык.

Польский язык

§ 98. Поляки пользуются латинской графикой. Для передачи некоторых звуков используются диакритические знаки при латинских буквах и сочетания букв. Эти нововведения следующие: *cz* = *ч*; *sz* = *ш*; *ź* = *ж*; для передачи звука [ж] (после глухих согласных [ш]), возникшего из мягкого *r'*, используется сочетание *rz*: *morze* («море») (произн. [moʒe]), *przedmiot* («предмет») (произн. [pʂedm'ot]), в других случаях *rz* произносится как [рз]: *marznąć* («мерзнуть»); *szcz* = *шч*; *ł* передает твердое

л. Носовой гласный *o* передается посредством буквы *o*, буква *e* передает носовой гласный *e*. Мягкость согласных передается двояким способом: 1) в конце слова и перед согласными надстрочным знаком *´* над соответствующей буквой: *koń*, *gość* («гость»), *ślub* («брак»); 2) перед гласными посредством буквы *i*, которая в этом случае не произносится: *biedny*, *biały*, *sierp*, *dzień*; перед гласным *i* особого знака для передачи мягкости согласного не употребляется: *bić*, *niski* («низкий»). Буква *o* (*o* *rochylone*) передает гласный *u*, возникший из прежнего *ō*: *bob*, род. пад. ед. ч. *bobu*, *dwór*, род. пад. ед. ч. *dworu*. В основе правописания лежит морфологический принцип, осложненный историческими написаниями.

§ 99. В литературном языке имеется восемь гласных звуков: *a* (*barwa* — «краска», «цвет»), *e* (*cena*), *i* (*piwo*), *y* (*myś*), *o* (*głowa*), *u* (*pusty*, *Kraków*), два носовых — *e* (*mięso*) и *a* (*wiązać* — «вязать»). Гласные *a*, *e*, *i*, *o*, *u* произносятся как русские *a*, *э*, *и*, *о*, *у*; гласный *y* (наше *ы*) произносится как звук, средний между *e* и *i*. Носовые гласные не всегда произносятся одинаково, в некоторых положениях носовой призвук утрачивается; в конце слова *e* теряет назализацию, и, например, винительный падеж единственного числа *wode* произносится как *wódэ*; в заимствованных словах могут появляться носовые *a*, *i*, *u*: *awans* (произн. [awąs]), *inspektor* (произн. [iʂpektor]).

§ 100. Польский и русский языки различают твердые и мягкие согласные, но отношения между этими согласными в этих языках неодинаковы. В польском многие мягкие согласные изменяются в другие звуки (так называемая «переходная мягкость»). Так, на месте мягкого *t* находим *ć* = *ч*: *pisac*; на месте мягкого *d-dź*: *dzień*; на месте мягкого *r-rz*: *rzeka*; мягкие *s* и *z* (т. е. *ś* и *ź*) характеризуются шепелявым произношением; согласный *cz* = *ч* произносится твердо, как *тш*, в отличие от русского мягкого *ч*.

Ударение в большинстве случаев падает на предпоследний слог, вследствие чего часто наблюдается перемещение ударения в различных формах одного слова. Исключения редки: *Rzeczpospolita* (ударение на третьем от конца слоге *-po-*), *gramatyka* (на слоге *-ma-*), *ogółem* (на начальном *o-*) и т. п.

§ 101. Польский язык имеет три грамматических рода (мужской, женский и средний), два числа (единственное и множественное). В прошлом было известно еще двойственное число, остатками которого являются современные формы *oszy*, *uszy*, *reśe*, *dwiescie* («двести»). В единственном числе, кроме известных русскому языку падежей, употребляется для существительных мужского и женского рода особая звательная форма: *synu!* *kraju!* *las* — *lesie!* *panie!* *matko!* *ziemio!* *poeto!*

Представлено четыре типа склонения существительных. К первому склонению относятся все существительные мужского рода, кроме слов типа *poeta: syn, dwór, ząb, kraj, koń*; ко второму склонению — все существительные среднего рода: *pióro, morze, imię — imienia, zwierzę — zwierzęcia*; к третьему склонению — существительные женского рода на *-a* и слова мужского рода типа *poeta: roślina* («растение»), *ziemia, wieża* («башня»), *gospodyni* («хозяйка»), *cieśla* («плотник»); к четвертому склонению принадлежат существительные женского рода на мягкий согласный без окончания в именительном падеже единственного числа: *kość, rzecz* («вещь»), *noc, podróż* («путешествие»). В дательном-местном падеже единственного числа имена существительные третьего склонения с основой на задненёбные изменяют последние в соответствии со второй палатализацией: *k — c, g — dz, ch — ś: matka — matce, droga — drodze, mucha — musze*.

Категория одушевленности в единственном числе выражается посредством формы родительного-винительного падежа у имен мужского рода. Во множественном числе категория одушевленности выступает в суженном виде — только для имен лиц мужского пола. Вследствие этого она носит название категории личности. Формы выражения ее представлены в именительном и винительном падежах множественного числа.

В именительном падеже множественного числа личные имена получают окончания *-i* или *-owie*; перед *-i* происходит смягчение согласных: *r — rz, t — ć, d — dz, k — c, g — dz, ch — ś* (после отвердевших *rz, c, dz < g* пишется *y*): *Węgier — Węgrzy, wójt* («староста») — *wojci, Szwed — Szwedzi, Polak — Polacy, robotnik* («рабочий») — *robotnicy, pedagog — pedagogowie*), *Czech — Czesi*. Многие личные существительные, обозначающие степень родства, профессию, национальность, общественное положение или звание, принимают в этом падеже окончание *-owie*: *syn — synowie, mąż — mężowie, ojciec* («отец») — *ojcowie, pan — panowie, Norweg* («норвежец») — *Norwegowie*. Немногие имена лиц получают собирательное окончание *-a*: *brat — bracia, ksiądz* («священник») — *księża*. Названия животных и неодушевленных предметов получают окончание *-y* (после *k, g — i*) и *-e* (в мягкой разновидности): *orzeł — орły, pies* («собака») — *psy, dwór — dwóry, wilk — wilki, ptak* («птица») — *ptaki; koń — konie, pokój* («комната») — *pokoje*. Если окончание *-y* применяется к личным именам, то образованные таким образом формы выражают пренебрежительно-презрительное отношение к лицу, ср.: *chłop — chłopie* («крестьяне»), но *chłopy* («мужицье»), *persy* (вм. *persowie*), *Polaki* (вм. *Polacy*) в речи шовинистов: *widzę jak nasze eleganty* (вм. *elegancci*) *cisną się około dam; około nich na drzewach, gniezdzi się rys bystry i żarloczny rosomak, jak szujne ministry* (вм. *ministrzy*) (М и ц к е в и ч. «Пан Тадеуш»). В некоторых случаях

старые формы именительного-винительного падежа множественного числа на *-u* используются для создания архаико-торжественного стиля; ср. *dziad — dziady* («предки») при обычном *dziadowie* («старики, нищие»). В винительном падеже множественного числа личные имена получают окончание, сходное с окончанием родительного падежа: *chłorów, synów, lekarzy*; для всех прочих имен употребляется форма, совпадающая с именительным падежом: *widzę ptaki, mam konie*. Личные и неличные формы различаются также в прилагательных, числительных, местоимениях и некоторых глагольных формах.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Первое склонение

Единственное число

И	<i>chłop</i>	<i>dwór</i>	<i>kraj</i>
Р	<i>chłop-a</i>	<i>dwór-u</i>	<i>kraj-u</i>
Д	<i>chłop-u</i>	<i>dwór-ówi</i>	<i>kraj-ówi</i>
В	<i>chłop-a</i>	<i>dwór</i>	<i>kraj</i>
Т	<i>chłop-em</i>	<i>dwór-em</i>	<i>kraj-em</i>
П	<i>chłop-ie</i>	<i>dworz-e</i>	<i>kraj-u</i>
Зв	<i>chłop-ie'</i>	<i>dworz-e'</i>	<i>kraj-u'</i>

Множественное число

И	<i>chłop-i</i>	<i>dwór-y</i>	<i>kraj-e</i>
Р	<i>chłop-ów</i>	<i>dwór-ów</i>	<i>kraj-ów</i>
Д	<i>chłop-om</i>	<i>dwór-om</i>	<i>kraj-om</i>
В	<i>chłop-ów</i>	<i>dwór-y</i>	<i>kraj-e</i>
Т	<i>chłop-ami</i>	<i>dwór-ami</i>	<i>kraj-ami</i>
П	<i>chłop-ach</i>	<i>dwór-ach</i>	<i>kraj-ach</i>

Второе склонение

Единственное число

И	<i>piór-o</i>	<i>morz-e</i>	<i>imię</i>	<i>zwierzę</i>
Р	<i>piór-a</i>	<i>morz-a</i>	<i>imięni-a</i>	<i>zwierzęci-a</i>
Д	<i>piór-u</i>	<i>morz-u</i>	<i>imięni-u</i>	<i>zwierzęci-u</i>
В	<i>piór-o</i>	<i>morz-e</i>	<i>imię</i>	<i>zwierzę</i>
Т	<i>piór-em</i>	<i>morz-em</i>	<i>imięni-em</i>	<i>zwierzęci-em</i>
П	<i>piorz-e</i>	<i>morz-u</i>	<i>imięni-u</i>	<i>zwierzęci-u</i>

Множественное число

И.	<i>piór-a</i>	<i>morz-a</i>	<i>imion-a</i>	<i>zwierzęt-a</i>
Р.	<i>piór</i>	<i>mórz</i>	<i>imion</i>	<i>zwierząt</i>
Д.	<i>piór-om</i>	<i>morz-om</i>	<i>imion-om</i>	<i>zwierzęt-om</i>
В.	<i>piór-a</i>	<i>morz-a</i>	<i>imion-a</i>	<i>zwierzęt-a</i>
Т.	<i>piór-ami</i>	<i>morz-ami</i>	<i>imion-ami</i>	<i>zwierzęt-ami</i>
П.	<i>piór-ach</i>	<i>morz-ach</i>	<i>imion-ach</i>	<i>zwierzęt-ach</i>

Третье склонение

Единственное число

И.	<i>roślin-a</i>	<i>ziemi-a</i>	<i>dusz-a</i>
Р.	<i>roślin-y</i>	<i>ziemi-i</i>	<i>dusz-y</i>
Д.	<i>roślini-e</i>	<i>ziem-i</i>	<i>dusz-y</i>
В.	<i>roślin-ę</i>	<i>ziemi-ę</i>	<i>dusz-ę</i>
Т.	<i>roślin-ą</i>	<i>zuemi-ą</i>	<i>dusz-ą</i>
П.	<i>roślini-e</i>	<i>ziem-i</i>	<i>dusz-y</i>
Зв.	<i>roślin-o!</i>	<i>ziemi-o!</i>	<i>dusz-o!</i>

Множественное число

И.	<i>roślin-y</i>	<i>ziemi-e</i>	<i>dusz-e</i>
Р.	<i>roślin</i>	<i>ziem</i>	<i>dusz</i>
Д.	<i>roślin-om</i>	<i>ziemi-om</i>	<i>dusz-om</i>
В.	<i>roślin-y</i>	<i>ziemi-e</i>	<i>dusz-e</i>
Т.	<i>roślin-ami</i>	<i>ziemi-ami</i>	<i>dusz-ami</i>
П.	<i>roślin-ach</i>	<i>ziemi-ach</i>	<i>dusz-ach</i>

Четвертое склонение

Единственное число

И.	<i>kość</i>	<i>rzecz</i>	<i>noc</i>
Р.	<i>kość-i</i>	<i>rzecz-y</i>	<i>noc-y</i>
Д.	<i>kość-i</i>	<i>rzecz-y</i>	<i>noc-y</i>
В.	<i>kość</i>	<i>rzecz</i>	<i>noc</i>
Т.	<i>kości-ą</i>	<i>rzecz-ą</i>	<i>noc-ą</i>
П.	<i>kości-i</i>	<i>rzecz-y</i>	<i>noc-y</i>
Зв.	<i>kości-i!</i>	<i>rzecz-y!</i>	<i>noc-y!</i>

Множественное число

И.	<i>kości-i</i>	<i>rzecz-y</i>	<i>noc-y</i>
Р.	<i>kości-i</i>	<i>rzecz-y</i>	<i>noc-y</i>
Д.	<i>kości-om</i>	<i>rzecz-om</i>	<i>noc-om</i>
В.	<i>kości-i</i>	<i>rzecz-y</i>	<i>noc-y</i>
Т.	<i>kości-mi</i>	<i>rzecz-ami</i>	<i>noc-ami</i>
П.	<i>kości-ach</i>	<i>rzecz-ach</i>	<i>noc-ach</i>

§ 102. Прилагательные твердой и мягкой разновидности склоняются одинаково. Личные формы именительного падежа множественного числа оканчиваются на *-i*, *-y*: *mosni*, *wielcy*, неличные на *-e*: *mosne*, *wielkie*; именная форма сохранилась у немногих прилагательных в предикативном употреблении: *jestem gotow*. Сравнительная степень образуется путем прибавления к основе суффиксов *-szy* и *-ejszy*: *starszy*, *cieplejszy*. Превосходная степень образуется из сравнительной путем присоединения к ней приставки *naj-*: *najbielszy*, *najmocniejszy*

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И	<i>мосп-у</i>	<i>мосп-е</i>	<i>мосп-а</i>
Р	<i>мосп-его</i>	<i>мосп-его</i>	<i>мосп-ей</i>
Д	<i>мосп-ети</i>	<i>мосп-ети</i>	<i>мосп-ей</i>
В	Как им или вин пад	<i>мосп-е</i>	<i>мосп-а</i>
Т	<i>мосп-ут</i>	<i>мосп-ут</i>	<i>мосп-а</i>
П	<i>мосп-ут</i>	<i>мосп-ут</i>	<i>мосп-ей</i>

Множественное число

Падеж	Личные формы	Неличные формы
И	<i>мосп-и</i>	<i>мосп-е</i>
Р	<i>мосп-уш</i>	
Д	<i>мосп-ут</i>	
В	<i>мосп-уш</i>	<i>мосп-е</i>
Т	<i>мосп-ути</i>	
П	<i>мосп-уш</i>	

Следует обратить внимание на употребление кратких безударных местоимений, которых в русском языке нет: дат. п. *mi* (полная форма *mnie*), *ci* (*tobie*), *mu* (*jemu*), вин. п. *mię* (*mnie*), *się* (*ciebie*), *go* (*jego*), ср. *powiem ci* («скажу тебе»), но *tobie powiem*, *nie jemu* («скажу тебе, а не ему»). Возвратное местоимение *się* пишется отдельно от глагола: *zasmiał się na cały głos* («он рассмеялся во весь голос»).

В числительных, как и в местоимениях, находим личные и неличные формы *dwaj*, *trzej*, но *dwie*, *trzy*.

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение

Единственное число

Падеж	1-е лицо личного местоимения	2-е лицо личного местоимения	Возвратное местоимение
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>ja</i> <i>mnie</i> <i>mnie, mi</i> <i>mnie, mię</i> <i>mną</i> <i>mnie</i>	<i>ty</i> <i>ciebie</i> <i>tobie, ci</i> <i>ciebie, cię</i> <i>tobą</i> <i>tobie</i>	— <i>siebie</i> <i>sobie</i> <i>siebie, się</i> <i>sobą</i> <i>sobie</i>

Множественное число

Падеж	1-е лицо личного местоимения	2-е лицо личного местоимения	Падеж	1-е лицо личного местоимения	2-е лицо личного местоимения
И. Р. Д.	<i>my</i> <i>nas</i> <i>nam</i>	<i>wy</i> <i>was</i> <i>wam</i>	В. Т. П.	<i>nas</i> <i>nami</i> <i>nas</i>	<i>was</i> <i>wami</i> <i>was</i>

Личное местоимение 3-го лица ОН

Единственное число

Падеж	Муж р.	Ср р.	Жен р.
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>on</i> <i>jego (niego), go</i> <i>jemu (niemu), mu</i> <i>jego (niego), go</i> <i>nim</i> <i>nim</i>	<i>ono</i> <i>jego, go</i> <i>jemu, mu</i> <i>je</i> <i>nim</i> <i>nim</i>	<i>ona</i> <i>jej (niej)</i> <i>jej (niej)</i> <i>ją (nią)</i> <i>nią</i> <i>niej</i>

Множественное число

Падеж	Личные формы	Неличные формы
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>oni</i> <i>ich (nich)</i> <i>im (nim)</i> <i>ich (nich)</i> <i>nimi</i> <i>nich</i>	<i>one</i> <i>je (nie)</i>

Притяжательное местоимение МОЙ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>мой</i> <i>mojego, mego</i> <i>mojemu, temu</i> Как им или род пад <i>moim, tym</i> <i>moim, tym</i>	<i>моје, те</i> <i>mojego, mego</i> <i>mojemu, temu</i> <i>моје, те</i> <i>moim, tym</i> <i>moim, tym</i>	<i>моја, та</i> <i>mojej, mej</i> <i>мојеј, теј</i> <i>мојџ, тџ</i> <i>мојџ, тџ</i> <i>мојеј, теј</i>

Множественное число

Падеж	Личные формы	Неличные формы
И Р Д В Т П	<i>мои</i> <i>moich, mych</i> <i>moim, tym</i> <i>moich, mych</i>	<i>моје, те</i> <i>моје, те</i> <i>моите, туди</i> <i>moich, mych</i>

Указательное местоимение ТОТ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>tamten</i> <i>tamtego</i> <i>tamtemu</i> Как им или род пад <i>tamtym</i> <i>tamtym</i>	<i>tamto</i> <i>tamtego</i> <i>tamtemu</i> <i>tamto</i> <i>tamtym</i> <i>tamtym</i>	<i>tamta</i> <i>tamtej</i> <i>tamtej</i> <i>tamtǝ</i> <i>tamtǝ</i> <i>tamtej</i>

Множественное число

Падеж	Личные формы	Неличные формы
И Р Д В Т П	<i>tamci</i> <i>tamtych</i> <i>tamtym</i> <i>tamtuch</i>	<i>tamte</i> <i>tamte</i> <i>tamtymi</i> <i>tamtych</i>

Указательное местоимение *этот* склоняется точно так же, но с опущением начального элемента *tam-*: *ten, tego, temu* и т. п.

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И.	<i>kto</i>	<i>co</i>	В	<i>kogo</i>	<i>co</i>
Р.	<i>kogo</i>	<i>czego</i>	Г	<i>kim</i>	<i>czym</i>
Д.	<i>komu</i>	<i>czemu</i>	И.	<i>kim</i>	<i>czym</i>

§ 103. В глаголе представлено два спряжения. К первому спряжению относятся все глаголы, оканчивающиеся в 1-м лице единственного числа настоящего времени на *-ę*: *piszę* («я пишу»), *niosę* («я несу»), ко второму спряжению — на *-m*: *czytam* («я читаю»), *umiem* («я умею»). Окончанием 1-го лица множественного числа настоящего времени служит *-my*: *niesiemy*, *będziemy*. В 3-м лице единственного и множественного числа отсутствует окончание *-t*. Простое будущее время образуется аналогично русскому: *napiszę* («я напишу»). Сложное будущее образуется не только с помощью неопределенной формы глагола: *będę czytać* («буду читать»), но и посредством причастия на *-t*: *będę czytając*. Обе формы будущего времени равнозначны.

ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ ПЕРВОГО СПРЯЖЕНИЯ

Единственное число

1-е лицо	<i>nios-ę</i>	<i>pisz-ę</i>	<i>nosz-ę</i>
2-е лицо	<i>niesi-esz</i>	<i>pisz-esz</i>	<i>nos-isz</i>
3-е лицо	<i>niesi-e</i>	<i>pisz-e</i>	<i>nos-i</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>niesi-emy</i>	<i>pisz-emy</i>	<i>nos-imy</i>
2-е лицо	<i>niesi-ecie</i>	<i>pisz-ecie</i>	<i>nos-icie</i>
3-е лицо	<i>nios-q</i>	<i>pisz-q</i>	<i>nosz-q</i>

ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ ВТОРОГО СПРЯЖЕНИЯ

Единственное число

1-е лицо	<i>czyt-am</i>	<i>umi-em</i>
2-е лицо	<i>czut-asz</i>	<i>umi-esz</i>
3-е лицо	<i>czyt-a</i>	<i>umi-e</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>czyt-amu</i>	<i>umi-emy</i>
2-е лицо	<i>czyt-acie</i>	<i>umi-ecie</i>
3-е лицо	<i>czyt-ają</i>	<i>umi-eją</i>

В прошедшем времени употребляются формы перфекта: *czyta-łem* («я читал»), *czytałam* («я читала»), и давнопрошедшего времени: *czytałem był* («я прежде читал»); формы последнего постепенно выходят из употребления. Формы перфекта, состоящие из причастия прошедшего времени на *-ł* и окончаний *-em, -m, -eś, -ś*: *byłem, byłeś, byłam, byłaś* (жен. р.), возникли в результате соединения причастия с формой вспомогательного глагола: ср. чеш. *byl jsem, byl jsi* и т. д. Личная форма: *mężczyźni pracowali*, неличная: *kobiety pracowały psy czekały, domy stały*.

В условном наклонении частица *by* употребляется только в 3-м лице единственного и множественного числа: *szyczałby* («он читал бы»). В других лицах находим *był, byłś* (ед. ч.); *byśmy, byście* (мн. ч.). Инфинитив оканчивается на *-ć* и у немногих глаголов на *-c*: *czytać, rzec* («сказать»), *moc* («мочь»), *strzec* («стеречь»), *biec* («бежать»).

Формы причастия настоящего времени действительного залога: *piszący, czytający*, причастия прошедшего времени: *przeczytawszy, napisawszy* (редко), *pisany, szyczany*.

К синтаксическим особенностям польского языка относятся следующие: определение часто ставится после определяемого слова (*gramatyka języka polskiego*), сохраняется вспомогательный глагол в составном сказуемом (*morze jest bardzo piękne* — «море очень красиво»), творительный предикативный падеж употребляется не только в прошедшем, но и в настоящем времени (*on jest lekarzem* — «он врач»).

§ 104. До образования феодального государства на территории Польши жили польские племена, говорившие на племенных диалектах. Образование польского государства в X в. не привело сразу к появлению польского литературного языка, так как первоначально его функцию выполнял латинский язык, который до сих пор является языком богослужения. Древние латинские памятники, написанные в Польше или для Польши, содержат тем не менее богатейший материал для характеристики древнепольского языка (главным образом фонетики), потому что часто передают в латинской транскрипции собственные польские имена и местные географические названия. Особенно ценной в этом отношении является известная папская булла 1136 г. Собственно польские памятники сохранились только с начала XIV в. Древнейшие из них: Свентокжиские проповеди и Флорианская псалтырь.

К XV в. относятся такие памятники, как Библия королевы Софьи, Пулавская псалтырь, Гнезненские проповеди, статуты Вислицкий и Мазовецкий и др. К XV в. относится первый грамматический трактат (на латинском языке) о польском языке и орфографии. Он написан ректором Краковского университета Яковом Паркошем.

Несовершенство тогдашней польской орфографии, связанное с необходимостью передачи всего многообразия польских звуков, которое почти в два раза превосходило количество букв латинского алфавита, однообразие употребляемых форм и бедность словарного состава упомянутых памятников не позволяют представить всестороннюю картину польского литературного языка XIV—XV вв.

Польские книжники пользовались при переводе чешскими и латинскими оригиналами. Чешский язык с его богатой письменностью XIV—XV вв. оказал сильное влияние на польский. Были заимствованы многие чешские слова. Таковы слова с *h* вместо *g*: *hańba* («позор»), *hardy* («гордый», «дерзкий»), *hojny* («обильный»), ср. польск. *ganić*, *gardzić*; слова с сочетаниями *ra*, *la*: *Władystaw*, *władać*, *własny* («собственный»), *straż*, *utrapienie* («мучение») и др. Через чешское посредство и от немецких колонистов были восприняты латино-немецкие лексические элементы: *papież*, *klasztor* («монастырь»), *ratusz*, *gmina*, *wójt*, *bednarz*, *handel*, *kram*, *szlachta*.

По вопросу о том, где были заложены основы польского литературного языка, среди польских языковедов нет единства мнений. Одни (К. Нитш, Т. Лер-Сплавинский) полагают, что таким центром была Великопольша, центр ранней польской государственности; другие (А. Брюкнер, В. Ташицкий, Ст. Шобер) указывают на Малопольшу с центром в Кракове. Очевидно, до XV—XVI вв. можно говорить лишь об истоках формирования литературного польского языка, на который оказали влияние и великопольский, и малопольский диалекты.

§ 105. К XVI в. в фонетической системе польского языка произошли многие важные изменения:

1. Было утрачено различие долгих и кратких гласных. Произошла мена носовых: *o* находим в былом долгом слоге (вместо *o* и *e*) и *e* в кратком слоге (также вместо *o* и *e*): ср. *dąb* — *dęby*, *trząsc* — *trzęsę*, *mąka* («мукá»), *męka* («мúка»), *mięso* («мясо»), *klątwa* («клятва»). Долгое *o* изменилось в *o*.

2. Старые *ě* и *e* изменились соответственно в *a* и *o* перед переднеязычными твердыми *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *r*, *t*: *wierzyc* — *wiara*, *w mieście* — *miasto*, *w kwiecie* — *kwiat*, *bielec* — *biały*, *niesiesz* — *niosę* (*e* из *o*), *wieziesz* — *wiozę*, *żenic* — *żona*, *na szele* — *szolo*, *plęsc* — *plotę*.

3. Сочетание *-er-* (из праслав. *ř* между согласными) изменилось в *-ar-*, если за ним следовали указанные переднеязыч-

ные твердые согласные: *twierdzić* — *twardy*, *szernic* — *szarny*, *śmierć* — *martwy*.

4. Мягкие *t'*, *d'* изменились в *ć*, *dź*: *cichy*, *ciepły*, *ciężki*, *ciosać*, *ćma*, *dziwny*, *dzieci*, *dziad*.

В области морфологии — утратились формы аориста и имперфекта, вышло из употребления двойственное число, развилась новая форма перфекта и др.

§ 106. В XVI в., в период политического и экономического усиления Польши, а также подъема науки и культуры, связанного с реформационным движением и борьбой за укрепление национального самосознания, литературный язык достигает значительного расцвета. В этот период на нем создается богатая литература. Среди видных писателей находим Н. Рея (1505—1569), Яна Кохановского (1530—1584), Берната из Люблина и других. Польский язык получает доступ в государственные канцелярии. С переносом в начале XVII в. столицы в Варшаву, с усилением польской экспансии на Восток в литературный польский язык усиливается приток украинских и белорусских элементов в словаре, фонетике и морфологии. Однако литературный язык в XVII—XVIII вв. постепенно отрывается от народной основы и все более становится искусственным. Польша переживает политический, экономический и культурный упадок. Господствующая польская аристократия стремится говорить на французском языке.

Борьба за сближение литературного языка с народным начинается с конца XVIII в. Во главе этого движения стоял А. Мицкевич (1798—1855), с именем которого связан новый этап в истории развития польского национального языка. Глубокое и плодотворное влияние на литературный язык оказал в XIX—XX вв. русский литературный язык. Литературный язык развивали и обогащали такие писатели, как Г. Сенкевич, М. Конопницкая, К. Тетмайер, В. Реймонт, С. Жеромский, Э. Ожешко и др. В XIX в. значительные успехи были достигнуты в деле создания научной и общественно-политической терминологии.

В настоящее время с связи с культурной революцией, происходящей в народной Польше, литературный язык становится достоянием широких масс польских трудящихся.

§ 107. Забота о культуре польской литературной речи имеет давние традиции. Однако в послевоенные годы в Польше часто раздаются голоса о том, что язык портится, становится непонятным, в литературную норму вторгаются чужеродные элементы и т. п. При этом забывают о существенных переменах среди носителей самого литературного языка. Значительное перемещение населения с востока и центра страны на запад, обусловленное освоением освобожденных земель, рост городов, связанный с приливом крестьянского населения и более тесным

контактом между разновидностями польского языка, экономические и общественные изменения способствуют быстрому развитию польского литературного языка и расшатыванию многих традиционных норм.

Наряду со всем этим резко увеличилось число носителей литературного языка, расширился неизмеримо кругозор обычного человека, старый официальный язык приобрел налет архаичности. В этих условиях закономерно усилилась забота языковедов и других работников польской культуры о сохранении и пропаганде норм литературного языка и подъеме культуры письменной и устной речи. Внешнее выражение это нашло в оживлении теоретической и нормативной работы польских ученых. Оживился интерес широких кругов к оценке языковых фактов, особенно лексических явлений (новые элементы научной терминологии, технические термины, использование иностранных слов и их отношение к чисто польским элементам), увеличилось число писем и вопросов о языковой правильности, возросли интерес к лекциям о культуре речи, потребность в популярных изданиях и пособиях нормативного характера, шире используются радио, телевидение и печать в целях языковой терапии.

С начала нашего века вопросами культуры польского языка занимались преимущественно в двух польских лингвистических центрах — в Варшаве и в Кракове.

§ 108. В Варшаве теоретическую и нормативную работу ведут кафедра польского языка Варшавского университета, вновь созданное «Общество языковой культуры», редакции «Словаря польского языка» и ежемесячника «Poradnik językowy». Во главе всей этой работы стоял видный польский языковед проф. Витольд Дорошевский. Он является автором ряда теоретических работ в области культуры речи, в частности ему принадлежат книги: «Критерии языковой правильности» (1950), «Разговоры о языке» (т. I—IV, 1948—1954), «За культуру слова» (т. I, 3-е изд., 1970; т. II, 2-е изд., 1968), «Среди слов, выражений и мыслей. Размышления о польском языке» (1966).

К критериям языковой правильности В. Дорошевский относит следующие моменты: 1) формально-логический критерий (правильность названия обосновывается логическим истолкованием его языковой формы); 2) национальный критерий (правильно то, что является народным, самобытным, исконным); 3) эстетический критерий (особенно в языке художественной литературы, где простота и ясность характеризуют достоинства стиля); 4) географический критерий (образцовым считается язык исторического центра страны); 5) литературно-авторский критерий (образцами служит язык произведений выдающихся писателей). Далее следуют исторический, сценический, школьный, орфографический и иные критерии, не имеющие всеобщего характера. Любопытна позиция В. Дорошевского и вообще относительно культуры

речи. Он полагает, во-первых, что чудес в этой области не бывает. Нужно, чтобы все работники культуры и вообще общественность постоянно и систематически работали над подъемом культуры каждодневной речи. Языковед для успешной работы в своей области должен иметь живой контакт с простыми людьми, не только отвечать на вопросы, но и задавать последние на улице, в трамвае и т. п. Только обоюдная деятельность принесет плоды, ибо говорящие должны выработать правильные навыки в мышлении и в выражении. В связи с этими установками В. Дорошевский выступал с публичными лекциями, проводил языковые консультации по радио, многие его ученики готовят работы о нормах литературного языка, «Общество языковой культуры» расширяет сеть своих филиалов. На кафедре польского языка ведется регистрация происходящих языковых изменений, отмечаются языковые новшества и типичные ошибки, проводятся разнообразные анкеты, имеющие целью отразить колебание нормы. Практические мероприятия выражаются также в оценке публицистических выступлений и вообще языка периодической печати, телевидения, организации конкурсов «День без ошибок», проводимых газетой «Жизнь Варшавы», в работе с сотрудниками издательств, учителями, чтениях в Народном университете.

Целенаправленная работа в области культуры речи требует создания прежде всего хороших и разных словарей. Проф. Дорошевский — руководитель авторского коллектива «Словаря польского языка». Этот словарь, содержащий свыше 120 тысяч слов, был издан в 1958—1969 гг. в 11 томах, причем последний том содержит около 6 тысяч неологизмов, возникших в польском языке после второй мировой войны. Это выдающееся достижение польской лексикографии. Материал словаря фиксирует лексику польского языка примерно с 1822 г., времени издания «Баллад» А. Мицкевича. Пометы к отдельным словам носят территориальный, социальный, хронологический и экспрессивный характер. Естественно, что большой объем, полнота и методологическое совершенство словаря окажут большое влияние на культуру польского литературного языка. Уже появился «Малый словарь польского языка» (1968) в одном томе. Ст. Скорупка подготовил «Фразеологический словарь польского языка» (т. I, 1967; т. II, 1968), в котором выделяются выражения (номинативного характера), обороты (обычно глагольные) и фразы (эквиваленты предложений). Наряду с этим учитывается и семантический критерий, т. е. степень спаянности компонентов фразеологизма: устойчивые (полная лексикализация), связанные (переносное значение) и свободные (с ограничением) сочетания. Неправильные фразеологизмы специально отмечаются. Имел успех «Словарь синонимичных выражений» (2-е изд., 1958) Ст. Скорупки. Часто переиздается «Словарь иностранных слов» З. Рысевича. Вл. Копалинский издал «Словарь иноязычных выражений и оборотов» (1968). На основе картотеки польского словаря появились «Очер-

ки польской стилистики» (3-е изд., 1966) Г. Курковской и Ст. Скорупки. Коллектив авторов готовит новый «Словарь правильного польского языка», который должен заменить аналогичный словарь Ст. Шобера, отражающий норму первой половины нашего столетия (7-е издание словаря Шобера появилось в 1969 г.). Интересен «Словарь варшавского говора» Б. Вечоркевича, характеризующий особенности языка (или жаргона) школьников, журналистов, ремесленников и других профессионально-социальных групп. Завершено издание «Словаря языка А. Мицкевича».

Важную роль играет орган варшавского центра полонистов и один из старейших польских журналов «*Poradnik językowy*» (в мае 1971 г. журнал отметил 70-летие своего существования). Этот журнал имеет большие заслуги в деле популяризации языковых норм. Он публикует теоретические статьи по проблемам культуры речи, но нормативный, прикладной аспект в нем всегда занимал видное место. В числе его постоянных рубрик «Объяснение слов и выражений» (ее вел редактор журнала В. Дорошевский), «Что пишут о языке» (информация о проблемах культуры речи в научных и периодических изданиях), «Польский язык в школе» (обучение родному языку, объяснение причин школьных ошибок и их анализ). В отделе рецензий обсуждаются нормативные работы. В последние годы на страницах этого журнала обсуждались многие неологизмы, оценивались новые заимствования, проблема соотношения специальных и общеязыковых слов, давалось точное определение таких слов, как *szofer* и *kierowca* («водитель»), *liczba* и *cyfra*, *arbuz* — *kawon*, обсуждались названия женского рода в области занятий и профессий, названия некоторых народов развивающихся стран, прилагательные *dokumentalny* и *dokumentarny*, характеризовались оттенки военной терминологии и речи молодежи, возникновение названий новых товаров и изделий и т. д.

§ 109. Краков — старинный центр польского языкознания. Здесь находится один из первых в Европе Ягеллонский университет. В Кракове еще в конце XVIII в. выставил свои тезисы родоначальник польского пуризма Пшибульский. Здесь возникли издающиеся до сих пор польские языковедческие журналы «*Poradnik językowy*» и «*Język polski*». Руководители журнала «*Język polski*» сторожатся пуристских тенденций и стремятся руководствоваться объективными критериями при оценке языковых явлений, опираясь на богатый и разнообразный материал как истории языка, так и грамматики современного языка.

Наиболее ярко теоретические позиции журнала выразил его редактор, проф. Зенон Клеменевич (1891—1969), который писал: «Оценка языковой правильности не может вытекать из субъективных взглядов и индивидуального сознания языковеда, даже если последний пользуется большим авторитетом и уважением. Языковед может защищать и выражать

лишь общие убеждения, он должен находить обоснование своего взгляда в общем мнении, он должен быть представителем определенного коллектива... Нормативным фактом является *usus modernus* (современное употребление), ограниченный общественной группой, которая пользуется культурным диалектом развитой речи». «Если языковед высказывается об отступлениях от языковой правильности, то при оценке он опирается прежде всего на специальные языковедческие наблюдения. Каждое спорное явление языковой практики, в котором имеется колебание, языковед всесторонне исследует и судит о проблематике языковой правильности с исторической, географической и социальной точек зрения; он сравнивает свое суждение со взглядами предшественников и современников, короче говоря, делает все, чтобы как следует изложить спорное явление с точки зрения упомянутого *usus modernus*». В своей книжке «Беседы о языке» (1966) Клеменевич писал, что «всякая норма — это общественное осознание именно такого, а не иного поведения под угрозой ответных санкций».

Практическая деятельность журнала в области культуры польского литературного языка отражена в сборнике «Прекрасный и правильный польский язык. Языковые советы» (2-е изд., 1966), составленном Ст. Урбаньчиком из материалов журнала до 1964 г. В книге приведены статьи различных авторов, которые иногда с противоположных позиций подходят к тем или иным явлениям польского языка, давая возможность читателю самому оценить логику доказательств и прийти к правильному заключению.

Основными грамматическими пособиями в настоящее время являются: «Грамматика польского языка» Ст. Шобера (изд. 11-е, 1969), «Основы польской грамматики» В. Дорошевского (1952) и «Основные сведения из грамматики польского языка» З. Клеменевича (изд. 6-е, 1970). Орфоэпические нормы польского литературного языка содержит работа З. Клеменевича «Правила правильного польского произношения» (изд. 5-е, 1967). Нормы польской орфографии отражены в своде «Польское правописание» (1968) и «Правилах польского правописания и пунктуации с орфографическим словарем» (16-е изд., 1968) Ст. Едловского и В. Ташицкого. Они одобрены комиссией Польской академии еще в 1936 г.

Как уже отмечалось, в последние годы появилось множество пособий по культуре речи, особенно связанных с нарушением и необходимостью исправления языковой нормы.

Таким образом, в условиях быстрого развития польского литературного языка и приобщения к нему и его нормам подавляющего большинства населения страны забота о культуре его использования приобрела в Польше особое значение. Никогда прежде эта работа не была подкреплена столь совершенной лингвистической теорией, а также материальными средствами ее реализации.

§ 110. Территория распространения польского языка делится на пять диалектных групп: великопольскую, малопольскую, силезскую, мазовецкую и кашубскую. Наиболее обширные территории занимают диалекты Великой Польши, Малой Польши и Мазовшья. В диалектологической карте польского языка произошли некоторые изменения после 1945 г. в связи с установлением новых польских границ на западе по Одере и Нейсе.

Деление на диалекты основывается на двух чертах польской фонетики: 1) мазурении, 2) особенностях междусловной фонетики. Мазурение состоит в произношении согласных *c, dz, z, s* вместо *cz, dż, ż, sz* (т. е. *ц, дж, ж, ш*): *carpa, jezdze, zaba, suja* вм. *czarka, jeżdże, żaba, szuja*. Второе явление связано с озвончением конечных согласных в потоке речи перед следующими гласными или согласными *r, l, ł, m, n, ń, j*: *brat idzie*, или *brad idzie, brat robi*, или *brad robi* и т. д.

Мазурение господствует в Мазовшье, Малой Польше и северной части Силезии; мазурения нет в говорах Великой Польши, Поморья и большей части Силезии. Озвончение конечных согласных представлено в Малой Польше, Великой Польше и Силезии, озвончения нет в Мазовшье и Поморье. В немазуряющих говорах, кроме того, носовые гласные перед взрывными согласными расщепляются на группы *on, om, en, em*: *kont, dombek, gemba* вместо *kąt, dąbek, gęba*, а перед фрикативным и в конце слова сохраняются. В противоположность этому, в некоторых мазовецких, малопольских и силезских говорах носовые произносятся во всех положениях или совершенно утрачивают носовой призвук: *kąt, dąb, gęba* или *kot, dab, geba*. Помимо отмеченных черт, отдельные диалектные группы обладают рядом специфических особенностей.

§ 111. Наиболее существенные особенности характеризуют кашубский диалект, который распространен к западу от нижнего течения Вислы, в Морском и Картузском поветах, а также в Косцежинском, Хойницком и Гданьском. Число говорящих на этом диалекте доходит до 200 тыс. человек.

Некоторые ученые считают, что следует говорить о кашубском языке (кашуб Ст. Румулт, немец Фр. Лоренц), который принадлежит к западнославянским языкам; другие лингвисты (А. Ф. Гильфердинг, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Ягич, Я. Развадовский, А. М. Селищев) пишут о большей связи кашубского языка с польским; польские ученые (А. Калина, Я. Карлович и др.) рассматривают язык кашубов как диалект польского языка.

Основные особенности кашубского диалекта следующие:

1. Отличное от польского место ударения. В южной части кашубской области ударение падает на начальный слог, на севере ударение является свободным и разноместным: *ranka* (ударение на первом слог), *ranka* (на втором слог), *rankami* (на конечном слог).

2. Произношение твердых *c, dz, s* на месте польских *ć, dź, ś*: *sedzec, sało, sano, zeloni — siedzieć, siało, siano, zielony*.

3. Произношение гласных *i (y), u* как *ë*: *dim — dëmu, lud — lëdze, cëcho* (ср. польск.: *dym — dymu, lud — ludzie, cicho*).

4. Произношение в некоторых случаях группы *-ar-* на месте общепольского *-ro-*: *marz, bardawica, karwinc* наряду с *mroz, broda, krowa* (польск.: *mróz, brodawica, krowiniec, krowa*).

5. Наличие мягкой согласной перед группой *-ar-*: *m'artwi, cwiardi* (польск.: *martwy, twardy*).

6. Произношение *-âu-* вместо *-il-, -el-, -lu-* между согласными: *wâuk, pâuni, dâudzie* (польск.: *wilk, pełny, długie*).

7. Утрата носовости после мягких согласных и перед всеми согласными, кроме *d, n, s, z, r, ł*: *mitći — miękki, zebnąc — ziębnąć*.

8. Частичное сохранение различий гласных по долготе и краткости.

Ряд указанных отличий (в особенности 4, 5, 6) кашубского диалекта от польского свидетельствует о том, что в далеком прошлом кашубский диалект был близок речи славян, заселявших междуречье Одера и Эльбы, о которой мы судим по сохранившимся остаткам полабского языка.

В кашубском диалекте сохранились формы двойственного числа в имени и глаголе, именные формы прилагательных употребительны в атрибутивной и предикативной функции, перфект образуется путем сочетания причастия на *-ł* или *-n* (германизм) и вспомогательных глаголов *bас* («быть») и *m'ес* («иметь»).

Памятники письменности с элементами кашубской речи появляются с конца XVI в. В XIX—XX вв. было мало изданий на кашубском диалекте, так как отсутствовали для этого благоприятные условия (в Пруссии за кашубами не признавали никаких прав). В языке небогатой кашубской письменности нет единообразия: одни ученые (например, Цейнова) опирались на северный, другие (Дердовский и Майковский) — на южный диалект, близкий к польскому языку.

Тексты

Adam Mickiewicz

DO NIEMNA

Niemnie, domowa rzeko moja! gdzie są wody,
Które niegdyś czerpałem w niemowlęce dłonie,
Na których potem w dzikie pływałem ustronie,
Sercu niespokojnemu szukając ochłody?

Tu Laura, patrzając z chlubą na cień swej urody,
Lubiła włos zaplatać i zakwiecać skronie;

Tu obraz jej malowny w sredniej fali łonie
Lzami nieraz mąciłem zapaleniec młody.

Niemnie, domowa rzeko! gdzie są tamte zdroje,
A z nimi tyle szczęścia, nadziei tak wiele?
Kędy jest miłe latek dziecinnych wesele?

Gdzie miłsze burzliwego wieku niepokoje?
Kędy jest Laura moja? gdzie są przyjaciele?
Wszystko przeszło, a szemuż nie przejdą łzy moje?

(A d a m M i c k i e w i c z. Wybór piśm.
Sonety miłosne. M., 1953, s. 54)

L e o n K r u c z k o w s k i

SIDŁA

(отрывок)

Nie dokończył tej zbawczej myśli. Krótki brzęk dzwonka zgnął ciszę i rozprysł się w mieszkaniu.

Oczywiście, Koziakowa. Bogdalski nie spiesząc się pozbiierał resztę piany z szyi i podbródka, palcami delikatnie przesunął po twarzy, po czym złożony instrument na przygotowanym kawałku gazety powoli udał się do przedpokoju.

Otworzył. Koziakowa, z torbą ceratową pełną wiktuałów, mruknęła zwykle «dzień dobry» i prosto poszła do kuchni. Wionęła za nią woń kopru i białego sera.

Bogdalski imył się w ciasnej łazience i wrócił do lustra. Kończył wycierać się ręcznikiem. Czuł nagły przyptyw świeżości i energii jak zwykle po goleniu. Z zadowoleniem przyglądał się odbiciu gładkiej, zarumienionej ożywczo twarzy. Szybsze krążenie krwi dawało znać o sobie w całym ciele. Bezwiednie przekreślił gałkę aparatu radiowego stojącego obok toaletki, a potem sięgnął po grzebień. Z głośnika cieniutką wstążką wyfrunął unisono chórek dziewczęcych sopranów.

Posługaczka, weszła do pokoju. Bez słowa położyła na stole świąstek papieru i trochę drobnej monety.

(L e o n K r u c z k o w s k i. Sidła. Warszawa, 1948, s. 10—11)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Дворецкий И. X. Польский язык. М., 1947.

D o r o s z e w s k i W. Podstawy gramatyki polskiej. I. Warszawa, 1952.

K l e m e n s i e w i c z Z. Zarys składni polskiej. Изд. 6-е. Warszawa, 1969.

- Kl emensiewicz Z, Lehr-Splawinski T, Urbanczyk S Gramatyka historyczna języka polskiego Warszawa, 1955
- Короляк С, Василевская Д Учебник польского языка Изд 5-е Вршава, 1968
- Кротовская Я А, Гольдберг Б Н Учебник польского языка М 1970
- Лер-Сплавинский Т Польский язык Пер с польск М, 1954
- Lorentz F Słowinziŝche Grammatik СПб, 1903
- Lorentz F Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache Berlin — Leipzig, 1925
- Rospond St Gramatyka historyczna języka polskiego Warszawa, 1971
- Селищев А М Славянское языкознание I, М, 1941, с 271—416
- Stieber Z Zarys dialektologii języków zachodno słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych Изд 2-е Warszawa, 1965
- Stieber Z Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego Изд 1-е Warszawa, 1966
- Szober St Gramatyka języka polskiego Изд 11-е Warszawa, 1969
- Urbanczyk St Zarys dialektologii polskiej Изд 3-е Warszawa, 1968

II

- Bruckner A Słownik etymologiczny języka polskiego Krakow, 1927 (пересздан в 1957 г.)
- Karłowicz I, Kryński A, Niedźwiedzki Wł Słownik języka polskiego Warszawa, 1900—1927 (пересздан в 1951 г.)
- Lorentz F Słowinziŝches Worterbuch I—II 1908—1912
- Sławski F Słownik etymologiczny języka polskiego (издается с 1952 г.)
- Słownik języka polskiego I—IX Warszawa, 1958—1969

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

§ 112. В чешской графике используется латинский алфавит. Для передачи чешских звуков в латинской абецеде произведены некоторые изменения и нововведения, основанные на использовании надстрочных знаков. Так, долгота гласных обозначается значком акуга (по-чешски *čárka*): *á, é, í, ó, ú, ý*; и долгое, возникшее из *o*, обозначается как *ů*, например *ůz* («воз»); вилочка (по-чешски *háček*) ставится над согласными и *ě*: *č = ч š = ш, z = ж; ř* обозначает мягкий шипящий звук типа *рж* или *рш*, например: *řad* («ряд»), *břeh* («берег») *před* («перед»), *kovář* («кузнец»), *ň, ť, D* обозначают мягкость *n, t, d*, мягкость строчных *t, d* обозначается апострофом: *t', d'*; перед *i* мягкость *n, t, d* не обозначается, перед *e* мягкость их обозначается вилочкой над *ě*: *nětý* («немой»), *tělo, dělo*; буква *ě* пишется также после губных согласных *b, p, v, f, m*; после первых она произносится как *je*: *běhati* («бежать»), *pět* («пять»), *věk* («век»), *ořera* — («жертва»), а после *m* — как *mě*: *město* («город»)

В чешском правописании господствует морфологический принцип, однако имеется ряд исторических написаний: по традиции употребляется буква *y*, хотя различие между *i* и *y* (ср. *bil* — «бил» и *byl* — «был») давно утрачено; то же относится и к написанию *ů* наряду с *ú*; орфографической традицией объясняется и написание буквы *ě*.

§ 113. В чешском литературном языке различаются гласные долгие и краткие: первые произносятся примерно в два раза протяжнее вторых. Всего насчитывается 10 гласных фонем: *a*, *e*, *i* (графически также *y*), *u*, *o* — краткие и *á*, *é*, *í* (графически также *ý*), *ú* (также *ů*), *ó* — долгие, причем *ó* употребляется в немногих словах, так как исконное *ō* изменилось в *ú*. Долгота и краткость гласных служат для различения значения слов и их форм, например: *vada* («порок») и *váda* («ссора»), *dráha* («дорога») и *drahá* («дорогая»), *píji* («я пью») и *píjí* («они пьют»). Гласные *i* и *u* могут быть неслоговыми: первый может находиться после всех гласных и обозначается буквой *j*: *boj* («борьба»), *můj* («мой»); второй — в исконно чешских словах только после *o*, образуя дифтонг *ou*: *mouka* («мука»), *svoou rukou* («своей рукой»). В противоположность этому согласные *l*, *r* могут выступать в качестве слоговых: *vlna* («шерсть»), *prst* («палец»), *Plzeň*, *Brno* (названия городов).

§ 114. Система согласных резко отличается, например, от русского языка прежде всего соотношением по твердости и мягкости. В чешском языке лишь *n*, *t*, *d* могут быть и твердыми и мягкими, но те и другие могут находиться перед всеми гласными, в том числе и перед *e*, *i*, тогда как в русском языке согласные перед *e*, *i* всегда мягкие; ср. *den* (*d* твердое) — «день», *ten* («этот») и т. д. Согласные *j*, *č*, *ř*, *ž*, *š* всегда мягкие, все прочие согласные всегда твердые (кроме *l*, которое является средним). Звук *h* представляет собой звонкое придыхание; *g* встречается в заимствованиях или как результат ассимиляции: *guma* («резина»), *gdo* (пишется *kdo*) («кто»). Согласные в конце слова и перед глухими согласными — глухие, а перед звонкими — звонкие, но правилу об оглушении подчиняются и конечные согласные предлогов: *pod oknem* (произносится [pot oknem]) («под окном»), *v ohni* [f ohni] («в огне»). Это обусловлено влиянием безголосого гортанного взрыва (так называемый «крепкий приступ», или придыхание) перед начальными гласными; он же оглушает конечный согласный предлога. Двойные согласные обычно произносятся как один согласный: *oddech* (произносится [odech]) («отдых»).

Чешское ударение экспираторное, строго фиксированное на первом слоге, причем может падать и на слоговые *l*, *r*: *vlna* («шерсть»), *vrchní* («верхний»).

§ 115. Имена существительные принадлежат к мужскому, женскому или среднему роду, различаются формы единственного и множественного числа, насчитывается семь падежей, в том числе особая звательная форма: *druhu!* («друг!»), *ženo!* («жена!») (употребляется при обращении в единственном числе у имен мужского и женского рода). В склонении существительных различаются 4 основных типа: 1) склонение имен мужского рода без окончания в именительном падеже единственного числа и имен среднего рода на *-o*, *-e*: *dům* («дом»), *kůň* («лошадь»), *okno* («окно»), *pole* («поле»); 2) склонение имен женского рода на *-a*, *-e*: *ruka* («рука»), *práce* («работа»); 3) склонение имен женского рода без окончания в именительном падеже единственного числа с родительным падежом на *-i*: *kost* («кость»); 4) склонение имен среднего рода на *-e* с родительным падежом на *-ene*, *-ete*: *ramě* («плечо»), *tele* («теленок»). К смешанному типу склонения относятся существительные мужского рода на *-a*, *-e*: *sluha* («слуга»), *soudce* («судья»), образующие падежные формы то по первому, то по второму типу. В первых двух типах склонения важное значение имеют твердая и мягкая разновидности. К мягкой разновидности относятся существительные с основой на *j*, *ň*, *t'*, *d'*, *s*, шипящие (*č*, *ř*, *ž*, *š*) и ряд имен с основой на *l*, *s*, *z* и губные.

Почти всем гласным, выступающим в падежных окончаниях имен твердой разновидности, в мягкой соответствуют другие звуки, а именно: гласным *a*, *o* — гласный *e* (пишется *e* и *ě*), гласному *u* — *i*, гласному *y* в родительном падеже единственного числа женского рода и винительном или именительном-винительном падеже множественного числа — *e* (пишется *e* и *ě*), а в творительном падеже множественного числа — *i*, гласному *e* (*ě*) в местном падеже единственного числа мужского и среднего рода, в дательном-местном падеже единственного числа женского рода — *i*, сочетанию *ou* — *i*; например: *žena*, *okno* — *práce*, *pole* (им. пад. ед. ч.), *ženu* — *ulici* (вин. пад. ед. ч.) и т. п. Некоторые из этих соответствий имеют праславянское происхождение, но большая часть их вызвана так называемой «перегласовкой».

При склонении основа слова подвергается изменениям. Следует отметить сохранение в современном языке результатов палатализации задненёбных: у основ на *k*, *h*, *ch* эти согласные перед *e* в косвенных падежах и перед *i*, *í* изменяются в *c*, *z*, *š*: *dráha* — *na dráze* («на дороге»), *moucha* — *o mouše* («о мухе»), *v českém jazyce* («в чешском языке»), *kluk*, *hoch* — *kluci*, *hoši* («мальчики»), *soudruh* — *soudruzi* («товарищи»), *na bocích* («на боках») и т. п. Согласные *n*, *t*, *d* в этих положениях также смягчаются. Имена на *-ec* и некоторые на *h*, *ch*, *k* в звательной форме представляют изменение *c* в *č*, а задненёбных — в *ž*, *š*, *č*: *otec* — *otče!* («отец!»), *bože!* *duše!* *člověče!* («человек!»).

Категория одушевленности представлена в единственном и множественном числе только у имен мужского рода, при этом в

единственном числе указанная категория выражается не только в винительном падеже совпадением его формы с родительным, но и в родительном падеже, где одушевленные могут оканчиваться только на *-a* (неодушевленные на *-a* и *-u*), а также в дательном и местном, в которых одушевленные имена получают окончание *-ovi*, в то время как неодушевленные не могут его иметь. В именительном падеже множественного числа одушевленные имена оканчиваются на *-i* (с изменением *h, ch, k, r* в *z, š, c, ř*), *-ové* или *-é* (только у названий лиц), тогда как неодушевленные имеют окончание *-y* в твердой и *-e* (ě) в мягкой разновидности. Это различие проведено также в прилагательных и местоимениях. В винительном падеже множественного числа категория одушевленности не представлена.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Склонение существительных мужского рода

Твердая разновидность

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И.	<i>had</i>	<i>hrad</i>	<i>had-i(-ové)</i>	<i>hrad-y</i>
Р.	<i>had-a</i>	<i>hrad-u(-a)</i>	<i>had-ů</i>	<i>hrad-ů</i>
Д.	<i>had-u(-ovi)</i>	<i>hrad-u</i>	<i>had-ům</i>	<i>hrad-ům</i>
В.	<i>had-a</i>	<i>hrad</i>	<i>had-y</i>	<i>hrad-y</i>
Т.	<i>had-em</i>	<i>hrad-em</i>	<i>had-y</i>	<i>hrad-y</i>
П.	<i>had-u(-ovi)</i>	<i>hrad-u(-ě)</i>	<i>had-ech</i>	<i>hrad-ech</i>
Зв.	<i>had-e!</i>	<i>hrad-e!</i>		

Мягкая разновидность

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И.	<i>orač</i>	<i>klíč</i>	<i>orač-i(-ove)</i>	<i>klíč-e</i>
Р.	<i>orač-e</i>	<i>klíč-e</i>	<i>orač-ů</i>	<i>klíč-ů</i>
Д.	<i>orač-i(-ovi)</i>	<i>klíč-i</i>	<i>orač-ům</i>	<i>klíč-ům</i>
В.	<i>orač-e</i>	<i>klíč</i>	<i>orač-e</i>	<i>klíč-e</i>
Т.	<i>orač-em</i>	<i>klíč-em</i>	<i>orač-i</i>	<i>klíč-i</i>
П.	<i>orač-i(-ovi)</i>	<i>klíč-i</i>	<i>orač-ích</i>	<i>klíč-ích</i>
Зв.	<i>orač-i!</i>	<i>klíč-i</i>		

Склонение существительных среднего рода

Единственное число

И.	<i>měst-o</i>	<i>pol-e</i>	<i>náměst-í</i>
Р.	<i>měst-a</i>	<i>pol-e</i>	<i>náměst-í</i>
Д.	<i>měst-u</i>	<i>pol-i</i>	<i>náměst-í</i>
В.	<i>měst-o</i>	<i>pol-e</i>	<i>náměst-í</i>
Т.	<i>měst-em</i>	<i>pol-em</i>	<i>náměst-im</i>
П.	<i>měst-ě(-u/</i>	<i>pol-i</i>	<i>náměst-i</i>

Множественное число

И	<i>měst-a</i>	<i>pol e</i>	<i>naměst i</i>
Р	<i>měst</i>	<i>pol-i</i>	<i>naměst-i</i>
Д	<i>měst-ům</i>	<i>pol im</i>	<i>naměst-im</i>
В	<i>měst a</i>	<i>pol e</i>	<i>naměst i</i>
Т	<i>měst-y</i>	<i>pol-i</i>	<i>naměst-imi</i>
П	<i>měst-ech</i>	<i>pol-ich</i>	<i>naměst-ich</i>

Склонение существительных женского рода Единственное число

И	<i>žen-a</i>	<i>prac-e</i>	<i>pan-i</i>
Р	<i>žen-y</i>	<i>prac-i</i>	<i>pan-í</i>
Д	<i>žen ě</i>	<i>prac-i</i>	<i>pan i</i>
В	<i>žen-u</i>	<i>prac-i</i>	<i>pan-i</i>
Т	<i>žen-ou</i>	<i>prac-í</i>	<i>pan i</i>
П	<i>žen-ě</i>	<i>prac i</i>	<i>pan-i</i>
Зв	<i>žen o'</i>	<i>prac-e'</i>	<i>pan-i'</i>

Множественное число

И	<i>žen-y</i>	<i>prac-e</i>	<i>pan-i</i>
Р	<i>žen</i>	<i>prac-i</i>	<i>pan-i</i>
Д	<i>žen am</i>	<i>prac-im</i>	<i>pan-im</i>
В	<i>žen-y</i>	<i>prac-e</i>	<i>pan-i</i>
Т	<i>žen-ami</i>	<i>prac-emi</i>	<i>pan-imi</i>
П	<i>žen ach</i>	<i>prac-ich</i>	<i>pan-ich</i>

Склонение существительных женского рода с основой на согласный

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И	<i>straž</i>	<i>kost</i>	<i>straž-e</i>	<i>kost-i</i>
Р	<i>straž-e</i>	<i>kost-i</i>	<i>straž-i</i>	<i>kost-i</i>
Д	<i>straž-i</i>	<i>kost-i</i>	<i>straž-im</i>	<i>kost-em</i>
В	<i>straž-i</i>	<i>kost</i>	<i>straž-e</i>	<i>kost i</i>
Т	<i>straž-i</i>	<i>kost-i</i>	<i>straž-emi</i>	<i>kost-mi</i>
П	<i>straž i</i>	<i>kost-i</i>	<i>straž-ich</i>	<i>kost-ech</i>
Зв	<i>straž-i'</i>	<i>kost-i'</i>		

Склонение неравнoсложных существительных среднего рода

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И	<i>ramě</i>	<i>mladě</i>	<i>ramen-a</i>	<i>mlad'et a</i>
Р	<i>ramen-e</i>	<i>mladět-e</i>	<i>ramen</i>	<i>mlad'at</i>
Д	<i>ramen-i</i>	<i>mladět-i</i>	<i>ramen-ům</i>	<i>mlad'at ūm</i>
В	<i>ramě</i>	<i>mladě</i>	<i>ramen a</i>	<i>mlad'at-a</i>
Т	<i>ramen-em</i>	<i>mladět em</i>	<i>ramen-y</i>	<i>mlad'at-y</i>
П	<i>ramen-i</i>	<i>mladět-i</i>	<i>ramen ech</i>	<i>mlad'at-ech</i>

Смешанное склонение существительных
мужского рода

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И.	<i>starost-a</i>	<i>soudc-e</i>	<i>starost-ové</i>	<i>soudc-ové</i>
Р.	<i>starost-y</i>	<i>soudc-e</i>	<i>starost-ů</i>	<i>soudc-ů</i>
Д.	<i>starost-ovi</i>	<i>soudc-ovi(-i)</i>	<i>starost-ům</i>	<i>soudc-ům</i>
В.	<i>starost-u</i>	<i>soudc-e</i>	<i>starost-y</i>	<i>soudc-e</i>
Т.	<i>starost-ou</i>	<i>soudc-em</i>	<i>starost-y</i>	<i>soudc-i</i>
П.	<i>starost-ovi</i>	<i>soudc-ovi(-i)</i>	<i>starost-ech</i>	<i>soudc-ích</i>
Зв.	<i>starost-o!</i>	<i>soudc-e!</i>		

§ 116. Имена прилагательные подразделяются на качественные, относительные и притяжательные с суффиксами *-ův*, *-ova*, *-ovo* и *-in*, *-ina*, *-ino*: *bratrův přítel* («друг брата»), *seštin sešit* («тетрадь сестры»). Качественные прилагательные могут иметь краткие формы и образовывать степени сравнения. Полные формы относятся к твердой или мягкой разновидности в зависимости от качества конечного согласного в основе. Родовые формы прилагательного твердой разновидности в именительном падеже единственного числа следующие: *dobrý* (муж. р.), *dobrá* (жен. р.), *dobré* (ср. р.); эти формы представлены и во множественном числе: *dobří* (для одушевл. муж. р.), *dobré* (неодушевл. муж. и жен. р.), *dobrá* (ср. р.). Мягкая разновидность во всех родах и числах имеет форму на *-i*: *pěší* («пеший»). Краткие прилагательные, выступающие в составном сказуемом, сохранили именные формы: *jsem zdráv* и т. д. Сравнительная степень образуется путем присоединения суффиксов *-ejší* (*-ější*), *-ší*, *-í* к основе: *bílý* («белый») — *bělejší*, *chudý* («бедный») — *chudší*, *tenký* («тонкий») — *tenčí*. Превосходная степень образуется от сравнительной посредством префикса *nej-*: *nejbělejší*.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
Твердая разновидность
Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И.	<i>dobr-ý</i>	<i>dobr-ě</i>	<i>dobr-á</i>
Р.	<i>dobr-ěho</i>	<i>dobr-ěho</i>	<i>dobr-ě</i>
Д.	<i>dobr-ěmu</i>	<i>dobr-ěmu</i>	<i>dobr-ě</i>
В.	Как им. или род. пад.	<i>dobr-ě</i>	<i>dobr-ou</i>
Т.	<i>dobr-ým</i>	<i>dobr-ým</i>	<i>dobr-ou</i>
П.	<i>dobr-ěm</i>	<i>dobr-ěm</i>	<i>dobr-ě</i>

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>dobr-i</i> (одушевл) <i>dobr-e</i> (неодушевл)	<i>dobr-a</i> <i>dobr-ych</i> <i>dobr-ym</i> <i>dobr-a</i> <i>dobr-ymu</i> <i>dobr-ych</i>	<i>dobr-e</i> <i>dobr-e</i>
----------------------------	--	---	------------------------------------

Мягкая разновидность Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>řeš-i</i> <i>řeš-iho</i> <i>řeš-imi</i> Как им или род пад <i>řeš-im</i> <i>řeš im</i>	<i>řeš-i</i> <i>řeš-iho</i> <i>řeš-imi</i> <i>řeš-i</i> <i>řeš-im</i> <i>řeš-im</i>	<i>řeš-i</i> <i>řeš-i</i> <i>řeš-i</i> <i>řeš-i</i> <i>řeš-i</i> <i>řeš-i</i>

Множественное число

И Р Д	<i>řeš-i</i> <i>řeš-ich</i> <i>řeš-im</i>	В Т П	<i>řeš-i</i> <i>řeš-imi</i> <i>řeš-ich</i>
-------------	---	-------------	--

§ 117. В местоимениях следует отметить наличие наряду с полными формами кратких (энклитических) местоимений, употребляющихся при отсутствии на них логического ударения. Краткие формы: *mě, tě, ho* — для винительного падежа, *mi, ti, si, mu* — для дательного падежа; ср. *mně to dal, ne tobě* — «он мне это дал, не тебе» и *přinesu ti knihu* — «я принесу тебе книгу». Возвратная частица — местоимение *se* употребляется отдельно от глагола и обычно ставится на втором месте в предложении

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение Единственное число

Падеж	1 е лицо личного местоимения	2 е лицо личного местоимения	Возвратное местоимение
И Р Д В Т П	<i>ja</i> <i>mne</i> <i>mně, mi</i> <i>mne, mě</i> <i>mnou</i> <i>mně</i>	<i>ty</i> <i>tebe</i> <i>tobě, ti</i> <i>tebe, tě</i> <i>tebou</i> <i>tobě</i>	— <i>sebe</i> <i>sobě, si</i> <i>sebe, se</i> <i>sebou</i> <i>sobě</i>

Множественное число

Падеж	1 е лицо лично го местоимения	2 е лицо лично го местоимения	Падеж	1 е лицо лично го местоимения	2 е лицо лич го местоиме
И Р Д	<i>tu</i> <i>nas</i> <i>nam</i>	<i>vu,</i> <i>vas</i> <i>vam</i>	В Т П.	<i>nas</i> <i>nam</i> <i>nas</i>	<i>vas</i> <i>vam</i> <i>vas</i>

Личное местоимение 3-го лица ОН Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В. Т П	<i>on</i> <i>jeho, ho</i> <i>jemi, tu</i> <i>jej, jeha, ho</i> <i>jim</i> <i>net</i>	<i>ono</i> <i>jeho, ho</i> <i>jemi, tu</i> <i>je</i> <i>jim</i> <i>net</i>	<i>ona</i> <i>ji</i> <i>ji</i> <i>ji</i> <i>ji</i> <i>ni</i>

Множественное число

И	<i>oni</i> (одушевл)	<i>ona</i>	<i>ony</i>
Р	<i>ony</i> (неодушевл)		
Д		<i>jich, jejich</i>	
В		<i>jim</i>	
Т		<i>je</i>	
П		<i>jimi</i>	
		<i>nich</i>	

Притяжательное местоимение А Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р
И	<i>tij</i>	<i>te, toje</i>
Р	<i>teho</i>	<i>teho</i>
Д	<i>temi</i>	<i>temi</i>
В	Как им или род пад	<i>te, toje</i>
Т	<i>tut</i>	<i>tut</i>
П	<i>tet</i>	<i>tet</i>

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>тоји</i> (одушевл)	<i>та, тоје</i>	<i>те тоје</i>
	<i>те, тоје</i> (неодушевл)	<i>тух</i>	
		<i>тут</i>	
	<i>те тоје</i>	<i>та, тоје</i>	<i>те, тоје</i>
		<i>туми</i>	
		<i>тух</i>	

Указательное местоимение ЭТОТ Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И	<i>ten</i>	<i>to</i>	<i>ta</i>
Р	<i>toho</i>	<i>toho</i>	<i>te</i>
Д	<i>tomu</i>	<i>tomu</i>	<i>te</i>
В	Как им или род пад	<i>to</i>	<i>tu</i>
Т	<i>tim</i>	<i>tim</i>	<i>tou</i>
П	<i>tom</i>	<i>tom</i>	<i>te</i>

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>ti</i> (одушевл)	<i>ta</i>	<i>ty</i>
	<i>ty</i> (неодушевл)	<i>těch</i>	
		<i>tem</i>	
	<i>ty</i>	<i>ta</i>	<i>ty</i>
		<i>těmu</i>	
		<i>těch</i>	

Указательное местоимение *onen, оно, она* («этот, то, та») склоняется как *ten, to, ta*

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И	<i>kdo</i>	<i>co</i>	В	<i>koho</i>	<i>co</i>
Р	<i>koho</i>	<i>čeho</i>	Т	<i>kym</i>	<i>čim</i>
Д	<i>komu</i>	<i>čemu</i>	П	<i>kom</i>	<i>čem</i>

§ 118. Глагол имеет следующую систему грамматических форм формы трех лиц, двух чисел, времени, наклонения, вида, а в некоторых случаях и грамматического рода Кроме настоящего и

будущего (простого и сложного) времени, представлены два прошедших: простое и давнопрошедшее (плюсквамперфект). Форма прошедшего времени образуется путем сочетания причастия на *-l* с формами настоящего времени вспомогательного глагола *býti*, причем связка опускается лишь в 3-м лице: *nesl jsem, nesl jsi, nesl* и т. д. Давнопрошедшее время, обозначающее действие, предшествующее другому прошедшему, образуется посредством причастия на *-l* и форм прошедшего времени глагола *býti*: *jakož byl jsem učinil, takovou odplatu i vzal jsem* («что я заслужил, то и получил»). Условное наклонение образуется путем сочетания причастия на *-l* с особыми глагольными формами *bych, bys, by, bychom, byste, by*: *kéž by už bylo jaro!* («если бы была уже весна!»).

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

(*dělati* — «делать», *prositi* — «просить», *uměti* — «уметь»)

Единственное число

1-е лицо	<i>děl-ám</i>	<i>pros-im</i>	<i>um-ím</i>
2-е лицо	<i>děl-áš</i>	<i>pros-íš</i>	<i>um-íš</i>
3-е лицо	<i>děl-á</i>	<i>pros-t</i>	<i>um-t</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>děl-áme</i>	<i>pros-íme</i>	<i>um-íme</i>
2-е лицо	<i>děl-áte</i>	<i>pros-íte</i>	<i>um-íte</i>
3-е лицо	<i>děl-ají</i>	<i>pros-í</i>	<i>um-ějí</i>

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

(*vésti* — «вести», *padnouti* — «пасть», *kupovati* — «покупать»)

Единственное число

1-е лицо	<i>ved-u</i>	<i>padn-u</i>	<i>kuřij-t</i>
2-е лицо	<i>ved-eš</i>	<i>padn-eš</i>	<i>kuřij-eš</i>
3-е лицо	<i>ved-e</i>	<i>padn-e</i>	<i>kuřij-e</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>ved-eme</i>	<i>padn-eme</i>	<i>kuřij-eme</i>
2-е лицо	<i>ved-ete</i>	<i>padn-ete</i>	<i>kuřij-ete</i>
3-е лицо	<i>ved-ou</i>	<i>padn-ou</i>	<i>kuřij-i</i>

Среди именных форм представлены деепричастия настоящего и прошедшего времени, действительные и страдательные причастия, инфинитив и сурин. Деепричастия, в отличие от русского языка, имеют формы рода и числа: *nesa, dělaje* (муж. р. ед. ч.), *nesouc, dělajíc* (жен. и ср. р. ед. ч.), *nesouce, dělajíce* (мн. ч.) — деепричастия настоящего времени; *přines, udělav* (муж. р. ед. ч.), *přinesši, udělavši* (жен. и ср. р. ед. ч.), *přinessše, udělavše* (мн. ч.) — деепричастия прошедшего времени. Действительные причастия имеют формы настоящего и прошедшего времени (*nesoucí, dělající, přinessši, udělavši*) и склоняются по образцу мягкой разновидности прилагательных. Страдательные причастия настоящего времени утрачены, сохранились страдательные причастия прошедшего времени — краткие и полные: *nesen* и *nesený*. Форма инфинитива может оканчиваться на *-ti* и *-t* (более разговорная) и редко *-ci*. Сурин сохранился от одного глагола *spáti: jsu spat* («иду, чтобы спать»).

§ 119. Деятельность славянских первоучителей Константина и Мефодия проходила на территории Моравии и Словакии. Вследствие этого первые свидетельства об особенностях древнечешского языка извлекаются из памятников старославянского языка моравского извода («Киевские глаголические листки» X в. и «Пражские отрывки» XI—XII вв.) и из латинских грамот и сочинений, в которых встречаются отдельные чешские слова и выражения (легенды о св. Людмиле, св. Вацлаве, хроника Космы Пражского и др.). От второй половины XIII в. дошли Островская и Кунгутина песни. К XIV в. относятся уже многочисленные прозаические стихотворные произведения: «Алексаидра», рифмованная хроника Далимила, сочинения Фомы Штитного, несколько законников и ряд грамот. В основу языка ранних памятников письменности был положен язык среднечешской области, причем авторитет Праги обусловил единство литературного языка и незначительность диалектных элементов в его составе.

§ 120. К началу XV в. были завершены основные фонетические процессы, характерные для чешского языка. К X в. были утрачены носовые, при этом *o* изменилось в *u*, а *e* — в *'ä*; до XI в. произошла утрата редуцированных, которые в сильной позиции вокализировались в *e* (*sen, den*), и изменение сочетаний редуцированных с плавными; *ě* совпало в своем образовании с *e*. К XII в. относится начало палатализирующего воздействия мягких согласных на образование последующих гласных (так называемая перегласовка), вследствие чего гласные заднего ряда получали более переднее образование: *'a > 'ä > e*, *'u > 'ü > i*; *ulic'a > ulice*, *p'ät' > pět*, *l'ud > lid*, *kl'úč > klíč*. Гласные в долгом слого дифтонгизировались, выделяя в начальной части элемент более высокого образования *i, u*, вследствие чего *'ä > iä > ie > í*, *'ē > ie > í*, *ō > uo > ū(u)*: *čäsä > ciäsä > cieše > číše*, *r'äditi > řiditi*, *b'elý > bílý*

bílý, uoľ'a > vůle. Подверглись дифтонгизации также *ū > au > ou* и *ý > í > eĭ*: *sud > soud, pŭcha > peĭcha* («гордость») и т. п. К XV в. произошла передвижка образования *y* вперед, так что вместо *y* стал произноситься *i*; закончились явления ассимиляции и стяжения гласных; произошла утрата *t* и *l'*, замененных образованием для *l* «среднего»; еще раньше *g* изменилось в гортанное *h, r' > ř*; установилось в основном современное соотношение согласных по твердости и мягкости.

Столь глубокая перестройка фонетической системы чешского языка тем не менее не оказала существенного влияния на грамматический строй языка. Как и во многих других славянских языках, именное склонение группируется в зависимости от грамматического рода, утрачивается употребление аориста и имперфекта, развивается категория одушевленности и т. д.

§ 121. Классовая и национальная борьба XV в., вылившаяся в гуситское движение, вызвала развитие полемической литературы (Гус, Рокицана, Хельчицкий), усовершенствование литературного языка и распространение его среди народных масс Чехии и Словакии. Реформатором литературного языка явился Ян Гус (1373—1415), который освободил его от архаизмов и многочисленных немецких заимствований, укрепил своим авторитетом норму литературного языка и реформировал графику.

В период гуманизма и деятельности общины «чешских братьев» (XVI — начало XVII в.) чешский литературный язык обогащается в области терминологии, становится более гибким в стилевом отношении и синтаксисе. Образцовым является язык перевода Кралицкой библии (1579—1593), ставший предметом подражания в XIX в.

После Белогорской битвы (1620) на целых два столетия чешская письменность пришла в упадок. Немецко-католическая реакция жестоко подавляла малейшую попытку оживления чешской национальной культуры. Только с конца XVIII в. (период «возрождения») возрождается чешский литературный язык. В основу его был положен язык лучших произведений XVI в., что и обусловило наличие в современном языке некоторых архаизмов и ряда отличий от живой разговорной речи.

Нормы новочешского литературного языка были установлены И. Добровским и воплощены в жизнь И. Юнгманном и его сотрудниками. Усовершенствование литературного языка в различных жанрах художественной литературы было осуществлено писателями XIX в. К. Я. Эрбеном, Б. Немцовой, Я. Нерудой, К. Гавличком-Боровским, Св. Чехом и другими. Огромная работа была проделана по развитию и обогащению словарного состава чешского языка; именно в XIX в. германизмы и иноязычные слова были заменены чешскими образованиями, ср. *divadlo* («театр»), *hudba* («музыка»), *nástroj* («инструмент»), *plyn* («газ»), *dějiny* («история»), *dusík* («азот»), *kuslík* («кислород»)

и многие другие. Большую роль в унификации литературного языка сыграли труды Я. Гебауера (1839—1907), в особенности его грамматики.

В связи с возрождением чешской государственности в 1918 г. чешский литературный язык расширил свои функции: он стал языком науки, школы, администрации, армии. Революция 1945 г. привела к дальнейшему обогащению чешского языка.

§ 122. Чешский литературный язык в письменной и разговорной форме имеет ряд отличий от народно-разговорной среднечешской речи в области фонетики, морфологии и лексики, обусловленных историей его формирования в новое время.

Научное изучение чешского языка и разработка проблем литературного языка и культуры речи тесно связаны с деятельностью Пражского лингвистического кружка (ПЛК). Кроме новаторских работ в области фонологии и грамматики, Пражский лингвистический кружок весьма плодотворно применил функциональный подход к исследованию литературного языка и сформулировал свои взгляды на проблемы культуры речи. В работах В. Матезиуса и Б. Гавранка с самого начала деятельности Пражского кружка ставились проблемы, связанные с изучением литературного языка. В «Тезисах...» Пражского кружка литературному языку и связанным с ним проблемам отведено чрезвычайно большое место. На основе своих методологических позиций Пражский кружок выдвинул новое понимание сущности литературного языка, обосновал теорию языковой нормы и кодификации литературного языка, разработал теорию языковых стилей в соответствии с функциональным подходом и много сделал для культуры чешской речи: Живой интерес к проблематике литературного языка был связан также и с особенностями развития чешского литературного языка в 30-е годы и оживленной полемикой в среде писателей и языковедов по этим вопросам.

Известно, что новый чешский литературный язык с самого своего возникновения не мог опереться на разговорную речь и явился во многих отношениях (особенно в области морфологии) наиболее архаичным среди славянских литературных языков. После напряженной работы по обогащению лексического состава, развития вначале поэтических, а затем и прозаических форм в художественной литературе появилась надежда на возможность ликвидации опасного разрыва между литературным языком и разговорной речью. Однако на пути развития чешского литературного языка возникла серьезная преграда в лице чешских пуристов, опиравшихся не на существующую языковую ситуацию, а на национальные чувства и субъективные привычки. Й. Зубатый позицию чешских пуристов охарактеризовал двумя ироническими тезисами: 1) все, в чем чешский способ выражения совпадает с немецким, является в чешском языке германизмом; 2) из двух способов, посредством которых в чешском языке можно выразить

одно и то же, один способ должен всегда быть неправильным. Раздавались и другие здравые голоса. Известный языковед В. Эртль считал, что проникновение иностранных слов в литературный язык — это естественное явление, свидетельствующее о повышении культуры народа и ценности его литературы и знаменующее расцвет как языка, так и литературы. Он выдвинул тезис о «хорошем авторе» (1927 г.), заключающийся в убеждении, что литературный язык обязан опираться на вкус лучших чешских писателей.

Носителем пуристических тенденций был Й. Галлер, который, редактируя журнал «Наша речь», вступил в острую полемику с И. Ольбрахтом, Ф. К. Шальдой, В. Ванчурой и другими «хорошими авторами». Эта полемика и практические задачи, возникшие в связи с подготовкой «Настольного словаря чешского языка», послужили поводом для публичного выступления членов ПЛК с лекциями о литературном языке и культуре речи, которые и составили сборник «Spisovná čeština a jazyková kultura».

§ 123. Новая теория литературного языка была направлена против представлений о книжном и «искусственном» характере литературного языка. Она видела в его сложной стилистической структуре многофункциональное образование, в котором вариантность языковых средств, связанная со стилистическим членением языка, отражает потребность общения. При этом учитывались не только данные письменного языка, но и устная языковая практика образованных слоев общества, лишенная индивидуальной окраски территориального или арготического характера. Весьма важным моментом явилась выработка понятия нормы литературного языка и его отграничение от понятия кодификации. В норме самого литературного языка учитывались традиционные и новые элементы, подчеркивалась роль прогрессивных компонентов языковой структуры, отвергалась кодификация архаического состояния языка, изучались результаты взаимодействия литературного языка с обиходно-разговорной речью, причем все эти моменты связывались с общественной ситуацией в использовании литературного языка: рост общественных кругов, принимающих активное участие в процессах коммуникации, развитие средств массовой коммуникации и изменение целей языкового общения и т. п.

Пражская школа, таким образом, решала две основные проблемы, связанные с изучением литературного языка. С одной стороны, определяла понятие сущности литературного языка, отграничивая его от других языковых образований, с другой — распределяла языковые средства самого литературного языка в соответствии с многообразием его функций и стилистических пластов.

Однако функциональный подход к языку, подчеркивание функционального назначения языковых систем и практического исполь-

зования языка сами по себе еще не могли предостеречь от ошибок. В «Тезисах. . .», где рассматриваются проблемы исследования языков, выполняющих различные функции, проводится различие между интеллектуализированной и эмоциональной речевой деятельностью. Далее утверждается, что «каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему — язык в собственном смысле». Ошибочность этого положения становится особенно очевидной, когда различные языковые слои и стилевые разновидности поднимаются до уровня «языков» (например, специальные языки или функциональные стили: технический стиль, фамильярный стиль, поэтический стиль и т. п.), а о литературном и поэтическом языке говорится как о различных языках, отличающихся друг от друга и от общенародного языка.

Большое значение теория пражских лингвистов имела для словарного дела. Об этом свидетельствует хотя бы работа над «Настольным словарем чешского языка».

§ 124. В 1957 г. был закончен печатанием последний выпуск «Настольного словаря чешского языка» («Příruční slovník jazyka českého»). Коллектив языковедов — сотрудников Института чешского языка Чехословацкой Академии наук и представителей многих научных дисциплин — завершил труд национального значения — составление словаря современного чешского литературного языка. Этот словарь является самым большим из существующих словарей современных славянских языков. В девяти больших томах более чем на 11 000 страниц помещено около 250 000 чешских слов, употребляемых в художественных, научных и общественно-политических трудах, в газетах и журналах. Словарь является подлинно патриотическим и поистине коллективным трудом трех поколений чешских филологов.

Замысел словаря относится еще к 1905 г., когда чешские языковеды Фр. Пастрнек и Й. Зубатый выступили с планом создания академического словаря чешского языка. К этому времени стало очевидным, что словарь Юнгманна и большой словарь Котта уже не отвечают потребностям чешского общества. В связи с развитием культуры, науки и техники в конце XIX в. словарный состав чешского языка чрезвычайно расширился. Новая лексика еще не была извлечена из источников и не подверглась научной обработке. Именно поэтому Пастрнек настаивал на сборе материалов для Thesaurus'a чешского языка.

В 1911 г. III отделение Чешской Академии наук и искусств основало постоянное словарное бюро (Kancelář Slovníku jazyka českého), задачей которого был сбор лексического материала чешского языка. Хронологической вехой был избран 1770 г., когда началось в связи с чешским возрождением развитие нового чешского литературного языка. Видное место в создании словаря занимает В. Эртль, который с 1919 г. стал руководителем словарного бюро. Под его руководством были разработа-

ны методы расписывания текстов, установлен круг писателей, произведения которых давали материал для картотеки. Были использованы так называемые *sítá*, т. е. списки таких слов, которые при дальнейшем обследовании текстов уже не регистрировались, потому что были отмечены у более ранних авторов. Подобные списки составлялись для каждого следующего после 1770 г. десятилетия.

В буржуазной Чехословакии словарное бюро фактически не имело постоянных сотрудников. В работе принимали участие главным образом учителя гимназий, прикомандированные к словарю. Большинство видных в дальнейшем чешских лингвистов в разное время принимали участие в составлении словаря и получали в словарном бюро навыки лексикографической работы. Так, акад. Б. Гавранек начал работать в словаре в 1915 г., еще будучи студентом. Проф. А. Зискал работал в словаре с 1916 г. Оба они вместе с проф. Вл. Шмилауером являются редакторами последних томов словаря. В работе над словарем принимали участие Э. Сметанка, О. Гуйер, М. Вейнгарт, Фр. Травничек, В. Махек, К. Горалек, Й. Курц, А. Едличка, Я. Белич и др.

Работа над словарем, хронологические рамки привлекаемого материала, разработка словарных статей и структура научного аппарата находились в непосредственной связи с развитием чешской лингвистической мысли и практическими нуждами чешского общества. Если вначале теоретики чешского языка исходили из оборонительных (по отношению к немецкому влиянию) и нормализаторских стремлений, опираясь по преимуществу на историческую точку зрения, то в 30-е годы отношение к современному литературному языку стало совершенно иным. Уже В. Эртль сформулировал положение, что литературный язык нельзя недооценивать, нельзя считать его искусственным образованием и противопоставлять старочешскому и народно-разговорной речи. Он стремился опереться на язык писателей классиков XIX в. и лучшие произведения современной литературы.

После смерти Эртля важную роль в осмыслении характера и функций литературного языка сыграл Пражский лингвистический кружок. В 1932 г. ряд членов кружка (Б. Гавранек, М. Вейнгарт, В. Матезиус, Я. Мукаржовский, Р. Якобсон) выступили против пуристического направления журнала «Наше ржеч». В сборнике «Чешский литературный язык и культура речи» они охарактеризовали специфику литературного языка, выступили против пренебрежительного отношения к современному литературному языку и идеализации языка прошлых эпох, показали, что современный литературный язык отнюдь не является продуктом упадка и постепенного разложения языковых форм, что создание его является важным достижением общества. После дискуссии, поднявшей значение литературного языка, прекратились потуги мнимых поборников чистоты языка — брусичей и пуристов, которые обедняли язык и произвольно стремились

изгнать из литературы некоторые формы, конструкции и слова. Правда, в пылу полемики были незакономерно обособлены отдельные стилистические слои литературного языка: разговорный, научный и художественный. Однако в целом теоретическая база для создания словаря была уже подготовлена.

Первый том (*A — J*) под редакцией О. Гуйера, Э. Сметанки и М. Вейнгарта был закончен в 1937 г. В 1937—1938 гг. появился второй том словаря (*K — M*), в 1938—1940 гг. — третий том (*N — O*). Четвертый том (*P — R*), состоящий из двух частей, каждая из которых по объему равна отдельному тому, выходил с 1941 по 1948 г. В 1948—1951 гг. был издан пятый том (*S — S*). Последние три тома до конца алфавита появились позднее.

В годы гитлеровской оккупации авторы словаря вынуждены были не печатать цитаты из произведений многих авторов — активных борцов против фашизма: Зд. Неедлого, Вл. Ванчуры и др. В таких случаях составители указывали не автора, а его место рождения или издательство, выпустившее ту или иную книгу.

К настоящему времени картотека словаря содержит около 9 миллионов выписок. В Чехословацкой Социалистической Республике осуществлена мечта целого поколения ученых — создан Академический Институт чешского языка, в состав которого с 1946 г. вошло на правах отделения и словарное бюро. Научное изучение родного языка и практическая забота о его литературной разновидности в культурной жизни Чехословакии имеют давнюю и богатую традицию. Ныне благодаря полувековому труду чешских ученых-языковедов создан словарь, вызывающий законную гордость за успехи социалистической науки.

Составители словаря ставили перед собой следующие задачи: «а) прежде всего, как можно полнее отразить словарный состав современного языка; б) способствовать стабилизации литературного языка, а в спорных случаях — обоснованию литературной нормы; в) истолковать значение каждого слова, не прибегая к помощи чужого языка; г) определить сферу употребления и стилистический объем каждого слова; д) способствовать упорядочению чешской синонимии и фразеологии».

После изменения первоначального замысла словник словаря отражает чешскую литературную лексику после 1880 г. Исключаются слова, совершенно устаревшие. Включаются в словарь со специальной пометой только слова, хотя и носящие оттенок архаичности, но встречающиеся у крупнейших писателей. Примеры и иллюстрации из произведений писателей до 1880 г. приводятся лишь при словах, употребительных в настоящее время. К таким авторам относятся преимущественно классики первой половины XIX в.: Б. Немцова, К. Гавличек-Боровский, К. Тыл, К. Я. Эрбен, Фр. Челаковский, Я. Коллар, К. Г. Маха, П. Й. Шафарик, Я. Неруда. Несколько архаичный характер иллюстративного материала свойствен только первым томам, что обусловлено первоначальным замыслом словаря и имевшимся тогда материалом.

§ 125. В словарь включены с соответствующими пометами также диалектные, областные, вульгарные, жаргонные слова, если они отмечены в важных литературных произведениях и употреблены в качестве особого изобразительного средства. Чешский словарь и в этом случае не придумывает какие-либо лексические нормы. Он отражает словоупотребление, существующее в самом языке; словарь, опираясь на богатый материал, подкрепляет и иллюстрирует сложившиеся правила употребления слов. Именно в этом смысле словарь имеет нормативный характер. В нем всегда указана сфера бытования слова во времени и пространстве, к нему обращаются для самопроверки или для нахождения нужного в данном контексте слова. Это обстоятельство имел в виду акад. Л. В. Щерба, когда писал, что «может быть, ближе к типу нормативного словаря подходит еще неоконченный, но превосходный словарь чешского языка, издаваемый чешской Академией под редакцией О. Гуйера, Э. Сметанки, М. Вейнгарта (являющийся сокращением тоже подготовляемого к печати большого словаря): «Přijícní slovník jazyka českého», d. I. A — J, v Praze, 1935—1937. Во всяком случае в его основе лежат тексты, начиная лишь с 1880 г.»

Собственные имена и топонимика, как правило, включаются в словарь тогда, когда подобные слова имеют особое или переносное значение. Специальная терминология представлена довольно широко. Исключаются лишь термины, бытующие в узком кругу специалистов. Мерилем отбора в этом случае служили чешские энциклопедии, в частности «Ottův slovník naučný» с дополнениями. Для определения употребительности и актуальности термина широко привлекались консультанты из числа специалистов по всем областям знания и техники. В целом разработка специальной терминологии в словаре может служить образцом для подобных трудов.

Порядок расположения слов — алфавитный, без гнездования. В грамматическую характеристику включаются указания о произношении (в особенности заимствованных слов), если правописание не отражает произносительной нормы. При существительных указывается грамматический род и приводится форма родительного падежа, при глаголах указывается вид, у остальных слов — принадлежность к одной из частей речи. В некоторых случаях дается звательная форма, именительный падеж множественного числа у существительных, управление имен и глаголов, форма повелительного наклонения, отмечается сокращение или удлинение корневых гласных и т. п.

Словарь дает филологические толкования слов. Определение слов связано с их характером. Иногда дается краткое указание или синоним. Для других слов приводятся развернутые определения. В некоторых случаях значение слова глубже раскрывается путем указания на его антоним. Если у слова имеется несколько значений, то последние отделяются друг от друга

особым значком. Более употребительные и живые значения ставятся на первом месте, прямое значение обычно предшествует переносному. Толкование слова сопровождается тщательно подобранными примерами. Цитаты отбирались с учетом лексических и стилистических особенностей слова, иногда и с грамматической целью. Специальные термины обычно не имеют авторской цитации, указывается лишь область употребления. После цитат отмечаются устойчивые сочетания и выражения.

§ 126. За последние годы в связи с углубленным анализом проблематики литературных языков, осуществленной чехословацкими языковедами, задачи лингвистики изменились. Если состояние изучения словацкого языка, его взаимоотношение к чешскому литературному языку и вытекающие из этого задачи словацкой культуры речи нашли выпуклое отражение в сборнике докладов и выступлений *Kultúra spisovnej slovenčiny* (Культура словацкого литературного языка. Братислава, 1967), то освещение современной проблематики содержится в материалах двух коллективных работ: *Z teórie spisovného jazyka* (Из теории литературного языка. Братислава, 1979) и *Aktuální otázky jazykové kultúry v socialistické spoločnosti* (Актуальные вопросы языковой культуры в социалистическом обществе. Прага, 1979). Эти материалы, отражающие новую теорию литературного языка, учитывающие условия современной массовой коммуникации и задачи культуры письменного и устного слова в социалистическом обществе, представляют значительный интерес.

Пересмотр традиционной теории сущности и общественной роли литературного языка неизбежно связан с критическим отношением к основным положениям, выработанным Пражским лингвистическим кружком (преимущественно Б. Гавранком и В. Матезиусом) еще в начале 30-х годов нашего столетия. Эта концепция была создана в условиях борьбы с чешскими пуристами, боровшимися за чистоту чешского литературного языка с немецкими заимствованиями и своими волюнтаристскими рецептами, подрывавшими системный характер этого языка. В пражской теории структурный подход в целом преобладал над функциональным, недостаточно учитывались общественные условия функционирования литературного языка (в собственно чешских условиях, не говоря уже о возможности применения этой теории к другим языкам), мало внимания уделялось отношению к нему говорящих и пишущих носителей языка.

За прошедшие полвека в связи с кардинальными изменениями в классово-политическом составе чехословацкого общества резко изменился состав носителей литературной речи, неизмеримо возросла роль средств массовой коммуникации, в частности радио и телевидения. Перемены коснулись и структурно-функциональной стороны языка: публицистические выступления выдвинулись на первый план, оттеснив в известной мере в качестве

прежнего эталона литературности язык художественных произведений, видное место занял административно-деловой стиль речи. Не случайно режиссер киностудии В. Багна следующим образом характеризует живую речь простых людей из словацкого Липтова или верхнего Грона: «как только они начнут выступать на собрании или вы поднесете к их устам микрофон, то они забывают свой родной язык и говорят на каком-то технико-бюрократическом эсперанто». В этой связи постоянно подчеркивается, что особенно важно безупречное владение литературными чешским и словацким языками для учителей всех типов школ, редакторов, журналистов, комментаторов, дикторов на радио и телевидении, писателей, артистов, работников политических органов и культурно-просветительских учреждений, одним словом, для всех тех, кто выступает с публичной речью.

Все отмеченные моменты нашли выражение в выработке понятия «языковая ситуация» в условиях развитого социалистического общества. Это понятие включает в свой состав три составные части: 1) языковая система; 2) закономерности использования последней в общественной коммуникации и 3) общественные группы, использующие язык. Наиболее отчетливое выражение эти идеи получили в работе чешского лингвиста А. Едлички *Spisovný jazyk v současné komunikaci* (Литературный язык в современной коммуникации. Прага, 1974).

Конкретный анализ состояния словацкого литературного языка находим в статьях Я. Горецкого, опубликованных в последние годы: «О новой теории словацкого литературного языка» и «Основные положения теории литературного языка». По мнению Горецкого, развитие литературного языка наглядно отражает тот факт, что одновременно с дифференциацией и усложнением общественной жизни и ростом требований к литературному языку дифференцируется и усложняется сам литературный язык. К установленным Пражской школой трем стилям (разговорный, научный и художественно-эстетический) в последние десятилетия добавились публицистический и административно-деловой стили. Возрастание стилистической дифференциации литературного языка и неопределенное положение разговорного стиля в этом членении свидетельствуют о недостатках прежней теории. Более того, спорными оказываются и те противопоставления, на базе которых на фоне других разновидностей национального языка выделялся литературный язык. Таких противопоставлений, которые ввел Б. Гавранек, было три: 1) национальное — интернациональное; 2) точность выражения — стабильность нормы; 3) рациональность — эмоциональность. Ближайшее ознакомление с этими противопоставлениями показывает, что интернациональные элементы с легкостью проицируют не только в литературный язык, но и в другие разновидности национального языка, что точность выражения может достигаться не только нарушением нормы, но и ее развитием, что

рациональные и эмоциональные элементы свойственны даже диалектам. С другой стороны, литературный язык прежде противопоставлялся народному такими признаками, как 1) письменная и разговорная формы, 2) монологический и диалогический характер, 3) публичная и частная формы общения, 4) консервативность и непосредственность языковых выразительных средств. В настоящее время и эти противопоставления нельзя считать вполне обоснованными, ибо разговорная форма в условиях массовой коммуникации приобрела большой вес, в общественных обсуждениях различных вопросов все чаще используется полемика, связанная с непосредственностью и живостью реакции выступающих и т. п.

По мнению Горецкого, расширение базы носителей литературного языка и рост возможных языковых контактов приводят к тому, что наряду с литературным языком в широкое употребление входит и менее строго нормализованная разновидность языка, которую иногда называют литературной разговорной речью (в русском языке), народно-разговорной формой языка (в чешском языке) и пр. В словацких условиях он предлагает для этой разновидности термин «стандартная форма». Эта форма характерна значительной степенью нормативности. При этом, естественно, речь идет не о совершенстве самого термина «стандартная форма». Термин этот не вполне приемлем, так как ассоциируется с «стандартным» языком в концепции Д. Брозовича или же с «стандартно-литературным» типом языка и т. д. Речь идет прежде всего о совершенно правильной констатации разговорного образования, находящегося между словацкими диалектами и литературным языком. Наряду с литературным языком и указанной стандартной формой вычленяется еще «подстандартная форма», которая пронизана диалектными элементами в речи своих носителей.

Согласно этим рассуждениям, общенародный язык имеет три основные формы: литературную, стандартную и подстандартную. Всем этим общенародным формам или разновидностям противопостоят локальные диалекты. Фонетическими показателями подобного троякого членения общенародного языка могут служить словацкие формы *mäso* — *meso* — *maso*, в лексическом отношении такими соответствиями будут: *nákladné auto* (грузовой автомобиль) — *nákladniak*, *náklad'ák*, *diplomová práca* (дипломная работа) — *diplomovka*, *diplomka*. Вне этой классификации стоит язык художественной литературы, в котором находим элементы стандартной и подстандартной форм, подвергающиеся «олитературиванию». Элементы слэнга, ограниченные лексическими особенностями, не составляют особой формы языка, но используются в подстандартной форме и в языке художественных произведений.

Таким образом, пересмотр теории литературного языка обусловлен общественными изменениями в жизни чешского и сло-

вацкого народов, представляет собой закономерную реакцию на теорию Пражского лингвистического кружка, которая резко противопоставляла систему языка и норму литературного языка, неумеренное внимание уделяла вопросам кодификации литературной нормы. Теория словацких языковедов, возникшая в 60-е годы и нашедшая отражение в «Тезисах о словацком языке», была вызвана к жизни борьбой за федеративное устройство Чехословакии и диктовалась необходимостью подчеркнуть самобытность словацкой нации и ее литературного языка.

В настоящее время общественная жизнь в ЧССР существенно отличается как от положения в буржуазной республике, так и от положения в 60-х годах. Национальный вопрос был разрешен на основе ленинского принципа равноправия словацкого и чешского народов и их языков. Вследствие этого исчезли основания для оборонительной и пуристической позиции по отношению к богемизмам в области культуры речи, происходит в обоих народах формирование социалистического национального сознания, научно-техническая революция настоятельно диктует необходимость интеграции, особенно в области научной терминологии.

Все указанные обстоятельства отразились и на принципах чешской и словацкой культуры речи.

§ 127. Область распространения чешского языка характеризуется диалектным многообразием. Важнейшими диалектными группами являются: чешская (собственно Чехия и Западная Моравия), среднеморавская и ляшская (Силезия и северо-восточная Моравия). Эта классификация основывается главным образом на различиях в произношении долгих гласных.

Чешская диалектная группа характеризуется произношением долгих *ú, í, ý* как *ou* и *ej* (первая черта характеризует и литературный язык); например, *daj na vozík tu mouku ze mlýna* («положи на воз эту муку с мельницы») произносится как [dej na vozejk tu mouku ze mlejna].

В среднеморавском (или ганацком) наречии на месте дифтонгов *ou* и *ej* находим долгие гласные *ó* и *é*: *dé na vozék tu móku ze mléna*.

В ляшском наречии долгие гласные отсутствуют: *daj na vozík tu miuku ze mlyna*. Некоторые особенности этого наречия близки польскому языку.

Внутри отмеченных диалектных групп выделяются более мелкие диалектные единицы (в чешской группе выделяют: среднечешские, северочешские, западнечешские и северо-восточнечешские говоры; особенно велико диалектное разнообразие в Моравии). Следует отметить, что многие говоры восточной Моравии близки словацкому языку.

NEVĚŘME NIKOMU

Nevěřme nikomu na světě širém,
 Nemáme jednoho přítele tam,
 Starý boj za každým skrývá se mírem,
 Soucit a přízeň jsou šalebný klam;
 Nevěřme radě ni chvále ni haně,
 Nevěřme pocelu, stisknutí dlaně,
 Nevěřme ničemu — všechno je mam

Všude nám hrozí zášť' lítého vraha,
 Dýku on skrývá i pod vábný kroj,
 Zhubit nás věčná mu, jediná snaha,
 Proti nám svatá mu všeliká zbroj.
 Plápoľem válečným, osvěty třpytem,
 V násilí zjevném i v úskoku skrytém,
 Bez klidu vede ten odvěký boj.

«Nevěřte!» — Baltu k nám peřeje hučí,
 «Nevěřte!» — z jihu zní Adrie hlas,
 «Nevěřte!» — minulé věky nás učí,
 Stále též varuje přítomný čas —
 Na bratří zklamaných ohromném rovu
 Každým dnem úskočně klamání znovu,
 Ci chcete, bláhoví, věřiti zas?

Jde-li kdo s pozdravem k našemu domu,
 Zve-li nás úsměvně pod vlastní krov,
 Nevěřme pozdravu, úsměvu tomu,
 Nevěřme nástraze lahodných slov,
 Nevěřme slibům ni přísahám svatým,
 Slavně necht' hlaholí nad stolcem zlatým,
 Fuce necht' královské píší je v kov.

Věřme jen sobě, své práci a píli,
 Věřme jen svatému nadšení v nás,
 Věřme jen vítězství slovanské síly,
 Která si podepře krajní tu hráz,
 Věřme, že národ náš, veliká Sláva,
 S korouhví lidskosti za štítem práva
 Dobude koruny velebných krás

REPORTÁŽ PSANÁ NA OPRÁTCE

(отрывок)

A člověk v této hrůze?

Zije. Je to neuvěřitelné. Ale žije, jí, spí, miluje, pracuje a myslí i na tisíce věcí, které se smrtí nijak nesouvisí. Snad mu někde v týle sedí strašlivá tíha, ale nese ji, ani hlavu nesehne, ani pod ní neklesne.

Uprostřed stanného práva zavezl mě komisař do Braníka. Krásný červen voněl lipami a pozdními květy akátů. Nedělní večer. Silnice ke konečné stanici tramvají nestačila překotnému proudění lidí, vracejících se z výletu. Byli hluční, veselí, blaženě unavení, zobjímáni sluncem a vodou i pažemi svých milých — jen smrt, jen smrt stále obcházející a mířící i mezi ně, jsi na jejich tvářích neviděl. Hemžili se, skotačiví a milí jako králíci. Jako králíci! Sahní mezi ně a vytáhni jednoho pro své pochutnání — stáhnou se do koutka, ale za okamžik už se hemží dál se svými starostmi i se svými radostmi, a celou chutí k životu.

Byl jsem náhle přesazen z obezděného světa vězení do tohoto strhujícího proudu a chutnal jsem z počátku trpce jeho sladkou blaženost.

Ne právem, ne právem.

(Julius Fučík.)

Reportáž psaná na oprátce. Praha, 1956. s. 79)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
 Lamprecht A. Vývoj fonologického systému českého jazyka. Brno, 1968.
 Němec J. Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha, 1968.
 Komárek M. Historická mluvnice česká. I. Hláskosloví. Praha, 1958.
 Pravidla českého pravopisu. Изд. 5-е. Praha, 1969.
 Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. I, с. 19–218.
 Trávníček F. Historická mluvnice československa. Praha, 1935.
 Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. Ч. I. Пер. с чеш. М., 1950; ч. 2, Skladba. Изд. 3-е. Praha, 1951.
 Учебник чешского языка (для I и II курсов). М., 1973.
 Hála V. Výslovnost spisovné češtiny. Изд. 2-е. Praha, 1970.
 Havránek B. Nářečí česká. Vlastivěda. D. III. Praha, 1934.
 Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého. Vlastivěda. D. III. Řada II. Praha, 1936.
 Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Изд. 3-е. Praha, 1970.
 Широкова А. Г. Чешский язык. М., 1961.

II

- Gebauer J. Slovník staročeský (переиздан в 1970 г.)
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Изд. 2 e. Praha, 1968.
Павлович А. И. Чешско-русский словарь. М., 1959.
Slovník spisovného jazyka českého I—IV. Praha, 1959—1969.
Travníček F. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Velký rusko-český slovník I—V. Praha, 1952—1960.
Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

§ 128. Словацкий язык распространен в восточных областях Чехословакии. Он наиболее близок к чешскому языку, с которым его роднит общность грамматического строя и значительной части основного словарного фонда (тождественны названия явлений природы, животных, растений, частей года и суток, многих предметов быта и т. п.).

Особые исторические условия развития словацкого народа и его языка после вхождения Словакии в XI в. в состав Венгрии определили ряд особенностей, которыми словацкий язык отличается от чешского в области фонетики, грамматики и лексики. Первые письменные памятники с чертами, свойственными словацким диалектам (так называемыми «словакизмами»), представляют собой продолжение чешской литературной традиции и относятся к эпохе гуситского движения (XV в.). Первый опыт создания словацкого литературного языка на основе западно-словацкого диалекта предпринял в конце XVIII в. А. Бернолак (1762—1813). Он составил «Грамматику» (1790), шеститомный словарь (1825—1827) и установил нормы правописания. Однако его начинания не получили широкого распространения: из писателей этими нормами пользовался лишь Я. Голый (1785—1849).

Развитие капиталистических отношений, приведшее к образованию словацкой нации, создало в 40-х годах XIX в. условия для появления словацкого литературного языка. Формирование последнего происходило на основе центрального, среднесловацкого диалекта и было связано с языковедческой и пропагандистской деятельностью Л. Штура (1815—1856) и его сотрудников Й. М. Гурбана (1817—1880) и М. М. Годжи (1811—1870). В 1844 г. альманах «Nitra» вышел не на чешском, а на словацком языке; в 1852 г. деятели словацкой культуры одобрили «Краткую словацкую грамматику» М. Гатталы. Однако развитие словацкого литературного языка тормозилось ассимиляторской политикой венгерского правительства, которое вплоть до 1918 г.

не разрешало словацкому народу пользоваться родным языком в общественной и государственной жизни. К печати допускались только отдельные произведения. Развитие словацкого литературного языка связано с деятельностью поэтов Я. Краля, С. Халупки, Я. Ботто, А. Сладковича, П. Гвездослова и писателей Я. Калинчака, М. Кукучина, Св. Ваянского (Гурбана), Тимравы, Я. Есенского, писавших в XIX и начале XX в. Из современных писателей следует отметить П. Илемницкого, Фр. Краля и Ф. Гечко. В условиях буржуазной Чехословакии словацкий литературный язык нашел доступ во все сферы общественной жизни, но подлинный расцвет его начался после революции 1945 г. В настоящее время на словацком языке издается большое количество научной и художественной литературы, огромное внимание уделяется созданию учебников, составлению словарей, терминологической работе, переводному делу, изучению диалектов. Благодаря этому словацкий язык интенсивно обогащается новой лексикой, особенно в области научной и общественно-политической терминологии. В своем росте и развитии он находит мощную опору и поддержку в чешском языке, который является богатым источником в деле совершенствования словацкого литературного языка.

§ 129. В словацком литературном языке представлены гласные *a*, *e*, *i* (графически также *y*), *o*, *u*, которые наряду с плавными *l*, *r* могут быть краткими и долгими (ср. *pas* — «паспорт» и *pás* — «пояс», *vlk* и *vlčá* — «волчонок», *smrt'* и *mrtvy* — «мертвый»); дифтонги *ia*, *ie*, *iu*, *uo* (графически *ô*, например *vól'a*) и трифтонги (*dievča* — «девушка», произносится [djevčá]). Для фонетической системы характерен гласный *ä*, средний между *a*, и *e*, например *pät'* («пять»).

Структура слова регулируется ритмическим законом, согласно которому рядом не могут находиться два долгих слога: суффикс или окончание при долгом гласном корня сокращается: *dobrý* («хороший»), но *krásny* («красивый»), *biely* — («белый»), *volám* («я зову»), но *dávam* («я даю»).

Плавные *l*, *r* могут выступать в качестве слоговых (они бывают как краткими, так и долгими): *slnko*, *vřba* («верба»); согласный *h* — гортанный; *r* — всегда твердое; *n*, *t*, *d*, *l* — всегда мягкие перед *e*, *i*; прочие согласные, кроме *č*, *ž*, *š*, *j*, отвердели; *v* в закрытом слоге произносится как *u*: *ovca* = [oвса]; озвончение согласных на стыке слов происходит не только перед звонкими, но и перед плавными и гласными: *pät' oblokov* = [päd' oblokoв] («пять окон»), *k otcovi* = [g ocovi] («к отцу»). Ударение экспираторное, постоянное — на начальном слоге слова.

§ 130. Словацкая графика создавалась на основе чешской; нововведения: *ä*, *í*, *ř* (долгие), *ô*; правописание основано на морфологическом принципе; элементом исторического написания явля-

ется употребление *y* (*ý*), хотя этот звук совпал с *i* (*i*). В 1953 г. после широкого обсуждения была проведена реформа правописания.

§ 131. В области грамматики следует отметить утрату результатов палатализации заднеязычных в именном склонении (ср. дат.-местн. пад. ед. ч. *ruke, nohe, muche*), кроме именительного падежа множественного числа мужского рода: *robotník* («рабочий») — *robotníci, Čech — Česi*; на протяжении XIX в. произошла замена звательной формы именительным падежом. Категория одушевленности имен мужского рода в единственном числе находит морфологическое выражение в четырех падежах: родительном, дательном, винительном и местном, во множественном числе она выступает в суженном виде как категория лица мужского рода (окончания *-i, -ia, -ovia* в им. пад. мн. ч.: *Slováci, bratia, súdruhovia*, и окончание *-ov* в вин.-род. пад.: *vidím chlapov, bratov*, но *sokoly, kone, duby*); у имен существительных мужского рода на *-a* в значении родительного падежа выступает форма винительного: *niet hrdinu* (*hrdina* — «герой»), которая является уникальной в славянских языках. Категория личности находит морфологическое выражение в прилагательных, местоимениях, числительных и ряде глагольных форм. Именные формы прилагательных в словацком языке утрачены. Для системы времен глагола характерно наличие давнопрошедшего времени. В прошедших временах употребительна глагольная связка. Форма 1-го лица единственного числа настоящего времени у всех глаголов имеет окончание *-m*: *beriem* («я беру»), *vládnem* («я управляю»); формы 3-го лица единственного и множественного числа не имеют окончаний: *berie, berú, vládne, vládnu*. Инфинитив имеет всегда окончание *-t'*: *brat', môct'* («мочь»). Формы деепричастий малоупотребительны.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Одушевленные существительные мужского рода

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И	<i>chlap</i>	<i>hrdin-a</i>	<i>chlap-i</i>	<i>hrdin-ovia</i>
Р	<i>chlap-a</i>	<i>hrdin-u</i>	<i>chlap-ov</i>	<i>hrdin-ov</i>
Д	<i>chlap-ovi</i>	<i>hrdin-ovi</i>	<i>chlap-om</i>	<i>hrdin-om</i>
В	<i>chlap-a</i>	<i>hrdin-u</i>	<i>chlap-ov</i>	<i>hrdin-ov</i>
Т	<i>chlap-om</i>	<i>hrdin-om</i>	<i>chlap-mi</i>	<i>hrdin-amu</i>
П	<i>chlap-ovi</i>	<i>hrdin-ovi</i>	<i>chlap-och</i>	<i>hrdin-och</i>

Неодушевленные существительные мужского рода

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И.	<i>dub</i>	<i>stroj</i>	<i>dub-y</i>	<i>stroj-e</i>
Р.	<i>dub-a</i>	<i>stroj-a</i>	<i>dub-ov</i>	<i>stroj-ov</i>
Д.	<i>dub-u</i>	<i>stroj-u</i>	<i>dub-om</i>	<i>stroj-om</i>
В.	<i>dub</i>	<i>stroj</i>	<i>dub-y</i>	<i>stroj-e</i>
Т.	<i>dub-om</i>	<i>stroj-om</i>	<i>dub-mi</i>	<i>stroj-mi</i>
П.	<i>dub-e</i>	<i>stroj-i</i>	<i>dub-och</i>	<i>stroj-och</i>

Склонение существительных среднего рода

Единственное число

И.	<i>mest-o</i>	<i>srđc-e</i>	<i>námest-ie</i>
Р.	<i>mest-a</i>	<i>srđc-a</i>	<i>námest-ia</i>
Д.	<i>mest-u</i>	<i>srđc-u</i>	<i>námest-iu</i>
В.	<i>mest-o</i>	<i>srđc-e</i>	<i>námest-ie</i>
Т.	<i>mest-om</i>	<i>srđc-om</i>	<i>námest-ím</i>
П.	<i>mest-e</i>	<i>srđc-i</i>	<i>námest-í</i>

Множественное число

И.	<i>mest-á</i>	<i>srđc-ia</i>	<i>námest-ia</i>
Р.	<i>miest</i>	<i>srđc</i>	<i>námest-i</i>
Д.	<i>mest-ám</i>	<i>srđc-iam</i>	<i>námest-iam</i>
В.	<i>mest-a</i>	<i>srđc-ia</i>	<i>námest-ia</i>
Т.	<i>mest-ami</i>	<i>srđc-ami</i>	<i>námest-iami</i>
П.	<i>mest-ach</i>	<i>srđc-iach</i>	<i>námest-iach</i>

Существительные женского рода на -а

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И.	<i>žen-a</i>	<i>ulic-a</i>	<i>žen-y</i>	<i>ulic-e</i>
Р.	<i>žen-y</i>	<i>ulic-e</i>	<i>žien</i>	<i>ulic</i>
Д.	<i>žen-e</i>	<i>ulic-i</i>	<i>žen-ám</i>	<i>ulic-iam</i>
В.	<i>žen-u</i>	<i>ulic-u</i>	<i>žen-y</i>	<i>ulic-e</i>
Т.	<i>žen-ou</i>	<i>ulic-ou</i>	<i>žen-ami</i>	<i>ulic-ami</i>
П.	<i>žen-e</i>	<i>ulic-i</i>	<i>žen-ách</i>	<i>ulic-iach</i>

Существительные женского рода с основой на согласный

Падеж	Единственное число		Множественное число	
И	<i>dlaň</i>	<i>kost'</i>	<i>dlan-e</i>	<i>kost-i</i>
Р	<i>dlan-e</i>	<i>kost-i</i>	<i>dlan i</i>	<i>kost-í</i>
Д	<i>dlan-i</i>	<i>kost-i</i>	<i>dlan-iam</i>	<i>kost-iam</i>
В	<i>dlaň</i>	<i>kost'</i>	<i>dlan-e</i>	<i>kost i</i>
Т	<i>dlaň-ou</i>	<i>kost'-ou</i>	<i>dlaň amí</i>	<i>kost'-amí</i>
П	<i>dlan-i</i>	<i>kost-i</i>	<i>dlan-iach</i>	<i>kost-iach</i>

Неравносложные существительные

Падеж	Единственное число	Множественное число	
И	<i>dievča</i>	<i>dievčat-á</i>	<i>dievčenc-e</i>
Р	<i>dievčat'-a</i>	<i>dievcat</i>	<i>dievčeniec</i>
Д	<i>dievčat'-u</i>	<i>dievčat-ám</i>	<i>dievčenc-om</i>
В	<i>dievča</i>	<i>dievčat-á</i>	<i>dievčenc-e</i>
Т	<i>dievčat'-om</i>	<i>dievčat amí</i>	<i>dievčenc-amí</i>
П	<i>dievčat-i</i>	<i>dievčat-ách</i>	<i>dievčenc-och</i>

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Твердая разновидность

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И	<i>dobr-ý</i>	<i>dobr-é</i>	<i>dobr-á</i>
Р	<i>dobr-ého</i>	<i>dobr-ého</i>	<i>dobr-ej</i>
Д	<i>dobr-ěmu</i>	<i>dobr-ěmu</i>	<i>dobr-ej</i>
В	Как им или род пад	<i>dobr-é</i>	<i>dobr-ú</i>
Т	<i>dobr-ým</i>	<i>dobr-ým</i>	<i>dobr-ou</i>
П	<i>dobr-om</i>	<i>dobr-om</i>	<i>dobr-ej</i>

Множественное число

И	<i>dobr-í</i>	(одушевл.)	<i>dobr-é</i>		<i>dobr-e</i>
	<i>dobr-e</i>	(неодушевл.)			
Р Д			<i>dobr-ých</i>		
			<i>dobr-ým</i>		
В	<i>dobr-ých</i>	(одушевл.)	<i>dobr-é</i>		<i>dobr-é</i>
	<i>dobr-é</i>	(неодушевл.)			
Т П			<i>dobr-ými</i>		
			<i>dobr-ych</i>		

Мягкая разновидность

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Ж
И	<i>cidz-i</i> (одушевл)	<i>cidz-ie</i>	<i>си</i>
	<i>cidz-ie</i> (неодушевл)	<i>cidz-ieho</i>	<i>си</i>
Р	<i>cidz-ieho</i>	<i>cidz-ieho</i>	<i>си</i>
Д	<i>cidz-ietu</i>	<i>cidz-ietu</i>	<i>си</i>
В	<i>cidz-ieho</i> (одушевл)	<i>cidz-ie</i>	<i>си</i>
	<i>cidz-ie</i> (неодушевл)		
Т	<i>cidz-im</i>	<i>cidz-im</i>	<i>си</i>
П	<i>cidz-om</i>	<i>cidz-om</i>	<i>си</i>

Множественное число

И	<i>cidz-i</i> (одушевл)	<i>cidz-ie</i>	<i>си</i>
	<i>cidz-ie</i> (неодушевл)		
Р		<i>cidz ich</i>	
Д			
В	<i>cidz-ich</i> (одушевл)	<i>cidz-ie</i>	<i>си</i>
	<i>cidz-ie</i> (неодушевл)		
Т		<i>cidz-itu</i>	
П			

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

*Личные местоимения 1-го и 2-го лица
и возвратное местоимение*

Единственное число

И	<i>ja</i>	<i>ty</i>	—
Р	<i>mña, ma</i>	<i>teba, t'a</i>	<i>seba</i>
Д	<i>mne, mi</i>	<i>tebe, ti</i>	<i>sebe, si</i>
В	<i>mña, ma</i>	<i>teba, t'a</i>	<i>seba, sa</i>
Т	<i>mnoi</i>	<i>tebou</i>	<i>sebou</i>
П	<i>mne</i>	<i>tebe</i>	<i>sebe</i>

Множественное число

И	<i>my</i>	<i>vy</i>	В	<i>nás</i>	<i>vás</i>	
	<i>nás</i>	<i>vás</i>		Т	<i>nami</i>	<i>vami</i>
	<i>nám</i>	<i>vám</i>			П	<i>nás</i>

имение 3-го лица ОН

ное число

Муж р	Ср р	Жен р
<i>он</i> <i>јехо, хо</i> <i>јети, ти</i> <i>јехо, хо</i> <i>пѣт</i> <i>ћот</i>	<i>оно</i> <i>јехо, хо</i> <i>јети, ти</i> <i>јехо, хо</i> <i>пѣт</i> <i>ћот</i>	<i>она</i> <i>јѣј</i> <i>јѣј</i> <i>ју</i> <i>ћои</i> <i>пеј</i>

енное число

одушевл) душевл)	<i>ону</i>	<i>ону</i>
<i>ич</i> <i>ит</i> <i>ич</i> <i>пѣти</i> <i>пѣч</i>		

естоимение МОЙ

е число

Муж р	Ср р	Жен р
или род пад	<i>тоје</i> <i>тѣјо</i> <i>тѣјти</i> <i>тоје</i> <i>тојѣт</i> <i>тојот</i>	<i>тоја</i> <i>тојѣј</i> <i>тојѣј</i> <i>тоји</i> <i>тојои</i> <i>тојѣј</i>

ое число

евл) шевл)	<i>тојѣч</i> <i>тојѣт</i>	<i>тоје</i>	<i>тоје</i>
евл) душевл)	<i>тојѣти</i> <i>тојѣч</i>	<i>тоје</i>	<i>тоје</i>

Указательное местоимение ЭТОТ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И.	<i>ten</i>	<i>to</i>	<i>tá</i>
Р.	<i>toho</i>	<i>toho</i>	<i>tej</i>
Д.	<i>tomu</i>	<i>tomu</i>	<i>tej</i>
В.	Как им или род. пад.	<i>to</i>	<i>tú</i>
Т.	<i>tým</i>	<i>tým</i>	<i>lou</i>
П.	<i>tom</i>	<i>tom</i>	<i>tej</i>

Множественное число

И.	<i>tí</i> (одушевл.)		<i>tie</i>	<i>tie</i>
	<i>tie</i> (неодушевл.)			
Р.				
			<i>tých</i>	
Д.				
			<i>tým</i>	
В.	<i>tých</i> (одушевл.)		<i>tie</i>	<i>tie</i>
	<i>tie</i> (неодушевл.)			
Т.				
			<i>tými</i>	
П.				
			<i>tých</i>	

Указательное местоимение ТОТ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р
И.	<i>onen</i>	<i>ono</i>
Р.	<i>oného (onoho)</i>	<i>oného (o)</i>
Д.	<i>oněmu (onomu)</i>	<i>oněmu (omu)</i>
В.	Как им. или род. пад.	<i>ono</i>
Т.	<i>oným</i>	<i>oným</i>
П.	<i>onot</i>	<i>onot</i>

Множественное число

И.	<i>oní</i> (одушевл.)		<i>oné</i>	
	<i>oné</i> (неодушевл.)			
Р.				
			<i>oných</i>	
Д.				
			<i>oným</i>	
В.	<i>oných</i> (одушевл.)		<i>oné</i>	
	<i>oné</i> (неодушевл.)			
Т.				
			<i>onými</i>	
П.				
			<i>oných</i>	

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И.	<i>kto</i>	<i>čo</i>	В	<i>koho</i>	<i>čo</i>
Р.	<i>koho</i>	<i>čoho</i>	Т.	<i>kým</i>	<i>čím</i>
Д.	<i>komu</i>	<i>čomu</i>	П.	<i>kom</i>	<i>čom</i>

ОБРАЗЦЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

Единственное число

1-е лицо	<i>nes-iem</i>	<i>padn-em</i>	<i>rozum-iem</i>	<i>rob-ím</i>
2-е лицо	<i>nes-ieš</i>	<i>padn-eš</i>	<i>rozum-ieš</i>	<i>rob-iš</i>
3-е лицо	<i>nes-ie</i>	<i>padn-e</i>	<i>rozum-ie</i>	<i>rob-í</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>nes-ieme</i>	<i>padn-em</i>	<i>rozum-ieme</i>	<i>rob-íme</i>
2-е лицо	<i>nes-iete</i>	<i>padn-ete</i>	<i>rozum-iete</i>	<i>rob-íte</i>
3-е лицо	<i>nes-ú</i>	<i>padn-ú</i>	<i>rozum-ejú</i>	<i>rob-ia</i>

Единственное число

1-е лицо	<i>vol-ám</i>	<i>češ-em</i>	<i>pracuj-em</i>
2-е лицо	<i>vol-áš</i>	<i>češ-eš</i>	<i>pracuj-eš</i>
3-е лицо	<i>vol-á</i>	<i>češ-e</i>	<i>pracuj-e</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>vol-áme</i>	<i>češ-eme</i>	<i>pracuj-eme</i>
2-е лицо	<i>vol-áte</i>	<i>češ-ete</i>	<i>pracuj-ete</i>
3-е лицо	<i>vol-ajú</i>	<i>češ-ú</i>	<i>pracuj-ú</i>

§ 132. Словацкий литературный язык возник, как и новые славянские литературные языки, в конце XVIII и в первой половине XIX в. Его формирование, как уже отмечалось, разделяется на два этапа. Первый связан с деятельностью Антона Бернолака, который в своей грамматике и других работах кодифицировал западнословацкий культурный диалект, а второй — с усилиями Людовита Штура и его окружения, создавшими в 1843 г. литературный язык на базе центрального среднесловацкого диалекта. За прошедшие примерно два столетия словацкие писатели и общественно-культурные деятели широко использовали для своих целей лексические богатства русского языка. Подсчеты показывают, что в разное время словацкие авторы заимствовали около 1500 русских слов. Естественно, что не все заимствования из русского языка были необходимы, многие

них в процессе нормализации словацкой литературной лексики были заменены своими лексемами или оказались на периферии словарного состава. Обращение словацких деятелей культуры к русскому языку было обусловлено не только неподготовленностью нового языка к выражению идей своего времени, но и их общественно-политическими воззрениями, словесно-художественными симпатиями и вообще обстановкой эпохи. Все это диктует необходимость исторического подхода к проблеме русизмов в словацком литературном языке.

Первые заимствования относятся ко времени Бернолака. Он употребил русские слова *letopis*, *bukvár*, а свой пятиязычный словарь назвал русским словом *slovár*, а не принятым в чехословацкой языковой области *slovník*. Однако наибольшее количество русских слов проникло в словацкий язык в первой половине XIX в., во времена деятельности Я. Коллара, П. Й. Шафарика и Я. Голого. Это была эпоха национального возрождения и пробуждения самосознания угнетенных славянских народов. Политическое могущество России (после побед над турками и Наполеоном), обширность территории, независимость (в то время другие славянские народы находились в подчиненном положении у турок, немцев и венгров), стремительный расцвет русской литературы и бурное развитие русского литературного языка произвели большое воздействие на славянский мир. В среде угнетенного словацкого народа возникает идея славянской взаимности, связанная с именем Я. Коллара. «К русскому литературному языку с его стремительным и пышным развитием обращаются мысли и надежды всех передовых общественных и литературных деятелей славянского мира. Русский литературный язык становится источником освежающих веяний для разных славянских языков в эпоху их национального самоопределения и возрождения» (В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945, с. 50).

В этот период в словацкий язык (иногда через чешское посредство) вошли такие русские слова, как *ataman*, *beseda* (с производными *besedovat'*, *besiedka*), *bohatier* («богатырь») (и прилагательное *bohatiersky*), *cár* (а также *cárica*, *cárstvo*, *cárevič*, *cárit'*), *celovat'* (словацк. *bozkat'*), *čaj*, *dajstvo* (также *dejstvovat'*, *dejatel'*), *deva*, *devica*, *država* (иногда *deržava*), *chrabrý* и *chrabrost'*, *inostranný* и *inostranec*, *karavana* («караван»), *kurhan* («курган»), *mohyla* (с производными *mohylôčka*, *mohylenka*, *podmohylný*), *nábeh* («набег»), *neha* («нега») (с производными *nežný*, *nežne*, *nežnost'*), *obrad* («обряд»), *oružie* (словацк. *zbroj*), *osnova*, *pleňit'* или *plienit'* («пленить»), *prestol*, *príroda* («природа»), *sloh* («слог»), *step* («степь»), *temnica*, *tryzna* («тризна»), *tuča*, *učilište* («училище»), *velikán* (и *velikánsky*), *vesna* (словацк. *jaro*), *vesmír* («космос») (и *vesmírny*), *vzduch* (иногда *vozduch*), *vkus*, *žertva* (и *žertvovat'*) и др. Сюда же следует отнести многочисленные образования с первым элементом

blaho-: *blahodarný, blahosklonný, blahosklonnost', blahorodý, blahoslavený, blahoslavít', blahoslavenstvo* и т. п.

Все названные слова, войдя в словацкий словарь, с протяжением времени стали использоваться в нем в стилистических целях, приобретя по преимуществу торжественно-книжный и поэтический оттенок. Ср. примеры: *mier len c á r i l v mojej duši* (Я. Есенский); *to ani slnka, ani mesiačka jak v tej podzemnej m o h y l e* (Я. Ботто); *máte veľik á n o v, máte obrov* (С. Гурбан-Ваянский); *s útlost'ou silnou valčí n e ž n á s i l a* (А. Сладкович); *na večný p r e s t o l o n p r a v d u p o s a d í* (С. Халупка).

Для обозначения русских реалий в это время укрепились слова типа *bojar* («боярин»), *gubernia, kubitka, knut* или *knuta, kozák, rubel', stolica* («столица»), *veličestvo*.

§ 133. В шуруповскую эпоху (40-е годы XIX в.) русский язык продолжал играть роль источника, из которого словацкие писатели черпали необходимые им лексические средства. М. М. Годжа в 1848 г. писал: «Словак может и должен особенно хорошо усвоить русский язык со всеми его своеобразными звуками и лексическими выражениями. Нет сомнения, что от русского языка каждый получит большее удовлетворение, чем от любого другого иностранного языка. Всенародным органом славянства действительно является русский язык». Подобные соображения поддерживались также и своеобразным представлением романтически настроенной словацкой интеллигенции о месте родного языка в славянской языковой семье. Шуруповцы отводили словацкому языку центральное положение среди славянских языков, вследствие чего заимствования из русского языка рассматривались не только как вполне закономерное явление, но даже обязательное, укрепляющее межславянские связи и устраняющее чуждые влияния. Позднее С. Цамбель, впервые поднявший вопрос о русизмах в словацком литературном языке, писал следующее: «Словацкие деятели 40-х годов, имевшие своеобразное понятие о роли русского языка в кругу славянских, почти все были знакомы с русским языком. М. М. Годжа в своем «Ветине» считал обязанностью образованного словака немного научиться по-русски. Годжа, Л. Штур, Й. М. Гурбан, Герометта, Догнани... все читали русские книги, в известной мере познакомились с русским языком, благодаря чему было неволью положено начало тому характерному течению, которое можно назвать русификацией словацкого литературного языка» (1887). Шуруповское поколение, во-первых, сделало всеобщим употребление русских слов, заимствованных в предыдущий период. Во-вторых, в 40-е годы были заимствованы еще некоторые русские слова. К ним, в частности, относятся: *bratat' sa* («брататься»), *bylina* (от рус. *былина, былинка*), *bylinár* («ботаник»), *čínovník* («чиновник»), *čudo* (с прилагательными *čudný, čidesný*), *družina, дума* («дума»), *holubí (holubie*

nebo — «голубое небо»), *lampada*, *lík* («лик»), *lúč* (и *lúčový*), *následník*, *nástojčivý*, *nebosklon*, *obozrenie* («обозрение»), *odrad* («отряд»), *priemysel* («промысел, промышленность»), *priestranstvo* («пространство»), *priezračný* («прозрачный»), *poryv*, *prívet*, *privrženec* («приверженец»), *skazka*, *sočínok* (от рус. сочинение), *stroj* (например, *stroj jazyka*), *sudba* («судьба»), *tečenie*, *uprojený* («упоенный»), *vetrilá*, *vnešný* («внешний»), *znamenie*, *záštita* («защита»). Указанные слова также увеличили выразительные возможности высокого стиля, ср.: *už hviezdami plá nebosklon* (П. Гнездослов); *láme sa s udba odveká*. *Je ráno veku človeka* (Я. Костра); *triumf môj je tvoja pýcha . . . verš môj to je tvoja hudba, osud môj je tvoja sudba* (Я. Смерек). Последний пример особенно показателен, так как по-словацки *osud* имеет значение «судьба».

Среди слов, отражающих русские реалии, нужно отметить: *aul*, *azbuka*, *balalajka*, *bat'uška*, *blahorodie*, *dvoranin* («дворянин»), *kinžal*, *matuška*, *molodec*, *mužik*, *obština* или *občina* («община»), *propoved'*, *roznočinec*, *samojed*, *sarařan*, *sobol'*, *sopka*, *starešina* («старейшина»), *řakal*.

После поражения революции 1848 г. в Австрийской монархии усиливается реакция, среди словацкой интеллигенции распространяются взгляды реакционного славянофильства, всякое свободомыслие решительно пресекается. В эти тяжелые годы утрачивается вера в будущее, остается надежда лишь на вмешательство внешних сил, прежде всего царской России.

§ 134. Только в 60-х годах деятелям словацкой культуры удается создать свой культурный центр «Словацкую Матицу», однако и эта организация через несколько лет была разгромлена господствующими венгерскими кругами. В таких тяжелых условиях обращение словацких писателей и деятелей культурной жизни к русским заимствованиям стало формой оппозиции венгерскому национальному угнетению. Именно в таком контексте можно понять широкое привлечение русских слов Й. Заборским, В. Паулини-Тотом, Св. Гурбаном-Ваянским и другими словацкими писателями. Если ранее заимствования из русского языка не представляли чего-либо единого и замкнутого в семантическом или ином отношении, не имели общих моментов ни в своей функции, ни в причинах, обусловивших их использование, то в 60—80-е годы XIX в. происходит массовое привлечение в словацкую литературную лексику русизмов.

В связи с многочисленными переводами произведений русских писателей, публицистической и этнографической литературы в словацкий язык проникают названия многих специфических русских реалий: *balagan*, *barin*, *barža*, *beřmet*, *bliny*, *bolnica*, *briřka*, *burlak*, *řervonec*, *dařa*, *dengy* («деньги»), *dubinuřka*, *chútor*, *ikra*, *harmoř* и *harmořka*, *jamřčik* («ямщик»), *jurta*, *kartuz*, *katoržný*, *kavyl'*, *kvass*, *kolokol*, *kopejka*, *kulič*, *kumys*, *lapte*,

nahajka, národník, oblomoučina, obrok, peredvižník, prístav («пристав») (словацк. *prístav* — «пристань»), *pirog, samovar, soslovie, stanovoj, šaman, šašlyk, šuba, tajga, terem, tolstovec, trojka, tundra, učastok, versta*.

§ 135. Заимствование русских слов в словацкий литературный язык в прошлом и текущем столетии проходило в специфических условиях: носители обоих литературных языков не были непосредственными соседями в территориальном отношении, не входили они и в состав единого государства. Русские слова в указанное время проникали в словацкий язык в условиях индивидуального контакта, но контакта косвенного — посредством книжной продукции, прежде всего художественной, научной и публицистической литературы. Таким образом, больше всего русизмов в словацкий литературный язык проникло в последней трети XIX в.

Индивидуальный и часто непрямой контакт носителей словацкого языка с русской средой характерен и для более позднего времени — XX в., не только для периода между двумя мировыми войнами, но и для послевоенных лет. Когда же после возникновения Чехословацкой Социалистической Республики контакты между носителями словацкого и чешского литературных языков возросли, словацкий литературный язык в области лексики был уже относительно стабильным. Вследствие этого из русского языка в это время взяты лишь такие слова, которые отражают некоторые стороны социалистического общества, нового способа общественного производства, коммунистического мировоззрения и последних научных достижений.

§ 136. В связи со сложными историческими условиями заимствования русизмов и их последующей переоценкой попытаемся сопоставить русизмы конца прошлого века с русизмами, представленными в словацком литературном языке последних десятилетий. В кругу русских слов, заимствованных словацким языком за истекшее столетие, можно выделить несколько групп.

Первую группу составляют русизмы конца прошлого и начала текущего века, которые за указанное время в словацком литературном языке перестали употребляться. Здесь имеются в виду:

названия, обозначающие явления природы, названия мер, временных и пространственных отрезков: *strana, četvert', srok, bezdna*;

слова, связанные с познанием, умом, чувством, волей, сознанием, психикой, состоянием и действием, движением человека: *obrazec, zadača, východka* (от рус. *выходить*), *zrelišťe* («зрелище, представление»), *fatalitet, tolk, sostav, točka, apogeja* («апогей»), *obstojaťel'stvo, načalo, skudnosť, jedinstvo, sovest', obrabotka, rozdor, skuka, dobrodušie, eurpejničanie, vdochnovenie, vážničanie*,

upovanie, účasť, vŕozroĎenie, rukoplieskanie, blahohovenie, obrusenie («обрусение»), *napravenie, dviĎenie, blahotvorenie, vraĎda* («вражда»); наименования, характеризующие человека на основе его занятий и других признаков: *sprievodĉík, blahodejateľ, pokroviteľ, lubiteľ, kormilec, vol'nodumec, podlec, prišlec* («пришелец»), *chrabrec, gramotník, palomník, torgaš, gusar, blahoprijatný, carstvenný, dejstviteľný, modlopoklonnícky* («поклоняющийся идолам»), *nepoňatný, nerukotvorný, okonĉený, oruĎený* («вооруженный»), *ozlobený, mimoletný, inorodný, inozemný, inotvarný, inoslaviansky, jevrejský, vetchozákonnuý, umstvenný, udalý, vselenský, vselenná* («вселенная»), *vraĎí, vysokomerný, porfironosný, pridvorný, prvoklasný, razdolný, ĉutký, hromadný, krepostný, bezobrazný, bezmäteĎný, bezgramotný, rozdraĎiteľný, rozsuditeľný, gruppirovat', vlastvovat', velet', volnovat', prvenstvovat', rabolepstvovat', sipet, slavstvovat', soznávat, párit'* («парить, витать»), *osienit' sa, mudrstvovat', bohotvorit', ĉestvovat', podvrhnút' sa* («подвергнуться»), *predstát', beseda pošla* («беседа пошла, потекла»);

названия родственных и общественных отношений: *snacha, detušky, host'a* («гостья»), *molodeĎ*;

названия народов: *Amerikanci, Italci, Estlandci, Germanec, Europejec, Arijec, Kitajec*, собственное имя *Kirill*;

слова, связанные с жизненной обстановкой: *plošĉadka* («площадка»), *daĉa, hostinná, palata, balagan, izbuška, divánĉik, drapirouka, fontan*;

названия, связанные со средствами передвижения: *duha* («дуга»), *kolesnica, izvozĉík*;

общественно-политическая лексика, связанная с администрацией, армией, религией и т. п.: *vlast', hosudarstvo, medzicárstvo* («междуцарствие»), *hlavnokomandujúci, poveliteľ* (о Наполеоне), *podpraporĉík, karaul, broň, štyk, oddelenie, dengy, meĉet', kagal, synod, nebylica, skepter* («скипетр»), *imperia, agenstvo, borba* («борьба»), *kolpak, karteĉa* («картечь»), *vojenstvovat', vojín, vol'nica, ataka, gardijský, gardejský* («гвардейский»), *biskupia, cheruvín, chepuvínsky, ťurnal, výstavka, vupusk*;

неизменяемые слова (наречия, модальные слова, частицы, предлоги, междометия): *interesne, rozrušiteľ'no, bezuslovne, istinno, otryvisto, vperjod* («вперед»), *niet, v* в значении словацкого *do* (*všetci, šli v jedáleň, Rus vošla v Moskvu*), *po* в значении словацкого *podla* (*po umyslu umelca, silnejší po ume*), *v teĉení* в значении словацкого *cez* (*Germania rozdelená v teĉení století*), *dlĎno* (*d l ť n o hl'adat' vysvetlenie, do svidania*).

§ 137. Вторую группу составляют слова, которые в современном словацком литературном языке рассматриваются не как русизмы, а как устаревшие, книжные, поэтические, редкие и т. п. элементы:

названия, связанные с явлениями природы: *vesna* (поэт.), *výsota* (поэт., устар.), *struja* (поэт., архаич.), *podrostok* (устар.);

названия, характеризующие человека по его свойствам и качествам: *ľubimec* (книжн., устар.), *bratec* (поэт.), *dvihatel'* (устар.), *pokoritel'* (редкое), *devica* (поэт.), *korifej* (книжн.), *heroj* (поэт., архаич.), *genij* (устар.), *bohater* (книжн.), *avanturista* (немного архаич.), *vedma* («ведьма») (устар.), *hnet* («гнет») (книжн.), *chorovod* (устар.), *nábeh* (редкое), *polet* («полет») (книжн.), *trud* (книжн.), *um*, *umný*, *umník* (устар., книжн.), *vid* (книжн.), *smuta* (поэт.), *sud'ba* (книжн., архаич.), *krásota* (поэт.), *hluš* («глушь») (поэт.), *strojnost'* (устар.), *prelest'* (книжн.), *čern* (книжн.), *dielo* (устар.), *svojstvo* (несколько устар.), *blaženstvo* (устар.), *umilenie* (устар.), *veličie* (книжн., устар.), *vozdušie* (книжн., устар.), *čuma* (устар.), *vojenný* (устар.), *uverený* (устар.), *unylý* (книжн., устар.), *starinný* (устар.), *poslý* («пошлый») (книжн.), *nedvižný* (устар.), *lučezarný* (поэт., устар.), *korenný* («коренной») (устар.), *kalený* (книжн.), *jutrenný* («утренний») (поэт., устар.), *junný* (поэт., устар.), *dvižný* (устар.), *drievny* (архаич.), *zakl'učit'* (книжн.), *ubit'* (редкое), *tuchnúť* (книжн., устар.), *trudit'sa* (редкое, книжн.), *ševelit'* (книжн.), *stradat'* (книжн.), *ponímat'* (книжн.), *poňat'* (книжн.), *romilovat'* (книжн.), *nyť* («ныть») (поэт.), *dumat'* (поэт.), *besedovat'* (устар.);

слова, связанные с жизненной обстановкой: *dvorec* (устар.), *lampada* (книжн.), *trapéza* (книжн.), *trúbka* (устар.), *trojka* (лошадей);

общественно-политическая лексика типа *prestol* (книжн.), *dvoranin* (устар.), *dvorník* (истор.), *rab* (поэт.), *plien* (редкое), *vetrilo* (книжн.), *úkaz* (устар.);

неизменяемые слова (наречия, частицы, междометия): *nerвно* (устар.), *druh druhá* («друг друга») (книжн.), *urra* («ура») (устар.)

§ 138. Третью группу составляют слова, рассматриваемые в качестве русизмов и в современном литературном языке. Их можно разделить следующим образом:

названия явлений природы: *ruslo*, *vozduch* (книжн., устар.);

наименования человека с различных точек зрения: *bát'uška* (фамильярн., устар.), *matuška*, *mat'uška*, *devuška*, *melodec* (книжн.), *porovič* (устар.), *poklonnik* (книжн., устар.);

наименования состояний, действий, ситуаций: *úhroza* (поэт., устар.), *obstanovka* (книжн., устар.), *namerenie* (книжн., устар.), *obajanie* (книжн., устар.), *nastudenie* (книжн., устар.), *blahodat'* (поэт., устар.), *cárit'* (поэт., устар.), *bušovat'* (книжн.), *hulat'* («гулять»), *dejstvovat'* (книжн.), *ždat'* (книжн., устар.);

названия, характеризующие человека или предмет по их свойствам: *inostranný* (устар.), *inoplemenný* (устар.), *blahorodný* (поэт., устар.), *bezkoristný* (книжн., устар.), *iskrenný*

(книжн.), *nevynosný* («невыносимый») (книжн., редкое), *samodržavný, jarký* (книжн., устар.), *vozdušný* (книжн., устар.);

слова, обозначающие жизненные потребности человека и обстановку: *obščina, stolová* («столовая») (устар.), *papiroska, laura, kurhan, nahajka*;

общественно-политическая лексика: *cár* (устар.), *hosudar* (книжн.), *bárin, znat'* (устар.), *činovník* (книжн.), *obrad, šajka* (книжн., устар.), *sticha* (поэт., редкое), *skazka, poslovica* (устар.);

неизменяемые слова: *mašinalno* (редкое), *zdravstvuj* (междометие).

Четвертую группу составляют слова, которые по различным причинам уже не рассматриваются в качестве русизмов:

слова, обозначающие явления природы: *vesmír, luh* («луг»), *lúč, buran, príboj, fokus*;

наименования человека по его признакам: *deduško, bat'ko, následník, bujan*;

названия, связанные с познанием, психикой, состоянием, действием, качеством: *čuvstvo, bytie, rod, rozkol* («раскол»), *príhovor, kurz, lekcia, idol, beseda, besednica* («фельетон»), *chvastún, rozpoloženie, mätež, neha, údel, chrabrost', tišina, vodvorit'sa, ubit', sporit', rozlúbit'sa, prináležat', pokorit', obodrit', pohubit', napomínat', klonit'sa, celovat', brodit', verný, slávny, rezký, pokojný, krutý, krepký, holubi, čudesný, humanný, dŕžavný, nepokojný, nedružný, mnohol'udný, blahodarný*;

слова, обозначающие явления и предметы, окружающие человека: *vodomet, mohyla, hrobnica, ucha, kotletka, ikra*;

общественно-политическая лексика: *dŕžava, дума, vlast', učilište, konník, matrós* (устар.), *maják, kormidlo* («кормило»), *žurnál*;

неизменяемые слова: союз *no*, частица *prосто*, наречие *nástojčivo*, предикатив *nádobno*.

Пятую группу составляют русские слова, связанные с новыми общественными явлениями, возникновением социалистического общества, нового способа производства и жизни вообще. Здесь можно выделить:

названия, связанные с государственным устройством и новыми учреждениями: *Soviet* («совет»), *politbyro* («политбюро»);

слова, связанные с борьбой за новое социалистическое общество: *krasnoarmejec, krasnogvardejec, bielogvardejec, bolševik, menševik, automatčik, rozviedčik, rozviedka, komisár, kulak, politruk*;

наименования, отражающие новые формы общественного производства: *kolchoz, souchoz, chozrasčot, zveno, kolektivizácia, перман, päťročnica* (калька) («пятилетка»), *artel* («артель»), *stachanovec, mičurinec, sobotník* («субботник»);

наименования, связанные с пролетарской идеологией, культурой и жизнью: *proletkult*, *robkor* («рабкор»), *fyzkultúrnik*, *pionier*, *komsomolec* и *komsomol*, *agitprop*, *kultprop*, кальки *nástenné noviny* («стенная газета»), *bleskovka* («молния») (о газете);

лексика, отражающая новейшие достижения советской науки и техники: *sputnik*, *luník* («лунник»), *lajka*, *lunochod*.

§ 139. Из распределения русских слов по существу на пять тематических групп (природа, человек, жизненные условия, общественное производство, надстроечные элементы) следует два вывода:

1. В досоциалистический период развития словацкой нации, когда лексика словацкого литературного языка еще не была в достаточной мере нормализована, из русского языка заимствовались преимущественно слова, связанные с жизнью человека и ее условиями.

2. При социализме, когда словацкий литературный язык завоевал прочные позиции во всех областях жизни и когда был нормализован его словарный состав, русские слова заимствуются главным образом из области лексики, отражающей формы общественного производства и надстроечные категории.

В последние десятилетия научное изучение словацкого языка продвинулось далеко вперед. Многие сделано в области истории словацкого языка и исторической диалектологии. Однако основное внимание словацких лингвистов было сосредоточено на систематическом, с учетом достижений современного языкознания, исследовании современного словацкого языка (морфологии, словообразования, проблем синтаксиса, вопросов правописания, терминологии, культуры речи, лексикологии и лексикографии).

§ 140. В области исторического изучения словацкого языка наиболее важным событием было появление «Истории словацкого языка» (введение, историческая фонетика, историческая морфология и хрестоматия), принадлежащей профессору университета им. Коменского в Братиславе Я. Станиславу. По фундаментальности, богатству исследуемого материала, извлеченного как из памятников письменности, так и из народных говоров, этот труд является после окончания войны самой крупной работой по истории одного из славянских языков, отражая не только уровень достигнутого в изучении истории словацкого языка, но и обогащая славистику вообще.

Прежде история чешского и словацкого языков обычно освещалась недифференцированно. Это относится прежде всего к работам Я. Гебауера и Фр. Травничка. Травничек, привлекая к рассмотрению ценный словацкий диалектный материал, разделял политическую концепцию своего времени, состоявшую в признании существования единого чехословацкого народа и соот-

ветственно языка, который якобы выступает лишь в двух литературных вариантах — чешском и словацком.

В русской лингвистической литературе словацкому языку (со времен Бодянского и Срезневского) всегда отводилось самостоятельное место в кругу славянских языков. Так поступил и Т. Д. Флоринский в своих «Лекциях по славянскому языкознанию», встретив энергичные возражения со стороны историков чешского языка (И. Поливка, Ф. Пастрнек, В. Вондрак), указывавших на лингвистическую непрерывность в чехословацкой языковой области и отсутствие четко выраженных границ между территориями распространения обоих языков. Между тем для языкового обособления не столь важны дифференциальные языковые признаки и даже их совокупность. Определяющим моментом при этом выступают общественно-политические факторы, наиболее четко проявляющиеся в национальном самосознании. А. М. Селищев также рассматривал словацкий язык в качестве самостоятельной языковой единицы, хотя по соображениям методического порядка и излагал исторические факты словацкого языка параллельно чешским.

Я. Станислав начал свою научную деятельность подобно большинству словакистов с диалектологии. В 1932 г. появилась его монография «Липтовские говоры». В 1938 г. он издает «Чехословацкую грамматику» с историческим комментарием. Его научные интересы все более сосредоточиваются вокруг вопросов кирилло-мефодиевской традиции в Словакии, славянской древней топонимии в дунайских областях и славяно-венгерских языковых отношений. Своеобразным итогом этих разысканий явилась двухтомная монография «Словацкий юг в средние века» (1948), в которой содержится большой материал топонимического характера, хотя лингвистические критерии отнесения его к той или иной этнической группе не всегда убедительны.

«История словацкого языка» родилась на основе университетских лекций. Автор пишет: «Большой интерес студентов и их постоянные просьбы издать словацкую историческую грамматику привели к тому, что этот труд выходит прежде, чем изучены все возможные письменные памятники. Я поступаю так вполне сознательно, чтобы создать молодым работникам базу, на которую они могли бы опереться в своей последующей работе» (т. I, с. 22). Я. Станислав издал также курс исторического синтаксиса.

Введение содержит обзор источников истории словацкого языка, замечания о различных системах правописания в эпоху раннего средневековья, периодизацию истории языка. Далее следует изложение первых известий о славянах, замечания о происхождении и прародине славян. Несколько разделов посвящено лингвистическим и культурно-историческим доказательствам наличия словацкого этнического элемента в таких областях, как Паннония, верхняя и средняя Тисса, а также характери-

ке культурного языка в древней Словакии. Введение завершается обзором словацких диалектных групп и сведениями об их взаимоотношениях.

Основным источником для суждений о фонетической структуре древнесловацкого языка являются топонимические и личные имена в латинских грамотах, принадлежащих венгерским королям или духовным магнатам. Позднее, с конца XIV в., появляются чешские памятники, указывающие на словацкую языковую среду. Именно с этого периода Я. Станислав тщательно отграничивает словацкие фонетические и грамматические особенности от чешских, опираясь на показания современной диалектологии, и именно это отграничение позволило ему создать свой курс. В периодизации истории словацкого языка автор исходит не из лингвистических, а их общественно-исторических факторов. До XI в., по его мнению, существовал надплеменной союз моравско-словацких племен, элементы языка которого и проникали в язык старославянских памятников. Особенности языка великоморавской народности извлекаются не только из старославянских памятников, но также из венгерской лексики, заимствованной из Моравии, и Цивидальского евангелия, на котором записывали свои имена моравские и паннонские паломники в северо-восточную Италию в VII—IX вв. Эпоха феодализма (XI—XV вв.) — второй этап развития словацкого языка. Период с XVI в. до конца XVIII в. — это третий период, связанный с ростом городов и усилением влияния городского элемента. С конца XVIII в. начинается новый период истории словацкого языка.

В изложении путей расселения славян и взаимоотношений отдельных славянских диалектов Станислав опирается на работы польских языковедов и историков — Лер-Сплавинского, Чекановского и Мошиньского. Спорным представляется раздел, посвященный средневековой словацкой этнической территории, в частности путям развития среднесловацкой диалектной группы. В изложении чувствуется скрытая полемика с теми венгерскими лингвистами (прежде всего с Шт. Кнежей), которые полагают, что Паннония была заселена южнославянскими племенами. Многие материалы и замечания авторы о западнославянском характере населения Северной Паннонии представляют большой интерес. Что касается Моравской области и особенно территории за Белыми Карпатами, то в западнославянском населении этой области трудно сомневаться, однако позднейшие немецкие поселения, турецкий погром и моравская колонизация резко изменили состав населения и его языковые особенности. Все попытки словацких лингвистов, в том числе и Станислава, доказать среднесловацкий характер языка древнего населения в этой области пока носят гипотетический характер.

Весьма убедительно выглядит раздел о богемизмах в старославянских памятниках. Автор собрал ценный материал лексического и фонетического характера, который позволяет более

наглядно представить возникновение моравского культурного языка и судьбы последнего в кирилло-мефодиевскую эпоху.

Раздел исторической фонетики распадается на две части; первая посвящена фонетическим явлениям, относящимся к эпохе диалектного членения праславянского языка, и содержит материал, указывающий на словацкие особенности так называемой доисторической эпохи. Во второй рассматривается исторический период в истории гласных, согласных, ударения и количества. Изложение материала дается в традиционном плане, когда каждый звук разбирается обособленно, показываются происшедшие изменения и конечные рефлексy в разных диалектных группах в своих и заимствованных словах (с субституцией) с конца X в. до современности. Скрупулезно отмечается передача того или иного звука в древнейших записях, дается трактовка орфографических фактов, указываются особые случаи, а также развитие в чешском языке с констатацией эвентуального влияния на словацкий.

Второй том книги целиком посвящен исторической морфологии. Он складывается из разделов о склонении, спряжении и неизменяемых словах. Перед каждым разделом дается обзор общих тенденций словацкого склонения или спряжения.

Третий том содержит тексты. Основным критерием отбора текстов было наличие в них характерных словакизмов. Важно отметить, что 15 текстов из 42 публикуются впервые.

Как видим, славянское языкознание теперь располагает обобщающей работой по истории словацкого языка. После ее появления стала особенно ясна необходимость дальнейшего углубленного изучения словацких памятников как литературного, так и нелитературного характера, а также изучения словарного состава словацкого языка до XVIII в.

§ 141. Вторым важным трудом по истории словацкого языка является монография профессора того же университета Е. Паулини «Фонологическое развитие словацкого языка», построенная на иных методологических основах, чем «История словацкого языка» Я. Станислава. Автор опирается на положения Пражской лингвистической школы, во многих случаях новаторски разработанные на словацком языковом материале Л. Новаком. Развитие фонологической структуры прослеживается во временном (отдельные периоды, исторические срезы) и географическом (по отдельным диалектным группам) аспектах. Часты сопоставления с чешским и польским языками. Е. Паулини исходит в основном из показаний современных говоров, данные которых с учетом соотносительной хронологии и неравномерности фонетических изменений в отдельных словацких диалектных группах ретроспективно переносятся в более ранние эпохи. В ряде случаев довольно убедительно вскрываются структурные причины языковых изменений.

Паулини намечает четыре хронологических среза в истории словацкой фонологической системы. Изложение начинается с характеристики словацкого языка до X в. Уже для этой эпохи предполагается членение словацких диалектов на западную, среднюю и восточную группы. Древний среднесловацкий диалект занимал особое положение, обладая рядом специфических особенностей, сближающих его с южнославянскими языками. Эти особенности следующие: 1) изменение $*ch > s$ по второй палатализации; 2) изменение циркумфлексных $*ort-$, $*olt-$ в $rat-$, $lat-$; 3) изменение $*dl$, $*tl > l$; 4) форма 3-го лица множественного числа sa от глагола $byti$; 5) форма 1-го лица множественного числа настоящего времени глаголов на $-mo$.

По мнению автора, эти факты и некоторые другие словацкие фонетические явления свидетельствуют о членении чехословацкой группы на западную и восточную области еще до X в. Следующий этап охватывает X—XI вв., когда произошло падение слабых и вокализация сильных редуцированных, деназализация, стяжение, отверждение некоторых согласных, ритмическое сокращение долгот и т. д. В XII—XIII вв. происходит изменение $g > h$, ассимиляция зубных согласных, изменение $\omega > u$, а также дифтонгизация долгих гласных. К XV в. были завершены основные фонетические изменения, характеризующие отдельные диалектные группы, и начинается процесс интеграции диалектов.

Ценной стороной этого исследования является последовательный учет системной связи между отдельными фонетическими явлениями и пристальное внимание к причинной обусловленности одних явлений другими.

§ 142. История словацкого литературного языка, общественно-лингвистические условия его возникновения, роль отдельных кодификаторов (А. Бернолака, Л. Штура) его норм всегда привлекали словацких языковедов. Обобщающим трудом по истории словацкого литературного языка явился вузовский учебник Е. Паулини «*Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra*» (1966). Концепция этого курса выгодно отличается от книги того же автора «*Dejiny spisovnej slovenčiny*», вышедшей в 1948 г., пристальным обращением к общественно-культурным особенностям изучаемых исторических периодов, более объективной оценкой роли церкви в культурном развитии словацкого общества и использованием марксистских принципов периодизации истории языка. Для периода X—XII вв. отмечается затухание великоморавской традиции и указываются элементы использования родного языка при господстве латыни во всех общественно значимых областях. Для XIII—XIV вв. характерны попытки использования родного языка в городских и феодальных кругах, а для XV в.— проникновение в Словакию чешского языка, становящегося литературным языком словацкой народности. Культурные языки словацкой народности, разви-

вающиеся в XVI—XVIII вв. на западе, востоке и в центре словацкой территории, находят закономерное выражение сначала в бернолаковском языке западнословацкого типа и затем в штуровской кодификации среднесловацкого койне, ставшего основой современного словацкого литературного языка.

Языковедческая деятельность А. Бернолака (1762—1813) получила историко-культурное освещение на конференции, организованной Институтом истории Словацкой АН в связи с 200-летием со дня его рождения. В 1964 г. были изданы его филологические труды в латинском оригинале со словацким переводом («Gramatické dielo Antona Bernoláka»). Свои многочисленные работы по изучению языка Бернолака и его окружения К. Габовштякова завершила обобщающим трудом «Bernolákov jazykovedné dielo» (1968).

Языку словацких будителей П. Шафарика и Я. Коллара посвятил свою монографию Шт. Тобик — «Šafárikov a Kollárov jazyk. Príspevok k vývinu českého a slovenského spisovného jazyka v období národného obrodenia» (1966). Многогранная деятельность Л. Штура (1815—1856) получила освещение на конференции Института истории Словацкой АН, проведенной в связи со столетием со дня его смерти в 1956 г. — «Ľudovít Štúr. Život a dielo. 1815—1856. Sborník materiálov z konferencie Historického ústavu Slovenskej akadémie vied» (1956). Важными фактами явились также переиздание языковедческих работ Штура («Slovenčina naša», 1957), издание его корреспонденции («Listy Ľudovíta Štúra», I—III, 1954—1960), издание по рукописи полемической брошюры Ц. Зоха «Slovo za slovenčinu» (1958), а также фототипическое переиздание первой газеты на словацком языке «Slovenskje národňje novini» (1845—1948) с литературным приложением «Orol tatránski» (1956) и первого словацкого журнала «Slovenskje pohľadi na vedi, umeňja a literatúru» (1846—1852). Конкретной работой о стиле Я. Калинчака является книга М. Ивановой-Шалинговой «Príspevok k štýlu Štúrovskej prózy Štýl prózy Jána Kalinčiaka» (1964).

Словацкий литературный язык второй половины XIX в. и язык словацких писателей-реалистов изучен недостаточно. Поднимались лишь отдельные вопросы в связи с ролью «Словацкой Матицы» в истории словацкой литературы. Язык и стиль Мартина Кукучина подвергался анализу на специальной конференции, материалы которой опубликованы в сборнике «Jazykovedné štúdie», V, 1960.

§ 143. Наиболее характерные тенденции развития словацкого литературного языка с 1918 по 1968 г. нашли яркое отражение в книге Й. Ружички «Spisovná slovenčina v Československu» (1970). В развитии словацкого литературного языка после 1918 г. автор различает два этапа. Первый охватывает 20-е и 30-е годы; второй начинается с 40-х годов и характеризует современный

словацкий литературный язык. В период между двумя мировыми войнами литературный язык (в письменной форме) быстро распространяется среди широких слоев населения, приобретая новые общественные функции. Подготовка к функциональному расцвету литературного языка требовала кодификации лексико-синтаксических норм, которые отсутствовали в Мартинский период. Стремление сторонников чехословацкого языкового единства (В. Важный) сознательно поддерживать в словацком языке элементы, сходные с чешскими, и элиминировать традиционные «самобытные» черты, отличающиеся от чешских фактов, приобрело политический резонанс. Ю. Фучик писал в 1932 г. о борьбе вокруг «Правил словацкого правописания», разработанных Важным: «Авторы Правил в этой борьбе сознались, что ими руководило единственное стремление: «объединить» словацкий язык с чешским. Борьба усиливалась и крепла. Сотни тысяч людей, которые говорили по-словацки, не задумываясь о своем языке, вдруг поняли, что его кто-то хочет изменять, исправлять, удалять от живой народной речи и сближать с языком, которым пользуются другие». В 1932 г. возникает пуристически ориентированный журнал «Slovenská geč», а «Словацкая Матица» становится законодательницей языковой практики. Несмотря на отдельные крайности, к 40-м годам словацкий литературный язык получил стабильное правописание, были кодифицированы формальные компоненты языка устранением избыточных дублетов, укрепились основы его лексического состава, были созданы специальные и научный стили, возникла устная форма литературного языка. При социализме словацкие лингвисты получили невиданные прежде возможности для своей работы. Наиболее полным и распространенным описанием грамматического строя словацкого языка является «Словацкая грамматика» Е. Паулини, Й. Ружички и Й. Штольца. В настоящее время действуют правила правописания, установленные в 1953 г., — «Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom» (имеется 10 изданий). Словацкая орфоэпия содержится в названных правилах и более подробно изложена в книжке Я. Станислава «Slovenská výslovnost. Príručka pre umelcov a iných verejných pracovníkov» (1953). Фонологическая структура словацкого языка в духе Пражской школы описана Е. Паулини в книге «Fonológia spisovnej slovenčiny» (1961, 2-е изд., 1968).

Результатом коллективной работы явился выход в свет в 1966 г. капитального труда «Morfológia slovenského jazyka», который отличается цельностью концепции, широтой привлеченных фактов и является едва ли не самым полным описанием частей речи, переходных явлений и инвентаря формальных средств одного из славянских языков.

В настоящее время словацкие лингвисты усиленно работают над проблемами синтаксиса.

§ 144. Огромная работа проделана в области лексикологии, лексикографии и упорядочения терминологии. Здесь следует указать на завершение издания «Большого русско-словацкого словаря» (т. I—V, 1960—1970) и на издание целой серии терминологических словарей по различным областям знания. Принципиальные положения терминологической работы нашли отражение в книжке Я. Горецкого «Základy slovenskej terminológie» (1956). Однако самым важным событием для словакистики был выход «Slovníka slovenského jazyka» в шести томах (1959—1968) под редакцией Шт. Пециара. Прежде лексика словацкого литературного языка не имела столь подробной лексикографической обработки. Имевшиеся словари были очень неполные, а часто не доводились до конца. Таким образом, «Словарь словацкого языка» явился первым полным толковым словарем словацкой лексики с нормативно-стилистическим уклоном. Создатели его впервые должны были решить многие вопросы — от выработки концепции словаря до отношения к языковой традиции и стилистической оценки слов. Общественно-политическая ситуация 50—60-х годов, связанная с выдвигавшимся тогда постулатом о необходимости сближения словацкого и чешского языков, наложила свой отпечаток на оценку некоторых слоев лексики словацкого литературного языка. Прежде всего бросаются в глаза две его особенности:

1. Многие слова квалифицируются в качестве народных, диалектных, областных, хотя они являются общенародными и литературными. Ср., например, *Amerikán* («американский словак»), *apatéka* («аптека») и *apatekár* («аптекарь»), *asentírka* («мобилизация») *bán* («просека»), *bantovat'* («морочить голову»), *barnavý* («коричневый»), *belčov* («колыбель»), *bosoráčit'* («колдовать»), *cárok* («хлев»), *ciagel'* («сосулька»), *dohán* («табак»), *duchna* («перина»), *dúl* («падеж скота») и др.

2. Многие чешские по происхождению слова отмечены как книжные устаревшие или просто книжные слова, причем они сопровождаются примерами из произведений классиков словацкой литературы XIX в. Укажем здесь некоторые из них с соответствующим словацким эквивалентом: *bezvadný* («безукоризненный»), ср. *bezchybný*; *bitva* («битва»), ср. *boj*, *bitka*, *zápas*; *bitevný* («боевой»), ср. *bojový*; *blábolit'* («лепетать»), ср. *blabotat*; *blbý* («идиотский»), ср. *slabomysel'ný*, *idiotský*; *bojácny* («боязливый»), ср. *bojazlivý*; *červánky* («зори»), ср. *zore*; *čiperný* («бойкий, проворный»), ср. *bystrý*; *čulý*, *rezký*, *šikovny*; *delník* («рабочий»), ср. *robotník*, *pracovník*.

При разноречивых оценках этого труда были выдвинуты три проблемы, которые нуждаются в исследовании: 1) взаимоотношение лексики литературного языка и диалектной лексики; 2) взаимодействие лексики литературного и разговорного языка и 3) отношение к лексическим элементам отдельных писателей, в особенности XIX и начала XX в.

В декабре 1966 г. состоялась конференция, посвященная проблемам культуры словацкой речи. Конференция приняла «Тезисы о словацком языке», составленные Й. Ружичкой. В них отмечено, что современный словацкий язык охватывает период с 1945 г. по настоящее время; что это самостоятельный славянский язык, используемый словацкой нацией, живущей с чехами в одном государстве на началах равноправия; что недостатки в структуре литературного языка, ощущаемые на практике и устанавливаемые научным анализом, следует устранять в духе внутренних закономерностей развития словацкого языка.

Ведущие словацкие лингвисты анализируют важнейшие проблемы современного языкового развития и стремятся применить результаты научного изучения к решению практических проблем языковой культуры. Многие теоретические статьи предназначены для учителей словацкого языка в средней школе и имеют целью повышение научного кругозора этих последних. Они касаются проблем общего языкознания, характеристики отдельных уровней языка, стилистики, культуры речи и методики обучения родному языку.

В 1973 г. была завершена серия критических заметок о первом томе «Словаря словацкого языка» и подведены итоги обсуждения. В выводах следует выделить два момента, важные для дальнейшей лексикографической практики: 1) в «Словаре словацкого языка» многие слова литературного языка незаконномерно снабжены пометами: диалектное, областное, народное, что не соответствует языковой реальности и выводит эти лексемы за пределы литературного языка, 2) в словаре многие богемизмы квалифицировались в качестве устаревших слов, ибо авторы словаря опирались преимущественно на данные беллетристики — произведения словацких писателей XIX — начала XX в. Оценка «устаревшее» в подобных случаях неуместна, она обязана диахронному подходу, эти слова давно стали нелитературными.

Закономерно, что языковеды стали уделять много внимания проблемам орфоэпии, стилистики, соотношению литературного языка с другими разновидностями общенародного языка, конфронтации лексических систем словацкого и чешского языков, возникновению новых слов, обусловленному развитием общества. Обращение к проблемам орфоэпии вполне актуально, так как вызвано не только выдвижением на первый план устной формы речи, но и сильным влиянием носителей западнословацких и восточнословацких диалектов, которые еще не владеют орфоэпическими нормами литературного языка, базирующимися на среднесловацкой языковой основе. С 1974 г. публикуется серия статей фонетиста А. Краля с целью орфоэпического воспитания говорящих с изложением конкретного материала словацкой фонетики. В этом заметен переход лингвистов от критики

ошибок (языковой терапии) к их предупреждению. Наряду со стилистическими нормами и статьями по литературному построению синтаксических конструкций большое внимание отводится проблемам лексикологии, в частности терминологическим системам и статусу заимствованных слов. Подчеркивается роль двух мировых языков — русского и английского, за которыми следуют другие языки, заимствуя новые лексические элементы или калькируя их, в частности русские образцы. В ряде материалов подчеркивается необходимость покончить с пуристическими тенденциями, излишним словотворчеством, боязнью заимствованных слов.

Особенно актуально прозвучала перепечатка статьи Лацо Новомеского, относящаяся к 1935 г., «К проблемам развития словацкого литературного языка», в которой автор выступает против использования в языковой культуре националистических тенденций (чехофильство и чехофобство) и настаивает на научном подходе к словацкому литературному языку. Большое внимание уделяется языку молодежи, а также отношению молодого поколения к родному языку, подчеркивается, что новое поколение редакторов книжных публикаций и периодики в языковых привычках отличается от прежнего, испытавшего влияние пуристов.

§ 145. Словацкий язык составляют три диалекта: западнословацкий, многие черты которого близки соседним моравским говорам чешского языка, среднесловацкий — диалектная основа современного литературного языка, восточнословацкий, отдельные говоры которого свидетельствуют о польском или украинском влиянии.

Наиболее характерными признаками обладает среднесловацкое наречие. Отметим: 1) наличие сочетаний *ra-*, *la-* (из **ort-*, **olt-* под нисходящей интонацией), отличающихся от других западнославянских языков, но близких соответствующим южнославянским фактам: например, *ražeň*, *rast'em*, *laket'* при зап.-словацк. *rožeň*, *rostem*, *loket'*, польск. *rožen*, *rosnę*, *lokietć* и т. п.; 2) изменение сочетаний *šč* в *št'*: *ešt'e*, *št'asliví*, ср. зап.-словацк. и вост.-словацк. *ěšce*, *ščasliví*, польск. *jeszcze*, *szczęśliwy*; 3) изменение *v* в закрытом слого в неслоговое *u*: *kriuda*, *stau*, *оуца*, ср. зап.-словацк. и вост.-словацк. *kriuda*, *staf*, *оfca*; 4) формы глаголов настоящего времени с дифтонгом *ie*: *vedieš*, *vedie*, *nesieš*, *nesie*, ср. зап.-словацк. *vedeš*, *vede* и т. д.

Восточнословацкое наречие характеризуется: 1) отсутствием долгих гласных; 2) ударением на предпоследнем слого; 3) мягким произношением согласных *s*, *z* перед гласными *e*, *i*: *s'eno*, *s'edlo*, *z'ima*, *z'ec*; 4) наличием групп *ar*, *er*, *ir*, *ol*, *ul*, *il* в соответствии слоговым *l*, *r* в других словацких наречиях: *tarhac*, *zarno*, *verch*, *verba*, *polni*, *vilk*; ср. среднесловацк. *trhat'*, *zrno*, *vrch*, *vřba*, *plný*, *vlk*, польск. *targać*, *ziarno*, *wierzch*, *wierzba*,

petny, wilk; 5) изменением *t', d'* в *s, dz*: *dzeci, dzevec, dzeň, ceški, robic*; ср. среднесловацк. *deti, devät, deň, t'ažký, robit'*.
Большая часть этих особенностей сближает восточнословацкое наречие с польским языком.

Тексты

Ján Botto

SMRT' JÁNOŠÍKOVA

(отрывок)

Horí ohník, horí na Král'ovej Holi.
Ktože ho nakládol? — dvanásti sokoli.
Dvanásti sokoli, sokolovia bieli,
Akých ľudské oči viacej nevideli!
Dvanásti sokoli, sokolovia Tatier,
Akoby ich bola mala jedna mater;
Jedna mater mala, v mlieku kúpavala,
Zlatým povojničkom bola povíjala.
To sa chlapci, to sa ak oltárne sviece,
Keď idú po háji, celý sa trbliece.
Košiel'ky zelené, striebrom obrúbené,
Klobúčky obité, orlom podperené;
Valaška, karabín a pištoliak dvoje:
To sa chlapci, to sa, potešenie moje! —
Keď vatru rozložia na hronskom pohorí:
V dvanástich stoliciah biely deň zazorí:
A keď si od zeme chlapci zadupkajú:
Dvanástim stoliciam žilky zaihrajú.
Hoj a keď nad hlavou palošík im blisne:
To až hen v Budíne srdce pánom stisne!
Hory, šíre hory — to ich rodné dvory,
Hole, sivé hole — to ich volné pole —
A na tom Kriváni zámok murovaný:
Ktože tým pod slnkom volne žit' zabráni?!
Od Tatier k Dunaju ľudia si šepkajú:
Ber, pane, tie dane, však príde rátanie.
Ber, vlčko, však ty to zaplatíš raz kožou!
Nezvieš z klad', iba keď zblisne dvanást' nožov:
«Stoj! tisíc hrmených!» — vyskočia desiati —
«Stoj! — daj Bohu dušu a chlapcom dukáty!»
Nad hlavou paloše, na prsiach pištole:
«Sem, pane, tie zdrané slovenské mozole».

DREVENÁ DEDINA

(отрывок)

Jurko od Šechnára pretrel si oči a s podivením zistil, že sa prebudil prv, než je slušné a spravodlivé. Izba je ešte plná tmy. Obrisy nábytku ledva z nej vystupujú. A uličné obloky sú také zabel'mené, že raz nevedno, čo je za nimi. Možno sa do nich stále ešte pchá sivá nočná temnota, ale bude asi tak, že sa to už na ne dorýva hustá ranajšia hmla.

Chlapec za v duchu zadiví, že ho nenadáva zlost' na otca. Ten, kedykoľvek ho zobúdzá, vypustí zo seba všetko milosrdenstvo. Spomenie si však, že odišiel na vojenskú furmanku, kam ho vyduril predseda MNV, nadbajúci na jeho výhovorky, že sa od prechodu frontu nemôže — hýbat'.

Chlapca prekvapí aj to, že ho nezobudila mat'. Počuje ju zhlboka oddychovať v protil'ahlom kúte izby, kde v neprítomnosti otcovej spáva s ich Markou. A Marka je Jurkova staršia sestra. Pre ňu by mohol spať v jenom kuse aj tri dni.

(František Hečko.
Drevená dedina. Bratislava, 1953, s. 7)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

K a j a n o v á - S c h u l z o v á O. Úvod do fonetiky slovenčiny. Bratislava, 1970.

K r a j č o v i č R. Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1971.

Kultúra spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1967.

Morfológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1966.

P a u l i n y E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.

P a u l i n y E., R u ž i č k a J., Š t o l c J. Slovenská gramatika. Martin, 1969.

P a u l i n y E. Fonológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1961.

P a u l i n y E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1971.

Pravidlá slovenského pravopisu. Bratislava, 1971.

S t a n i s l a v J. Dejiny slovenského jazyka. I—V. Bratislava, 1956—1973.

V á ž n ý V. Nářeči slovenská. Vlastivěda. III. Praha, 1934.

II

Slovník slovenského jazyka. I—VI. Bratislava, 1959—1968.

Slovensko-ruský prekladový slovník. I—II. Bratislava, 1950—1957.

Vel'ký rusko-slovenský slovník. I—V. Bratislava, 1960—1970.

§ 146. Лужицкие сербы представляют собой потомков западных славян, занимавших в прошлом территории между Одрой и Эльбой и подвергшихся германизации. Они говорят на двух довольно резко отличающихся друг от друга диалектах: верхнелужицком и нижнелужицком, в связи с чем и существуют соответствующие два литературных языка. Кроме того, следует отметить наличие восточнолужицкого (мужаковского) диалекта.

Письменность на обоих лужицких языках возникла в XVI в. в связи с реформацией и носила вплоть до XIX в. религиозный характер. Литературному развитию способствовало вхождение Лужиц в состав чешского государства XVI в. Языковые различия и религиозные распри между верхними лужичанами (католики) и нижними (протестанты) обусловили появление двух литературных языков. С переходом в XVII в. Лужиц к Саксонии и прекращением непосредственных связей с Чехией германизация этого края пошла ускоренным темпом.

В XIX в. получил развитие верхнелужицкий язык в связи с возникновением национального движения у лужичан, особенно верхних. Следует отметить в этой связи деятельность поэта и составителя верхнелужицкой грамматики А. Зейлера (1804—1872), Я. Смолера (1817—1884) и М. Горника (1833—1890). Смолер собрал и издал лужицкий фольклор, был основателем «Сербской Матицы» (1847). Горник составил историю лужичан и руководил их культурным движением. В этот период пасторы и учителя собирали народные песни, сказки и легенды, издавали материалы для словаря и грамматики, разыскивали памятники древней письменности. «Матица» издавала свой журнал, ряд газет и сочинения назидательного содержания для народа. Наиболее крупными поэтами были Я. Барт-Цишинский и М. Косык. К концу века относится деятельность языковеда Э. Муки.

Хуже обстояло дело у лужичан нижних, входивших в состав Пруссии, где уже в 1714 г. было запрещено преподавание родного языка, а в 1731 г. лужичане, не владевшие немецким языком, были лишены всех прав. Однако все попытки литературного и языкового объединения оказались безуспешными. Гитлеровцы разгромили культурные учреждения лужичан и стремились подвергнуть их физическому истреблению. В настоящее время верхние лужичане входят в состав земли Саксония, где центром их является Будышин (нем. Баутцен), а нижние живут в земле Браидеибург вокруг г. Хотебуза (нем. Коттбус). В 1947 г. правительство ГДР предоставило лужичанам культурную автономию, в соответствии с которой они получили возможность развивать свою культуру, издавать книги и газеты, ввести школьное преподавание родного языка и развернуть деятельность своей культурной организации «Домовина».

§ 147. Графика у лужичан латинская. Для верхнелужицкого языка характерны следующие нововведения: *č = ч, š = ш, ž = ж*; *ě* служит для передачи старого «ять» (*chlěb*); *ó* означает лабиализованное *o*: *módry* («голубой»); *t* — л твердое; *h* — гортанный; *ć, dź, ř*: *hósć* («гость»), *džeń* («день»), *křidło* («крыло»). Мягкость согласных в закрытом слогe обозначается надстрочным знаком, а в открытом слогe — написанием *j* после согласного: *dłoń* («ладонь»), *zemja* («земля»). В нижнелужицком языке, кроме отмеченного, употребляется еще *ś* (вместо в.-луж. *ć* и *ř* после *k, p, t*): *gpaś* («гнать»), *psijašel* («друг»), *ź* (вместо в.-луж. *dź*); перед гласными заднего ряда начального слога пишется *h*: *hoko* («глаз»); *g* — взрывной звонкий. Мягкость согласных передается как в верхнелужицком, но надстрочный знак употребляется также при мягких согласных перед *e* и над *r, n* перед гласными заднего ряда: *ńebjo* («небо»), *kuřawa* («туман»). В области фонетики к общелужицким явлениям относятся: утрата количественных противопоставлений у гласных; фиксированное ударение на первом слогe слова; изменение *o* в *u*; изменение *ě* в ударенном слогe в *je* (графически *ě*), а в неударенном — в *e*: *město* («город»), в.-луж. *njedźela* — («воскресенье»); изменение *e* перед твердым согласным и в конце слова в *o*: *žona, morjo*; изменение *r'* после *k, p, t* в *š*; развитие при мягких *t, d* свистящих *s, z*.

Различия включают: замену *g* посредством *h* в верхнелужицком и сохранение *g* в нижнелужицком; различную вокализацию *ǝ* (в в.-луж. *o* перед твердыми согласными и *e* перед мягкими, в н.-луж. всегда *e*); различные рефлексy *e* (в в.-луж. *a* перед твердым и *e* перед мягким согласным: *jazyk, dźewjeć* — («девять»), в н.-луж. *je* под ударением и *e* вне его: *jězyk, zew'eś*); различные замены сочетаний редуцированных с плавными: в.-луж. *twjerdy, hordy, tolsty*, н.-луж. *twardy, gjardy, tłusty* и т. д. Ряд явлений верхнелужицкого языка свидетельствует о его былых тесных связях с чехословацкой областью, нижнелужицкий, напротив, близок к польско-кашубской.

§ 148. В области грамматических форм лужицкие языки сохраняют некоторые явления, утраченные другими славянскими языками. В них сохранилась категория двойственного числа в имени и глаголе, ср.: *dwaј dratraј staj mi zemrјetoј* («два брата у меня умерли») и *třo bratra su mi zemrјeli* (конечное *-oј* явилось под влиянием прилагательных). Форма творительного падежа под немецким влиянием стала употребляться только в сочетании с предлогом *z (ze)* («с»): в.-луж. *wón je so stał z bohačom* («он стал богачом»), н.-луж. *napolnišo kružki z wódu* («наполните кружки водой»). В лужицких языках сохранены формы аориста (сигматического) и имперфекта, причем во множественном числе произошло обобщение окончаний аориста с формами имперфекта, ср. в верхнелужицком аорист: *dońesech*,

2—3-е лицо *dońese*, множественное число *dońesechty*, *-sešće*, *-sechu*, двойственное число *dońesechtoј*, *dońeseštaj* и имперфект *ńesech*, *ńeseše*, *ńesechty* и т. д. Инфинитив оканчивается на *-ć* (в.-луж.) и *-ś* (н.-луж.). В нижнелужицком сохранился супин: *ži wјaseřat* («иди ужинать»). В лексике много немецких заимствований.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

Склонение существительных мужского рода

Единственное число

И	<i>nan</i>	<i>kón</i>	<i>tječ</i>
Р	<i>nan-a</i>	<i>kon-ja</i>	<i>tječ-a</i>
Д	<i>nan-eј</i>	<i>kon-jeј</i>	<i>tječ-eј</i>
В	<i>nan-a</i>	<i>kon-ja</i>	<i>tječ</i>
Т	<i>nan-om</i>	<i>kon јom</i>	<i>tječ-om</i>
П	<i>nan-je</i>	<i>kon-ju</i>	<i>tječ-u</i>
Зв	<i>nan-o'</i>	<i>kon-jo'</i>	<i>tječ-o'</i>

Множественное число

И	<i>nan-oјo</i>	<i>kon-je</i>	<i>tječ-e</i>
Р	<i>nan-ow</i>	<i>kon-јow (-i)</i>	<i>tječ-ow (-i)</i>
Д	<i>nan-am</i>	<i>kon-јam</i>	<i>tječ-am</i>
В	<i>nan-ow</i>	<i>kon-je</i>	<i>tječ-e</i>
Т	<i>nan-ami</i>	<i>kon-јemi</i>	<i>tječ-emi</i>
П	<i>nan-ach</i>	<i>kon-јach</i>	<i>tječ-ach</i>

Двойственное число

И	<i>nan-aј</i>	<i>kon-jeј</i>	<i>tječ-eј</i>
Р	<i>nan-ow</i>	<i>kon-јow</i>	<i>tječ-ow</i>
Д	<i>nan-omaј</i>	<i>kon-јomaј</i>	<i>tječ-omaј</i>
В	<i>nan-ow</i>	<i>kon-jeј</i>	<i>tječ-eј</i>
Т	<i>nan-omaј</i>	<i>kon-јomaј</i>	<i>tječ-omaј</i>
П	<i>nan-omaј</i>	<i>kon-јomaј</i>	<i>tječ-omaј</i>

Склонение существительных среднего рода

Единственное число

И	<i>stow-o</i>	<i>mor-jo</i>	<i>celo</i>
Р	<i>stow-a</i>	<i>mor-ja</i>	<i>čeleć-a</i>
Д	<i>stow-u</i>	<i>mor-ju</i>	<i>čeleć-u</i>
В	<i>stow-o</i>	<i>mor-jo</i>	<i>celo</i>
Т	<i>stow-om</i>	<i>mor-јom</i>	<i>celec-om</i>
П	<i>stow-je</i>	<i>mor-ju</i>	<i>čeleć-u</i>

Множественное число

И.	<i>stow-a</i>	<i>mor-ja</i>	<i>ćelat-a</i>
Р.	<i>stow-ow</i>	<i>mor-jow</i>	<i>ćelat-ow</i>
Д.	<i>stow-am</i>	<i>mor-jam</i>	<i>ćelat-am</i>
В.	<i>stow-a</i>	<i>mor-ja</i>	<i>ćelat-a</i>
Т.	<i>stow-ami</i>	<i>mor-jemi</i>	<i>ćelat-ami</i>
П.	<i>stow-ach</i>	<i>mor-jach</i>	<i>ćelat-ach</i>

Двойственное число

И., В.	<i>stow-je</i>	<i>mor-i</i>	<i>ćeleć-i</i>
Р.	<i>stow-ow</i>	<i>mor-jow</i>	<i>ćeleć-ow</i>
Д., Т., П.	<i>stow-omaj</i>	<i>mor-jomaj</i>	<i>ćeleć-omaj</i>

Склонение существительных женского рода

Единственное число

И.	<i>žon-a</i>	<i>duš-a</i>	<i>kość</i>
Р.	<i>žon-y</i>	<i>duš-e</i>	<i>kość-e</i>
Д.	<i>žon-je</i>	<i>duš-i</i>	<i>kość-i</i>
В.	<i>žon-u</i>	<i>duš-u</i>	<i>kość</i>
Т.	<i>žon-u</i>	<i>duš-u</i>	<i>kość-u</i>
П.	<i>žon-a</i>	<i>duš-i</i>	<i>kość-i</i>

Множественное число

И.	<i>žon-y</i>	<i>duš-e</i>	<i>kość-e</i>
Р.	<i>žon-ow</i>	<i>duš-ow</i>	<i>kość-i (-ow)</i>
Д.	<i>žon-am</i>	<i>duš-am</i>	<i>kość-am</i>
В.	<i>žon-y</i>	<i>duš-e</i>	<i>kość-e</i>
Т.	<i>žon-ami</i>	<i>duš-emi</i>	<i>kość-emi</i>
П.	<i>žon-ach</i>	<i>duš-ach</i>	<i>kość-ach</i>

Двойственное число

И., В.	<i>žon-je</i>	<i>duš-i</i>	<i>kość-i</i>
Р.	<i>žon-ow</i>	<i>duš-ow</i>	<i>kość-ow</i>
Д., Т., П.	<i>žon-omaj</i>	<i>duš-omaj</i>	<i>kość-omaj</i>

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>dobr-y</i> <i>dobr-eho</i> <i>dobr-emu</i> Как им или род пад <i>dobr-ym</i> <i>dobr-ym</i>	<i>dobr-e</i> <i>dobr eho</i> <i>dobr-emu</i> <i>dobr-e</i> <i>dobr-ym</i> <i>dobr-ym</i>	<i>dobr-a</i> <i>dobr-eje</i> <i>dobr-ej</i> <i>dobr-u</i> <i>dobr-ej (-u)</i> <i>dobr-ej</i>

Множественное число

И	<i>dobr-i</i> (одушевл)		<i>dobr e</i>		<i>dobr-e</i>
	<i>dobr-e</i> (неодушевл)				
Р Д В		<i>dobr-ych</i> <i>dobr-ym</i>			
	<i>dobr-ych</i> (одушевл)		<i>dobr-e</i>		<i>dobr-e</i>
	<i>dobr-e</i> (неодушевл)				
Т П		<i>dobr-ymi</i> <i>dobr-ych</i>			

Двойственное число

И	<i>dobr-aj</i> (одушевл)		<i>dobr-ej</i>		<i>dobr-ej</i>
	<i>dobr-ej</i> (неодушевл)				
Р В		<i>dobr-eju</i>			
	<i>dobr-eju</i> (одушевл)		<i>dobr-ej</i>		<i>dobr-ej</i>
	<i>dobr-ej</i> (неодушевл)				
Д, Т, П		<i>dobr-otaj</i>			

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимения 1-го и 2-го лица

и возвратное местоимение

Единственное число

И	<i>ja</i>	<i>tu</i>	—
Р	<i>mne, mje</i>	<i>tebe, ce</i>	<i>sebe, so</i>
Д	<i>mi, mi</i>	<i>tebi, ci</i>	<i>sebi, sej</i>
В	<i>mne, mje</i>	<i>tebe, ce</i>	<i>sebe, so</i>
Т	<i>mi</i>	<i>tobi</i>	<i>sobu</i>
П	<i>mi</i>	<i>tebi</i>	<i>sebi</i>

Множественное число

И.	<i>tu</i>	<i>wy</i>
Р.	<i>nas</i>	<i>was</i>
Д.	<i>nam</i>	<i>wam</i>
В.	<i>nas</i>	<i>was</i>
Т.	<i>nam</i>	<i>wam</i>
П.	<i>nas</i>	<i>was</i>

Двойственное число

И.	<i>tój</i>	<i>wój</i>
Р.	<i>paŋi</i>	<i>waŋi</i>
В.	<i>paŋi</i>	<i>waŋi</i>
Д., П.	<i>namaŋ</i>	<i>wamaŋ</i>

Местоимение 3-го лица ОН

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И.	<i>wón</i>	<i>wono</i>	<i>wona</i>
Р.	<i>jeŋo</i>	<i>jeŋo</i>	<i>jeje</i>
Д.	<i>jeŋi</i>	<i>jeŋi</i>	<i>jej</i>
В.	Как им или род пад	<i>je, jo</i>	<i>ju</i>
Т.	<i>niŋ</i>	<i>niŋ</i>	<i>njej</i>
П.	<i>niŋ</i>	<i>niŋ</i>	<i>njej</i>

Множественное число

И.	<i>woni</i> (одушевл.) <i>wone</i> (неодушевл.)	<i>wone</i>	<i>wone</i>
Р.			
Д.			
В.	<i>jich</i> (одушевл.) <i>je</i> (неодушевл.)	<i>je</i>	<i>je</i>
Т.			
П.			

Двойственное число

И.	<i>wonaŋ</i> (одушевл.) <i>woneŋ</i> (неодушевл.)	<i>woneŋ</i>	<i>woneŋ</i>
Р.			
Д.			
В.	<i>jeju</i> (одушевл.) <i>jej</i> (неодушевл.)	<i>jej</i>	<i>jej</i>
Т., П.			

Притяжательное местоимение МОИ
Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>тој</i> <i>тојеho</i> <i>тојети</i> Как им или род пад <i>тојт</i> <i>тојт</i>	<i>тоје</i> <i>тојеho</i> <i>тојети</i> <i>тоје</i> <i>тојт</i> <i>тојт</i>	<i>тоје</i> <i>тојеје</i> <i>тојет</i> <i>тоји</i> <i>тојет</i> <i>тојет</i>

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>тоји</i> (одушевл)		<i>тоје</i>		<i>тоје</i>
	<i>тоје</i> (неодушевл)		<i>тојич</i>		<i>тоје</i>
Т П	<i>тојич</i> (одушевл)		<i>тоје</i>		<i>тоје</i>
	<i>тоје</i> (неодушевл)		<i>тојит</i>		
			<i>тојити</i>		
			<i>тојич</i>		

Двойственное число

И Р В Д, Т, П	<i>тојеји</i> (одушевл)		<i>тојет</i>	<i>тојет</i> (неодушевл)
			<i>тојеји</i>	
			<i>тојити</i>	

Указательное местоимение ЭТОТ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>тоh</i> <i>тоho</i> <i>тоmi</i> Как им или род пад <i>тyт</i> <i>тyт</i>	<i>то</i> <i>тоho</i> <i>тоmi</i> <i>то</i> <i>тyт</i> <i>тyт</i>	<i>та</i> <i>теје</i> <i>теј</i> <i>ти</i> <i>теј</i> <i>теј</i>

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>си</i> (одушевл)		<i>те</i>		<i>те</i>
	<i>те</i> (неодушевл)		<i>tyч</i>		
Т П	<i>tyч</i> (одушевл)		<i>те</i>		<i>те</i>
	<i>те</i> (неодушевл)		<i>tyти</i>		
			<i>tyч</i>		

Двойственное число

И.	<i>taj</i> (одушевл.)	<i>tej</i>	<i>tej</i>
	<i>tej</i> (неодушевл.)	<i>teju</i>	<i>tej</i>
Р.			
В.	<i>teju</i> (одушевл.)	<i>tej</i>	<i>tej</i>
	<i>tej</i> (неодушевл.)		
Д., Т., П.		<i>tymaj</i>	

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И.	<i>što</i>	<i>što</i>	В.	<i>koho</i>	<i>što, čo</i>
Р.	<i>koho</i>	<i>čeho</i>	Т.	<i>kim</i>	<i>čim</i>
Д.	<i>komu</i>	<i>čemu</i>	П.	<i>kim</i>	<i>čim</i>

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

(*njesć* — «нести», *rozumjeć* — «понимать», *wićić* — «учить»)

Настоящее время

Единственное число

1-е лицо	<i>njes-u</i>	<i>rozum-ju</i>	<i>wić-u</i>
2-е лицо	<i>njes-eš</i>	<i>rozum-iš</i>	<i>wić-iš</i>
3-е лицо	<i>njes-e</i>	<i>rozum-i</i>	<i>wić-i</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>njes-emy</i>	<i>rozum-imy</i>	<i>wić-imy</i>
2-е лицо	<i>njes-eće</i>	<i>rozum-iće</i>	<i>wić-iće</i>
3-е лицо	<i>njes-u</i>	<i>rozum-ja</i>	<i>wić-a</i>

Двойственное число

1-е лицо	<i>njes-emoj</i>	<i>rozum-imoj</i>	<i>wić-imoj</i>
2, 3-е лицо	<i>njes-etaj</i> (-etej)	<i>rozum-itaj</i> (-ej)	<i>wić-itaj</i> (-ej)

Имперфект

Единственное число

1-е лицо	<i>njes-ech</i>	<i>rozum-jach</i>	<i>wić-ach</i>
2, 3-е лицо	<i>njes-eše</i>	<i>rozum-ješe</i>	<i>wić-eše</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>njes-echmy</i>	<i>rozum-jachmy</i>	<i>wiŕ-achmy</i>
2-е лицо	<i>njes-esce</i>	<i>rozum-jesce</i>	<i>wiŕ-esce</i>
3-е лицо	<i>njes-echu</i>	<i>rozum-jachu</i>	<i>wiŕ-achu</i>

Двойственное число

1-е лицо	<i>njes-echmoj</i>	<i>rozum-jachmoj</i>	<i>wiŕ-achmoj</i>
2, 3-е лицо	<i>njes-eštaj (-ej)</i>	<i>rozum-ještaj (-ej)</i>	<i>wiŕ-eštaj (-ej)</i>

Перфект

Единственное число

1-е лицо	<i>sum</i>	<i>njest, -a, -o</i>
2-е лицо	<i>sy</i>	<i>njest, -a, -o</i>
3-е лицо	<i>je</i>	<i>njest, -a, -o</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>smu</i>	<i>njesli</i>
2-е лицо	<i>sce</i>	<i>njesli</i>
3-е лицо	<i>su</i>	<i>njesli</i>

Двойственное число

1-е лицо	<i>smój</i>	<i>njestoj</i>
2, 3-е лицо	<i>stej</i>	<i>njestoj</i>

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

(*wolać* — «звать», *lubować* — «любить»)

Настоящее время

Единственное число

1-е лицо	<i>woł-am</i>	<i>lubi-ju</i>
2-е лицо	<i>woł-aś</i>	<i>lubi-jeś</i>
3-е лицо	<i>woł-a</i>	<i>lubi-je</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>woł-amu</i>	<i>lubi-jemu</i>
2-е лицо	<i>woł-aće</i>	<i>lubi-jeće</i>
3-е лицо	<i>woł-aja (-aju)</i>	<i>lubi-ja (-ju)</i>

Двойственное число

1-е лицо	<i>woł-amoj</i>	<i>lubi-jemoj</i>
2, 3-е лицо	<i>woł-ataj (-ej)</i>	<i>lubi-jetaj (-ej)</i>

Текст на верхнелужицком языке

JANK A HANKA

(Bajka ludowa)

Běštaj pak něhdy nan a mać, a měještaj jara wulku črjódu džěci. A nan dóndže do města, a kupi běrtl hrochu a da koždemu džěsću po hróšatku, ale Jankej a Hancy pobrachny. Tohodla jara plakaštaj. Nan pak rjekny: «Mjelčtaj a njepláčtaj, póndu do lěsa drjewo rubać a wój póndžetaj sobu do jahodkow». Nan wza kulušk a mandlušk sobu a powěsny jej na štom. Jankej a Hancy rjekny: «Džitaj přeco a šćipataj sebi! Doniž drjewko rubam, móžetaj janodki šćipać». Wětr pak z kuluškom a mandluškom klepaše a džěsći sebi přeco mysleštaj, zo nan drjewko ruba, a šćipaštaj přeco jahodki. Běštaj so hižo najědtoj, měještaj tež poľne karancki, a džěštaj nana pytać. A přińdžestaj tam, hdžež kulušk a mandlušk wisaštaj, ale nana tam njebě. Nětko jara plakaštaj, a běhaštaj a wołaštaj po lěsu wokoło, ale nikoho njenamakaštaj. A hižo so čmjěše.

(N a w k a M. Baje, bajki a basnički.
Budyšin, 1914, s. 18)

Текст на нижнелужицком языке

M a t o K o s y k

MŌJ WŌSCOJSKI KRAJ

Wěš, zo mój kraj wóskojski?
Žož sprochniwy a spokojny
Na pólo šěgnjo rolnikař;
Žož žaržy mudry góspodař
Na porěd a na pobožnosć,
A znata jo jog' psijaznosć.
Wěš, zo mój kraj mam wóskojski?
Žož Sprewja z tysac rukami
Se žiwno z rason zbłužijo,
A pón swój puś zas' póznajo;
Žož cesne žowća wjasłuju,
Te pyšnjejšě na naglědu.
Wěš, zo mój kraj mam wóskojski?
Žož pastwa se wśak zeleni,
A kwětki zrostu lubosne,
Keņž brozdy, łuki pisanje;
Žož šěgnjo ze jsy ředownja,
Keņž zukam roga psisłucha.
Wěš, zo mój kraj mam wóskojski?

Žož błota stoje w kšasności.
 We kótrychž ptaški spěwaju
 A zwjaseliju hutšobu.
 Tam jo mój luby dom, aj, aj,
 Tam mója zemja, tam mój kraj.
 Wěš nět mój kraj ten wóšcojski,
 Žo běchu móje kólebki?
 Mój kraj jo sławna Lužyca,
 Kenž Słowjanstwa jo wótnožka.
 Bog žognuj ceły serbski kraj,
 A sćituj jen, a hoplewaj!

1882

(Mato K o s y k. Chrestomatia słowiańska.
Cz. 2. Kraków, 1950, s. 207)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

- W o w ć e r k P Kurzgefasste obersorbische Grammatik Leipzig, 1955
 Е р м а к о в а М И Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка Морфология М, 1973
 М у с к е К Е Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der niedersorbischen (niederlauitzisch-wendischen) Sprache Leipzig, 1891
 С е л и щ е в А М Славянское языкознание Т I, с 221—268
 Т р о ф и м о в и ч К К Серболужицька мова Львів, 1964
 F r i n t a A Lužičti Srboré a jejich písemnictví Praha, 1955
 Š w e l a B Grammatik der niedersorbischen Sprache Bautzen, 1952
 Š e w c H Gramatika hornjoserbskeje řeče I Fonematika a morfologija Budyšin, 1968
 Щ е р б а Л В Восточнолужицкое наречие Т I, II Пг, 1915

II

- V o l k e l P Hornjoserbsko-němski słownik Budyšin, 1954
 М у к а Э Словарь нижнелужицкого языка I Пг 1921, II III Praha, 1928
 J a k u b a š F Hornjoserbsko-němski słownik Budyšin, 1970

ПОЛАБСКИЙ ЯЗЫК

§ 149. От языка племен, занимавших некогда территорию между Одером и Эльбой, сохранились сведения лишь о языке племени древлян, жившего на левом берегу Эльбы в окрестностях Люнебурга (Ганновер) Последние носители полабского языка вымерли в конце XVIII в., и наши сведения о нем основываются на записях и словариках этого языка, сде-

ланных немецкими любителями народного творчества. После тщательного изучения всего материала, относящегося к полабскому языку, удалось установить следующие его особенности:

1. Наличие двух носовых гласных типа *q* и *o*.
2. Польскому *-ro-* (из **tort*) соответствует *-or-*: *korvó, morz, stórnǎ*, польск. *krowa, mróz, strona*.
3. Праславянское *!* между согласными изменилось в *-ǎu-*: *wǎuk*.
4. Редуцированный *ъ* изменился в *ǎ*: *dǎzd* («дождь»); *ь* изменился в *a*: *dan* («день»); в ударных слогах слабые редуцированные не утратились: *tama* («тьма»).
5. Наличие твердых и мягких согласных.
6. Свободное ударение.
7. Наличие долгих и кратких гласных, связанных с местом ударения: перед ударением и под ударением — гласный долгий, в других позициях — краткий.
8. Наличие аориста и имперфекта.

Всю область полабских славян делят обычно на велетскую, ободритскую и древлянскую диалектные группы, но о первых двух нет точных сведений.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Leh g - Sp ł a w i ń s k i T. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.

С е л и щ е в А. М. Славянское языкознание. М., 1941, с 419—448.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 150. Единство южнославянских языков менее очевидно, чем западнославянских и тем более восточнославянских. Особенно резко отличается язык болгар и македонцев, заселяющих юго-восточную часть Балканского полуострова, от языка сербов, хорватов и словенцев, занимающих северо-запад этого полуострова. Это различие обусловлено рядом морфологических и синтаксических явлений, которые возникли в болгарско-македонской группе как результат тесных связей ее с соседними неславянскими языками: румынским, албанским, новогреческим. Наиболее показательными из этих явлений можно считать утрату склонения, развитие постпозитивного артикля, утрату инфинитива. Эти черты болгарского языка называются *балканизмами*, а на основании их языки, развившие указанные явления, объединяют в *балканский союз языков*.

Однако внимательное изучение истории южнославянских языков показало, что балканизмы болгарского языка имеют сравнительно позднее происхождение и что перед заселением Балканского полуострова все южнославянские языки имели одинаковые тенденции развития. В частности, с восточнославянскими языками их сближают результаты изменений согласных групп **kvě-*, **gvě-* в *cv*, *zv* и *tl, *dl в *l*: болг. *звезда*, *цвят*, *цѣфтя* («цвести»), серб. *звезда*, *звизнути* («свистнуть»), *цвет*, *цветати* («цвести»), словенск. *zvézda*, *zvízdati*, *cvêt*, *cvésti*; болг. *ра̀ло* («соха»), *еля̀* («ель»), *мо̀ля* («просить, умолять»), серб. *ра̀ло*, *јѐла*, *мо̀лити се*, словенск. *rálo*, *jêla*, *móliti*. С чехословацкой группой сближает развитие древних сочетаний типа *-tort-*, *-tolt-*: болг. *град*, *стра̀на*, *глас*, серб. *град*, *стра̀на*, *бра̀да*, *влас*, *глас*, славенск. *grad*, *strána*, *bráda*, *(v)las*, *glas*.

В более поздний период южнославянские языки развили ряд сходных явлений: изменение носовых гласных в *e*, отверждение согласных перед гласными *e* и *i*, совпадение артикуляции *y* с гласным *i* и др.

Сербскохорватский и словенский языки объединяются некоторыми общими особенностями: 1) сохранение тонического ударения, связанного с различием долгих и кратких гласных; 2) тождественное изменение редуцированных; 3) изменение ста-

рого *ě* в узкие гласные и дифтонги *e, je, ije, i*; 4) развитие в 1-м лице единственного и множественного числа настоящего времени окончаний *-m; -mo*; 5) окончание *-ga* в родительном падеже единственного числа местоименного склонения и др.

Болгарско-македонская группа характеризуется: 1) силовым ударением и отсутствием количественных различий в гласных; 2) различными рефлексамии редуцированных; 3) изменением *ě* в широкий гласный *'a*; 4) окончанием *-go* в родительном падеже единственного числа местоименного склонения. Более характерными являются морфологическо-синтаксические явления, резко изменившие грамматическую систему болгарского и македонского языков и выделяющие их среди других языков славянской семьи. Следует отметить также богатую систему временных форм глагола. В современном болгарском языке находим 9 временных форм и особые формы пересказывания.

СЕРБСКОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

§ 151. Сербскохорватским языком пользуются три нации — сербы, хорваты и черногорцы, а также боснийцы, жители Боснии и Герцеговины. В настоящее время между сербским (белградским) и хорватским (загребским) вариантами литературного языка различия заключаются только в словарном составе и произношении замен *ě*. Кроме того, различается графическая форма этих вариантов; сербы пользуются кириллицей, восходящей к русскому гражданскому алфавиту, а хорваты — латинкой. В сербскую графику (в сравнении с русской) внесены некоторые изменения. Йотированные гласные передаются посредством сочетания *j* с гласной: *ju = ю; ja = я, je = е: јунак, јабука* («яблоко», «яблоня»), *јелен* («олень»); мягкие *н* и *л* передаются посредством лигатур *њ, њ*, после которых не пишется *ја, ју*, а пишется *а, у: коњ — коња, краљ — краља*; для обозначения слитных мягких звуков *t's', d'z'* и *dž* введены буквы *ћ', ђ', џ: свећа, међа, џеп* («карман»). Буквы *ы, ш, й, э, ъ, ь, ю, я* не употребляются, так как они оказались лишними. В хорватском письме *č* передает *ч, ž = ж, š = ш, ć (tj)* обозначает *ћ, d (dj)* обозначает *ђ, dž (g) — џ, lj — њ, nj — њ, h — х*. Принцип сербскохорватского правописания — фонетический; это отличает сербскохорватский язык от других славянских литературных языков (кроме белорусского). На письме отмечают все фонетические видоизменения в слове; так, пишут *србин*, но *српски*, *узак*, но *уски*, *отац*, но *оца* (род. пад. ед. ч.).

§ 152. В литературном языке находим пять гласных: *и, е, а, о, у*, которые могут быть долгими и краткими. Слоговым является также согласный *р: прѣст* («палец»), *Хрват, трговац*.

В закрытых слогах в сербскохорватском языке *л* изменилось в *о*: *хвѣлио* — («хвалил»), *трѣсао*, *дѣо*, *бѣо* («был»), *остаѣо*, *котао* («котел») — род. п. ед. ч. *кота*, *праѣтилац* («спутник») — род. п. ед. ч. *праѣтиоца*. Гласный *у* выступает на месте старого слогового *л* (в сочетании с редуцированными): *суза* («слеза»), *жут* («желтый»), *вук* («волк»), *мучати* («молчать»), *пун* («полный»), *дѣг* («долгий»), *дѣг* («долг»), *дѣбе* («я долблю»). Загребская норма литературного языка отличается от белградской произношением замен старого *ѣ*: хорваты произносят *ije* (екавское произношение): *dijete* («дитя»), *brìjeg* («берег»), сербы — *e* (экавское произношение): *déte*, *брег*.

§ 153. В области согласных необходимо отметить: 1) отсутствие оглушения конечных звонких согласных *лѣд*, *мѣд*, *нѣж*, *рѣг*, *Срѣб* произносятся с *д*, *ж*, *г*, *б*; существует различие в произношении между словами *рад* («труд») и *раѣт* («война»), *сад* («сад») и *саѣт* («час»), *рог* («рог») и *роѣк* («срок»); 2) отсутствие смягчения согласных перед гласными переднего ряда *и* и *е*: *дѣсет*, *сила*; мягкими согласными являются только *ј*, *љ*, *њ* (оба последних из сочетаний с *ј*), *ћ* и *ѣ*.

§ 154. Как уже было отмечено, гласные могут быть как краткими, так и долгими, причем под ударением они отличаются и со стороны тона: могут произноситься или при восходящей, или при нисходящей интонации. Таким образом, в сербскохорватском языке не только сохраняется разноместное словоударение и количественное противопоставление гласных, но определенным образом отражаются и старые интонационные различия. Наиболее распространенным типом штокавской интонации, характеризующей и литературный язык, является система четырех ударений: двух долгих и двух кратких. Долгая в тоническом отношении восходящая интонация обозначается знаком $\acute{\text{}}$: *рука*, *вино*, *показати*; долгая нисходящая интонация обозначается знаком $\grave{\text{}}$: вин. п. ед. ч. *руку*, *муж*, *правда*; краткая восходящая интонация обозначается знаком ˘ : *вода*, *жена*, *говорити*; краткая нисходящая интонация обозначается знаком ˘˘ : вин. п. ед. ч. *воду*, *крѣва*, *мысли*. В безударных слогах после ударения простая долгота также обозначается знаком ˘ или ˘˘ : *јунѣк*, *пишем*. В литературном тексте ударение не отмечается, только в целях смысловозначительных находим иногда указания на ударение: *пѣс* («собака») и *пѣс* («пояс»).

Сербскохорватский язык от праславянской эпохи сохранил, собственно, два ударения: нисходящее на долгих слогах: *град*; нисходящее на кратких слогах: *пѣље*. Два других ударения возникли позднее. В большинстве штокавских говоров место ударения передвинулось на один слог к началу слова, при этом слог с перенесенным на него ударением развивал восходящий тон (на кратком слоге это передается знаком ˘ , на долгим ˘˘):

жѣна, крѣло, дѹша. В этих случаях русский язык указывает на прежнее место ударения, ср. рус.: *женá, крылó, душá*.

§ 155. Имена существительные различают четыре склонения: 1) к первому склонению относятся имена мужского и среднего рода: *зáкон, брат, син, коъ, село, пѡлье*; 2) ко второму склонению относятся имена женского рода на *-а*: *крáва, нѡга, рáдња* («работа»); 3) третье склонение составляют имена женского рода на согласный: *ствар* («вещь», «дело»), *любав* («любовь»), *мѣсао*; 4) к четвертому склонению относятся существительные среднего рода с неравносложной основой: *тѣле — тѣлета, дѣте — дѣтета*. Характерной особенностью сербскохорватского склонения является окончание *-има* в дательном, творительном и местном падежах множественного числа (для первого и третьего склонений) и *-ама* (во втором склонении): *јеленима, сѣлима, ствáрима, жѣнама, горама*. Наряду с этим в родительном падеже множественного числа первого и второго склонений выступает окончание *-а*: *зáкона, сѣла, крáва, но ствáри*. Категория одушевленности представлена только в единственном числе для имен мужского рода: *гѡлуб — гѡлуба*. Творительный падеж единственного числа у имен первого и второго склонений оканчивается на *-ом, -ем*: *зáконом, коъем, сѣлом, пѡьем, крáвом, зѣмљом, но ствáри, ствáрју*.

В единственном числе имена мужского и женского рода имеют звательную форму. Для имен мужского рода эта форма оканчивается на *-у* или *-е* с изменением задненёбных в *ч, ж, ш*: *орач — орачу, коъ — коъу, отац — ѡче, кнез — кнѣже, Влах* («румын») — *Влáше, јелен — јелене*. В женском роде звательная форма оканчивается обычно на *-о* (на *-и* для третьего склонения): *жѣно, зѣмљо, но ствáри*.

Большая часть односложных и некоторые многосложные существительные мужского рода образуют основу множественного числа посредством присоединения суффикса *-ов-, -ев-*: *плод — им. п. мн. ч. плѡди* или *плѡдови, лáбуд* («лебедь») — *лáбуди* или *лáбудови, град — только грáдови, син — сѣнови, нож — нѡжи* или *нѡжеви, ключ — кљúчи* или *кљúчеви* и т. п. Существительные мужского рода с основой на задненёбные согласные во множественном числе перед окончаниями именительного падежа *-и* и *-има* представляют результаты второй палатализации: *јунак — јунáци, јунáцима; друг — дрúзи, дрúзима; сирѡмах* («бедняк») — *сирѡмаси, сирѡмасима*. Подобное изменение находим и у существительных женского рода (второго склонения) в дательном и местном падежах единственного числа перед окончанием *-и*: *рúка — дат. п. рúци, местн. рúци; нѡга — дат. п. и мест. п. нѡзи; снаха — снаси*.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Первое склонение

Единственное число

И.	закон	рад	модак
Р.	закон-а	рад-а	модк-а
Д.	закон-у	рад-у	модк-у
В.	закон	рад	модк-а
Т.	закон-ом	рад-ом	модк-ом
П.	закон-у	рад-у	модк-у
Зв.	закон-е!	рад-е!	модк-е!

Множественное число

И.	закон-и	рад-ови	модц-и
Р.	закон-ā	рад-овā	модк-ā
Д.	закон-има	рад-овима	модц-има
В.	закон-е	рад-ове	модк-е
Т.	закон-има	рад-овима	модц-има
П.	закон-има	рад-овима	модц-има

Второе склонение

Единственное число

И.	жен-а	крав-а	рук-а
Р.	жен-е	крав-е	рук-е
Д.	жен-и	крав-и	рук-и
В.	жен-у	крав-у	рук-у
Т.	жен-ом	крав-ом	рук-ом
П.	жен-и	крав-и	рук-и
Зв.	жен-о!	крав-о!	рук-о!

Множественное число

И.	жен-е	крав-е	рук-е
Р.	жен-ā	крав-ā	рук-ā
Д.	жен-ама	крав-ама	рук-ама
В.	жен-е	крав-е	рук-е
Т.	жен-ама	крав-ама	рук-ама
П.	жен-ама	крав-ама	рук-ама

Третье склонение

Единственное число

И.	ствар	радост
Р.	ствар-и	радост-и
Д.	ствар-и	радост-и
В.	ствар	радост
Т.	ствар-ју (-и)	радощ-у (радост-и)
П.	ствар-и	радост-и
Зв.	ствар-и!	радост-и!

Множественное число

И.	ствар-и	радост-и
Р.	ствар-и	радост-и
Д.	ствар-има	радост-има
В.	ствар-и	радост-и
Т.	ствар-има	радост-има
П.	ствар-има	радост-има

Четвертое склонение
Единственное число

И	<i>тэле</i>	<i>йме</i>
Р	<i>тэлет-а</i>	<i>ймен-а</i>
Д	<i>тэлет-у</i>	<i>ймен-у</i>
В	<i>тэле</i>	<i>йме</i>
Т	<i>тэлет-ом</i>	<i>ймен-ом</i>
П	<i>тэлет-у</i>	<i>ймен-у</i>

Множественное число

И	<i>тэлад</i>	<i>имён-а</i>
Р	<i>тэлад-и</i>	<i>имён-а</i>
Д	<i>тэлад-и (тэладма)</i>	<i>имён-има</i>
В	<i>тэлад</i>	<i>имён-а</i>
Т	<i>тэлад-и (тэладома)</i>	<i>имён-има</i>
П	<i>тэлад-и</i>	<i>имён-има</i>

§ 156. Большая часть прилагательных характеризуется двумя типами склонения: именным и местоименным. Однако в именном склонении некоторые формы уже заменены соответствующими местоименными. Местоименные формы прилагательных употребляются при определении уже известного или упомянутого предмета; в других случаях, а также в предикативной функции употребляются именные формы прилагательных. Последние образуются для качественных прилагательных и некоторых относительных: *дрвен* («деревянный»), *гвозден* («железный»). Притяжательные прилагательные и группа относительных, обозначающих временные и пространственные признаки, имеют только местоименные формы: *дэсни* («правый»), *лэви*, *садашњи* («сегодняшний»), *зймни*, *прэдњи* и др.

Оба эти типа склонения имеют твердую и мягкую разновидности: *млад* — *младо* — *млада*, но *тић* («чужой») — *тиће* — *тића*, *млади* — *младо* — *млада*, но *тићи* — *тиће* — *тића*; род. и дат. п. ед. ч. *млада*, *младу*, *младога*, *младому*, но *тићега*, *тићему* и т. д. Сравнительная степень образуется посредством суффиксов *-j-*, *-ij-*, *-ш-*: *жив* — *вивљи*, *мио* — *милији*, *леп* («красивый») — *лепиши*. Превосходная степень образуется с помощью приставки *нај-*: *млад* — *млаћи* — *најмлаћи*.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Именное склонение

Единственное число

И	<i>млад-и</i>	<i>млад-о</i>	<i>млад-а</i>
Р	<i>млад-ог (-ога)</i>		<i>млад-е</i>
Д	<i>млад-ом (-оге)</i>		<i>млад-ој</i>
В	Как им или род пад <i>млад-о</i>		<i>млад-у</i>
Т	<i>млад-им</i>		<i>млад-ом</i>
П	<i>млад-ом (-оге)</i>		<i>млад-ој</i>

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>млад-и</i>	<i>млад-ā</i> <i>млад-īх</i> <i>млад-īm (-īма)</i>	<i>млад-е</i>
	<i>млад-ē</i>	<i>млад-ā</i> <i>млад-īm (īма)</i> <i>млад-им (-има)</i>	<i>млад-е</i>

Местоименное склонение Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р	
И Р Д В Т П	<i>млад</i>	<i>млад-о</i>	<i>млад-а</i>	
	<i>млад-а</i>	<i>млад-а</i>	<i>млад-ē</i>	
	<i>млад-у</i>	<i>млад-у</i>	<i>млад-ō</i>	
	Как им или род пад	<i>млад-о</i>	<i>млад-у</i>	<i>млад-у</i>
	<i>млад-īm</i>	<i>млад-īm</i>	<i>млад-ōм</i>	
	<i>млад-у</i>	<i>млад-у</i>	<i>млад-о</i>	

Множественное число

И Р Д В Т П	<i>млад-и</i>	<i>млад-а</i> <i>млад-их</i> <i>млад-им (-īма)</i>	<i>млад-е</i>
	<i>млад-е</i>	<i>млад-а</i> <i>млад-īm (-īма)</i> <i>млад-им (-īма)</i>	<i>млад-е</i>

§ 157. В местоимениях нужно отметить наличие энклитических форм: *ме, ми, те, ти, га, му*. Возвратное местоимение *се* не сливается с глаголом и может употребляться отдельно: *преда се* («перед собой»).

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение

Единственное число

И Р Д В Т П	<i>ја</i>	<i>та</i>	—
	<i>мѣне, ме</i>	<i>тѣбе, те</i>	<i>сѣбе</i>
	<i>мѣни, ми</i>	<i>теби, ти</i>	<i>сѣби</i>
	<i>мѣне, ме</i>	<i>тѣбе, те</i>	<i>сѣбе, се</i>
	<i>мног, мноме</i>	<i>тѣбом</i>	<i>сѣбом</i>
	<i>мѣни</i>	<i>тѣби</i>	<i>сѣби</i>

Множественное число

И. Р. Д.	<i>мѝ нѝс, нас нѝма, нам</i>	<i>вѝ вѝс, вас вѝма, вам</i>	В. Т. П.	<i>нѝс, нас нѝма нѝма</i>	<i>вѝс, вас вѝма вѝма</i>
----------------	--------------------------------------	--------------------------------------	----------------	-----------------------------------	-----------------------------------

Местоимение 3-го лица ОН Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>ѝн нѝга, га нѝму, му нѝга, га, нѝ нѝме, нѝм нѝму</i>	<i>ѝно</i>	<i>ѝна нѝе, је нѝѝ, јѝ нѝу, ји, је нѝме, нѝм нѝѝ</i>

Множественное число

И. Р. Д. В. Т. П.	<i>ѝни</i>	<i>ѝна нѝх, их нѝма, им нѝх, их нѝма нѝма</i>	<i>ѝне</i>
----------------------------------	------------	---	------------

Притяжательное местоимение МОЙ Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И. Р. Д. В. Т. П.	<i>мѝѝ мѝег(-а) мѝем(-у) Как им. или род. пад. мѝѝм мѝем(-у)</i>	<i>мѝе мѝег(-а) мѝм(-у) мѝе мѝѝм мѝм(-у)</i>	<i>мѝја мѝе мѝѝ мѝју мѝѝм мѝѝѝ</i>

Множественное число

И. Р. Д. В. Т. П.	<i>мѝѝ</i>	<i>мѝја мѝѝх мѝѝма, мѝѝм мѝја мѝѝма, мѝѝм мѝѝма, мѝѝм</i>	<i>мѝе мѝе</i>
----------------------------------	------------	---	-------------------------

Указательное местоимение ЭТОТ
Единственное число

Падеж	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И.	<i>tāj</i>	<i>tō</i>	<i>tā</i>
Р.	<i>tōga, tōg</i>		<i>tē</i>
Д.	<i>tōme(-y), tōm</i>		<i>tōj</i>
В.	Как им. или род. пад. <i>tō</i>		<i>tū</i>
Т.	<i>tīme, tīm</i>		<i>tōm</i>
П.	<i>tōme(-y), tōm</i>		<i>tōj</i>

Множественное число

И.	<i>tā</i>	<i>tā</i>	<i>tē</i>
Р.		<i>tāx</i>	
Д.		<i>tīma, tīm</i>	
В.	<i>tē</i>	<i>tā</i>	<i>tē</i>
Т.		<i>tīma, tīm</i>	
П.		<i>tīma, tīm</i>	

Так же склоняются местоимения *овај, ово, ова*, указывающие на близкий предмет, и местоимения *онај, оно, она*, указывающие на отдаленный во времени и пространстве предмет.

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И.	<i>kō, tkō</i>	<i>штō</i>
Р.	<i>kōga (kōg)</i>	<i>чѐга, šta</i>
Д.	<i>kōmu (kōme)</i>	<i>чѐму</i>
В.	<i>kōga (kōg)</i>	<i>штō</i>
Т.	<i>kīme, kīm</i>	<i>чīме, чīm</i>
П.	<i>kōme, kōm</i>	<i>чѐму, чѐм</i>

§ 158. Система глагола характеризуется сохранением старых форм аориста и имперфекта, утраченных многими славянскими языками; аорист: *плѣтох, плѣте, плѣте* (ед. ч.) — *плѣтосмо, плѣтосте, плѣтоше* (мн. ч.); имперфект: *плѣтиях* — *плѣтијаше* — *плѣтијаше, плѣтијасмо* — *плѣтијасте* — *плѣтијаху*. В современном языке эти формы утрачиваются. Перфект образуется путем сочетания причастия прошедшего времени на *-л (-о)* и форм вспомогательного глагола *јесам* (сокращенные формы *сам, си, је, смо, сте, су*): *ти си плѣла, мѣтнюю сам* («я бросил»). Давно-прошедшее время (плюсквамперфект) образуется посредством сочетания причастия на *-л* и имперфекта *бејах (бех)* или перфекта *бїо сам* от глагола *бїти* («быть»): *бејах (бех) мѣтнуо* или *бїо сам мѣтнуо*. Будущее время передается сочетанием инфинитива и форм настоящего времени глагола *хōћу* (или энклитической формой *ћу*): *ја ћу чувати, ти ћеш плести* и т. д. Обычно окончание инфинитива *-ти* отбрасывается и обе формы сливаются

ся в одну, причем энклитическая форма пишется слитно после основы глагола: *чуваћу, плешћеш*. Условное наклонение складывается из причастия на -л и аориста глагола *бѣти*: *чувао бих, чувао би* и т. д. Инфинитив оканчивается на -ти и реже на -ћи: *тòнути, но пèћи, мòћи*. Деепричастие наст. вр. оканчивается на -ући, -ућ: *тòнући*, деепричастие прош. вр. — на -в или -вши: *тòнув, тòнувши*. Склоняемые формы утрачены.

В настоящем времени различаются три спряжения в зависимости от тематической гласной: *гѣнем, вѣдим, глѣдам*. В качестве флексии 1-го лица единственного числа выступает -м, в 1-м лице множественного числа -мо: *гѣнемо, вѣдимо, глѣдамо*.

ОБРАЗЦЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

Настоящее время

Единственное число

1-е лицо	<i>гѣн-ѣм</i>	<i>вѣд-ѣм</i>	<i>глѣд-ѣм</i>
2-е лицо	<i>гѣн-ѣш</i>	<i>вѣд-ѣш</i>	<i>глѣд-ѣш</i>
3-е лицо	<i>гѣн-ѣ</i>	<i>вѣд-ѣ</i>	<i>глѣд-ѣ</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>гѣн-ѣмо</i>	<i>вѣд-ѣмо</i>	<i>глѣд-ѣмо</i>
2-е лицо	<i>гѣн-ѣте</i>	<i>вѣд-ѣте</i>	<i>глѣд-ѣте</i>
3-е лицо	<i>гѣн-ѣ</i>	<i>вѣд-ѣ</i>	<i>глѣд-ѣ</i>

Имперфект

Единственное число

1-е лицо	<i>гѣнь-ѣх</i>	<i>вѣђ-ѣх</i>	<i>глѣд-ѣх</i>
2-е лицо	<i>гѣнь-ѣше</i>	<i>вѣђ-ѣше</i>	<i>глѣд-ѣше</i>
3-е лицо	<i>гѣнь-ѣше</i>	<i>вѣђ-ѣше</i>	<i>глѣд-ѣше</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>гѣнь-ѣсмо</i>	<i>вѣђ-ѣсмо</i>	<i>глѣд-ѣсмо</i>
2-е лицо	<i>гѣнь-ѣсте</i>	<i>вѣђ-ѣсте</i>	<i>глѣд-ѣсте</i>
3-е лицо	<i>гѣнь-ѣху</i>	<i>вѣђ-ѣху</i>	<i>глѣд-ѣху</i>

Аорист

Единственное число

1-е лицо	<i>гѣн-ух</i>	<i>вѣд-ех</i>	<i>глѣд-ах</i>
2-е лицо	<i>гѣн-ѹ</i>	<i>вѣд-е</i>	<i>глѣд-ѣ</i>
3-е лицо	<i>гѣн-ѹ</i>	<i>вѣд-е</i>	<i>глѣд-ѣ</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>гѣн-усмо</i>	<i>вѣд-есмо</i>	<i>глѣд-асмо</i>
2-е лицо	<i>гѣн-усте</i>	<i>вѣд-есте</i>	<i>глѣд-асте</i>
3-е лицо	<i>гѣн-уше</i>	<i>вѣд-еше</i>	<i>глѣд-аше</i>

§ 159. Древнейшие памятники сербскохорватского языка сходятся к XII в. Различные условия политической жизни повлияли на возникновение из ряда близкородственных племенных народностей — сербов и хорватов. Хорваты с 1102 г. вошли в состав Венгрии и, приняв католичество, вошли в сферу влияния римской культуры; сербы приняли христианство от Византии, находясь под культурным воздействием последней. Памятники сербскохорватской письменности разделяются на кириллические глаголические и латинские. Обе славянские азбуки — кириллица и глаголица — представлены в письменности с конца XII в. Кириллица издавна употреблялась на востоке сербскохорватской территории; в начале XIX в. она была реформирована Караджичем (1787—1864), положившим в основу сербского написания фонетический принцип. Отсюда идет и ее название «кириллица». Глаголица употреблялась в западных областях в личной и деловой переписке. Однако уже с XV в. наряду с кириллицей хорваты начинают употреблять латинскую азбуку, которая постепенно вытеснила глаголицу. До последнего времени глаголица употреблялась при печати богослужебных книг у проживающих на островах Адриатического моря. Желая объединить с сербами в языковом и литературном отношении, хорваты приняли реформу Караджича, перешли на штокавский диалект (ближе чакавское наречие) и используют в настоящее время латинский алфавит, приспособленный для передачи звуков сербского языка. По имени одного из деятелей этого общенационального движения Людевита Гаея (1809—1872) этот алфавит называется «гаевицей».

По характеру языка и содержанию памятники сербскохорватской письменности разделяются на две группы: 1) памятники церковного характера, язык которых в основе церковнославянский, но подвергшийся влиянию сербского языка (так называются памятники сербского извода старославянского языка), памятники светского характера — грамоты, договоры, судные приговоры, законодательные акты, в которых особенности живого языка выражены сильнее.

Из памятников первой группы древнейшими являются: славяно-сербское евангелие (последняя четверть XII в.), Вуканово евангелие (между 1201 и 1208 гг.) — оба кириллические, глаголические листки (XII в.), глаголические Гршковичево евангелие и отрывки «Апостола» (начало XIII в.) и др. Из писанных кириллицей, древнейшей является грамота боснийского бана Кулина 1189 г., затем идут дубровницкие грамоты, выданные сербским правителям. К законодательным памятникам относятся Законник Стефана Душана (1325—1355), выданный в ряде списков, Полицкий статут (список XVI в.), Задарский закон (глаголический список начала XVI в.). К группе светских памятников относятся многие литературные произведения средневековья, в частности роман об Але

С XV в. начинается развитие далматинской (центр — Дубровник) литературы на народном языке (вначале на базе чакавского диалекта, затем перешедшей на штокавскую основу).

§ 160. Битва на Косовом поле (1389), последующие турецкие завоевания привели к многовековому господству турок на Балканском полуострове. Национальный и церковный гнет со стороны турецких завоевателей привел к полной остановке литературного развития в сербских областях. Однако народ ревниво охранял свою культуру и язык от турецких ассимиляторов, которые никогда не могли сломить сопротивление южнославянских народов. С XVII в. в северной Сербии усиливается влияние русской культуры. Среди многих образованных сербов складывается убеждение, что русский литературный язык может стать тем языком, которым должна пользоваться сербская письменность. В результате всего этого в восточных областях вплоть до начала XIX в. продолжалось литературное развитие на церковном сербославянском языке, находившемся под влиянием русского литературного языка того времени. В западных областях развивалась письменность, продолжавшая дубровницкую традицию, или употреблялось чакавское наречие (у хорватов). Единого литературного языка сербов и хорватов не существовало.

§ 161. В борьбе за создание единого литературного сербско-хорватского языка огромные заслуги принадлежат Вуку Стефановичу Караджичу. Единство литературного языка было реализовано в 1836 г., когда Л. Гай и его сторонники в Хорватии отказались от местного чакавского диалекта и перешли на штокавщину. С сербской стороны большое значение имела деятельность языковеда Дж. Даничича и поэта Б. Радичевича, с хорватской — поэта И. Мажуранича и языковеда Т. Маретича. Новый литературный язык получил развитие в творчестве П. П. Негоша, Й. Йовановича-Змая, Л. Лазаревича, Б. Нушича, Ст. Враза, А. Шеноа и других.

В настоящее время различия между вариантами литературного сербскохорватского языка Белграда и Загреба (кроме графики и произношения замен ё) заключаются лишь в словаре, например: серб. *здање* — хорват. *zgrāda*, серб. *штāмна* — хорват. *tisak*, серб. *час* — хорват. *ūra*, серб. *писмòноша* — хорват. *listònoša*, серб. *недеља* — хорват. *sèdmica*, серб. *пòзориште* — хорват. *kàzalište*, серб. *воз* — хорват. *vlak*, серб. *јун* («июнь») — хорват. *lipanj*, серб. *àприл* — хорват. *travanj*, серб. *дèцембар* — хорват. *pròsinac*, серб. *стàница* — хорват. *kòlodvor* и т. д.

§ 162. Практические задачи языковой культуры теснейшим образом связаны с конкретными проблемами и непреодоленными затруднениями, возникающими перед тем или иным литературным языком. Этими же условиями в значительной степени

определяется общая ориентация языковедческой работы и даже ее методы. В многонациональной Югославии, кроме словенского (центр Любляна) и македонского (центр Скопле) литературных языков, на обширных территориях используется сербскохорватский (или хорваткосербский) литературный язык. Этим языком пользуются представители трех наций — сербов (центр Белград), хорватов (центр Загреб) и черногорцев (центр Титоград); он используется также в Боснии и Герцеговине (центр Сараево), где живут и сербы и хорваты. Территория распространения сербскохорватского языка простирается от Истрии до Карпат и от Паннонской равнины до Адриатики. В кругу славянских литературных языков этот язык занимает особое место, так как он обслуживает несколько наций. Обычно это приводит к появлению и нескольких вариантов литературных языков (ср. английский в Великобритании и США, испанский в Испании и странах Латинской Америки, португальский в Португалии и Бразилии). В силу исторических условий сербскохорватский литературный язык также обладает двумя вариантами: сербским (восточным, белградским) и хорватским (западным, загребским). Достаточно указать, что лишь в 1918 г. Сербия и Хорватия перестали разделяться государственной границей.

§ 163. В 1850 г. на встрече сербских и хорватских деятелей культуры в Вене было заключено соглашение о едином литературном языке. Хорваты приняли реформу Караджича и штокавские нормы нового литературного языка, но, в отличие от сербской кириллицы, стали использовать латинскую графику, продолжая в этом традиции далматинской и славонской литератур. Так возникли два графических варианта сербскохорватского языка. В последующие десятилетия наиболее спорным был вопрос о произношении в литературном языке замен старого *ѣ*. На востоке в данном случае произносят *e* (экавское произношение: *река, лес, мера, бели*). Эта тенденция возобладала в сербских районах. На юге произносят *je* в кратком и *ije* в долгом слоге (экавское произношение: *rijeka, lijес, mјera, bijeli*). Экавское произношение, установленное еще Караджичем, одержало верх в хорватском варианте литературного языка. Кроме графики и различий в произношении, в едином языке Сербии и Хорватии имеются различия в словарном составе. Отчасти они обусловлены давними и отличными культурно-историческими традициями сербов и хорватов. Однако к уже имевшимся лексическим отличиям за минувшее столетие присоединялись новые. Терминологические системы обычно создавались в Белграде и Загребе независимо друг от друга. Пуристические тенденции в Хорватии вели к внедрению многих новообразований. В Сербии эти тенденции не получили заметного развития. В настоящее время можно легко обнаружить лексические единицы, отра-

жающие сербскохорватские варианты в словаре. К ним относятся, например, названия месяцев, старые и новые слова из области культуры: серб. *станица* («вокзал») — хорват. *kolodvor*, серб. *музика* («музыка») — хорват. *glazba*, серб. *фабрика* («фабрика, завод») — хорват. *tvornica*, серб. *адвокат* («адвокат») — хорват. *odvjetnik*, серб. *искуство* («опыт, испытание») — хорват. *kušnja*, серб. *азот* («азот») — хорват. *dušik* и т. п.

В распространении норм единого сербскохорватского литературного языка видную роль сыграли грамматические труды серба Дж. Даничича (1825—1882) и особенно хорвата Т. Маретича (1854—1938), автора «Грамматики и стилистики хорватского или сербского литературного языка» (1899, 2-е изд., 1931, 3-е изд., 1963). Из словарных работ наибольшее значение имел «Словарь хорватского языка» И. Броза и Ф. Ивековича (1901). Виднейшие представители культурной жизни всегда выступали за единство литературного языка сербов и хорватов. Языковые различия между сербской и хорватской разновидностями литературного языка изучены до сих пор слабо. Политические обстоятельства, имевшие преходящий характер, препятствовали этому. Однако нередко (об этом свидетельствует и недавнее прошлое) националистически настроенные элементы стремились к тенденциозному преувеличению языковых различий.

§ 164. После окончания мировой войны и социалистического переустройства Югославии вновь возник вопрос о сербскохорватском литературном языке, его культуре и дальнейших путях совершенствования. Общий рост образования, прилив сельского населения в города, усиливающееся влияние языка печати, радио, телевидения увеличили не только социальную базу литературного языка, но и повысили требования к его общественным функциям и стилистической дифференциации. В литературный язык усиленно проникают областные и диалектные элементы, что ведет к расшатыванию и нарушению сложившихся норм. Словарный состав характеризуется притоком множества слов, как заимствований интернационального характера, так и образованных из своего лексического материала; многие старые слова уходят на периферию словарного запаса и становятся архаизмами. В новых условиях традиционная норма, основывающаяся на языке Вука Караджича и народного эпоса, очевидно, устаревает не только в наиболее подвижном элементе языка — лексике, но и в области синтаксических построений. Появляется острая необходимость в изучении существующих норм употребления литературного языка, как они отражаются в языке современных писателей и повседневной языковой практике активных носителей литературного языка. Положение осложняется наличием двух разновидностей литературного языка, причем существование дублетных форм едва ли способствует прочности и обязательности литературных норм. Сербскохор-

ватские лингвисты отмечают в последние годы возникновение региональных типов разговорного литературного языка и в других крупных центрах (Сараево, Новый Сад, Цетинье, Мостар). В связи со сказанным перед сербскохорватскими языковедами возникли две важные проблемы: 1) изучение разговорной формы сербскохорватского литературного языка, 2) проблема нормализации новых явлений в структуре литературного языка и их закрепления. Обе они тесно связаны с вопросами культуры речи.

Необходимость решения назревших проблем как в теоретическом, так и в практическом плане осознается югославскими языковедами. В частности, многие из поднятых вопросов были отмечены в книге виднейшего сербского лингвиста А. Белича (1876—1960) «Вокруг нашего литературного языка» (1951). В сентябре 1953 г. журнал «Летопись Сербской Матицы» организовал анкету по вопросам сербскохорватского языка и правописания. Эта анкета предоставила некоторый материал для съезда лингвистов, писателей и работников культуры, который состоялся в декабре 1954 г. в Новом Саде. Новосадский съезд разработал общие директивы в области языковой культуры сербскохорватского литературного языка.

§ 165. Новосадские соглашения гласят, что национальный язык сербов, хорватов и черногорцев един. Поэтому и литературный язык, развившийся на его основе в двух главных центрах — Белграде и Загребе, также является единым. Официальное название этого языка состоит из двух частей с допущением перестановки составных элементов, т. е. возможно употребление как *сербскохорватский*, так и *хорватскосербский*. Оба вида письменности (кирилловская и латинская) признаются равноправными, причем знакомство с ними при школьном обучении обязательно. Оба произношения (экавское и екавское) признаются равноправными, причем специально было отмечено, что следует решительно противиться установлению искусственных преград на пути естественного и нормального развития сербскохорватского (хорватскосербского) литературного языка, а также препятствовать вредной практике «перевода» текстов и уважать оригинальность авторских текстов. В решения был включен пункт о необходимости унификации специальных терминологий. Наконец, были одобрены два мероприятия более конкретного характера: 1) создание словаря современного сербскохорватского языка, 2) унификация правописания наряду с частичной кодификацией литературного ударения.

В 1960 г. появилось в Белграде и Загребе разработанное специальной комиссией «Правописание сербскохорватского (хорватскосербского) литературного языка». Сложнее обстоит дело с подготовкой и изданием словаря. Было решено, что словарь современного литературного языка будет составлен сов-

местно Сербской и Хорватской Матицей, причем сербское издание (напечатанное кириллицей) будет аутентично хорватскому (напечатанному латинкой). В настоящее время сербская сторона издала три тома «Словаря сербскохорватского литературного языка» [т. I (1967), т. II (1967), т. III (1969)], хорватская версия содержит пока два тома [т. I (1967), т. II (1967)]. Ознакомление с появившимися томами показывает, что его составители отказались от нормативных задач и сделали своей целью создание информативного словаря, словаря-справочника, в котором можно узнать значение того или иного слова, но отсутствуют указания на сферу его употребления и стилистические свойства.

Естественно, что для такой позиции сербских и хорватских лингвистов имеются достаточные основания. Словарный состав сербскохорватского языка, как уже отмечалось, в настоящее время не является единым, а в значительной степени различается в зависимости от территории (сербской и хорватской). Здесь возможны различные отношения между одними и теми же словами: 1) живое и употребительное слово на востоке может оказаться архаичным на западе, и наоборот; 2) возможно предпочтительное употребление одного варианта слова на востоке и другого на западе; 3) большая употребительность какого-либо слова на востоке или западе при наличии синонимов. Поэтому стилистические характеристики и указания на сферу употребления многих слов не могут быть едиными.

Из других лексикографических работ следует указать на фундаментальный 21-томный исторический толковый «Словарь хорватского или сербского языка», начатый загребской Южнославянской Академией наук и искусств еще в 1881 г. и законченный в 1959 г. Этот словарь содержит лексику сербскохорватского языка с древней эпохи до середины XIX в. и охватывает около 280 000 слов. Это самый большой труд в югославянской лексикографии. Сербская Академия наук, в свою очередь, в 1959 г. начала издавать давно готовившийся толковый «Словарь сербскохорватского литературного и народного языка». Словарь будет содержать словарный состав литературного языка за последние 150 лет, начиная с В. Караджича. Этот тип словаря близок по замыслу 17-томному «Словарю современного русского литературного языка» или «Настольному словарю чешского языка» (9 томов, 1935—1957). Предполагается, что в него войдет истолкование около 300 тысяч слов.

§ 166. Большое значение для сербских и хорватских лингвистов имел состоявшийся в Белграде в сентябре 1964 г. международный симпозиум о жизни и деятельности В. Караджича в связи со столетней годовщиной его кончины. Он привлек внимание к проблемам специфики сербскохорватского литературного языка, к осмыслению характера кодификации литературного

языка, произведенной Караджичем, и выявил противоречия в способе ликвидации разрыва между вуковской нормализацией и современным состоянием литературного языка. Эти противоречия в обнаженном виде обнаружались в сентябре 1965 г. в Сараеве, где состоялся ежегодный съезд югославских славистов. К литературному языку имеют отношение две проблемы, обсуждавшиеся на съезде: 1) о норме современного сербскохорватского литературного языка; 2) о вариантах (сербском и хорватском) литературного языка.

М. Ивич в своем реферате подняла вопрос об источниках нормы литературного языка. По ее мнению, литературному языку подходит эластичная стабильность, причем в связи с ростом общественных функций и изменением условий функционирования языка сами литературные нормы следует пересматривать и приводить в соответствие с существующим положением. В настоящее время, по мнению докладчицы, в крупных центрах страны в языковой практике городских слоев образуется разговорная литературная речь, которая находится под сильным влиянием языка публицистики и литературных передач по радио и телевидению. Именно эти процессы должны явиться базой для новой нормализации, хотя этот разговорный язык является различным по крайней мере в двух крупнейших центрах — Белграде и Загребе. Однако большая часть присутствующих стояла за сохранение кодификации В. Караджича и отвергла необходимость резких изменений в норме и лояльное отношение к областным явлениям.

Загребский языковед Л. Йонке поднял вопрос о том, что сербскохорватский язык не является единым, что в нем имеются западный и восточный варианты. Йонке сетовал, что хорватский вариант литературного языка находится в неравноправном положении по сравнению с сербским, особенно в Боснии и Герцеговине. Следует отметить, что редактируемый Йонке загребский журнал «Язык» на протяжении ряда лет носил характерный подзаголовок «Журнал о культуре хорватского литературного языка», что без упоминания сербского свидетельствует о своеобразном сепаратизме. С сербской стороны М. Стеванович выступил со статьей с симптоматичным заголовком «Некоторые лексико-стилистические различия, а не варианты языка» («Наш язык», т. XIV, 1956, с. 195—226).

§ 167. В последующие годы вопрос о сербскохорватских языковых отношениях приобретал все большую остроту. В декабре 1967 г. некоторые представители хорватской интеллигенции выступили с «Декларацией о названии и положении хорватского литературного языка». Партийные и общественные органы Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговины выступили с осуждением языковых распрей, указывая, что они не соответствуют интересам страны, интересам сербов, хорватов, боснийцев и

черногорцев. Выражалась поддержка новосадских соглашений, предусматривавших равноправие обоих вариантов сербско-хорватского литературного языка.

В грамматическом строе сербскохорватский литературный язык не имеет каких-либо существенных различий, хотя в склонении и спряжении имеются колебания, допускаемые орфографическими правилами. Современные фонетика, морфология и словообразование хорошо описаны в грамматике М. Стевановича «Современный сербскохорватский язык (Грамматическая система и литературно-языковая норма)», изданной в 1964 г. Синтаксическая система описывается в книге М. Лалевича «Синтаксис сербскохорватского литературного языка» (1962). В Хорватии пользуются успехом «Грамматика хорватско-сербского языка» И. Брабца, М. Храсте и С. Живковича (9-е изд., 1970) и «Обзор грамматики хорватско-сербского языка» С. Тежака и С. Бабича (5-е изд., 1972), предназначенные для средней школы.

Вопросы культуры сербскохорватского литературного языка находят освещение в двух журналах. «Наш язык» издается в Белграде (с 1921 г.); с 1950 г. выходит «новая серия» журнала в качестве органа Института сербскохорватского языка Сербской АН. В Загребе с 1952 г. Хорватское филологическое общество издает журнал «Язык».

§ 168. Сербскохорватский язык характеризуется значительным диалектным разнообразием. Принято различать три крупных диалекта (наречия): штокавское, чакавское и кайкавское. Эти названия получены ими по относительно малозначительному признаку — форме вопросительного местоимения *что*: *што* (из *čto*), *ča* (из *čь*) и *kaj* (из *kъ-jь*).

Штокавское наречие занимает большую часть территории сербскохорватского языка. В нем находим изменение *ј* в *и*, *л* в закрытом слоге в *о*, систему четырех ударений и т. д. Штокавщина лежит в основе литературного языка. По характеру произношения замен старого *ě* это наречие делится на три группы: 1) восточная с произношением *e* (экавская): *rěka*, *les*, *měra*, *beli* (экавская группа включает более древние косово-ресавские и более новые шумадийско-сремские говоры, включая столицу Югославии Белград); 2) южная с произношением *je* в кратком и *ije* в долгом слоге (екавская): *rijěka*, *lījes*, *mjěra*, *bījeli* (эта группа содержит древние черногорские и более молодые боснийско-герцеговинские говоры); 3) западная с произношением *i* (икавская): *rika*, *lis*, *mira*, *bīli* (к этой группе относятся говоры, пограничные с чакавским наречием).

Чакавское наречие в настоящее время занимает сравнительно незначительную территорию сербскохорватского языка: побережье Далмации, западную часть Хорватии, часть Истрии и прибрежные острова Крк (Велья), Раб, Брач, Корчула и др.

Для чакавщины характерны: изменение группы *dj* в *j*: *mejă* (литер. *měĥa*), *mlàji* (литер. *mlăĥu*); сохранение конечного *l*; замена *ę* после мягких согласных посредством *a*: *jazik* (литер. *jèzik*), *žätva* (литер. *жётва*), *řòčati* (литер. *нòчети*); сохранение старой формы род. пад. мн. ч. *žên*, *krâv* (литер. формы на *-a*); сохранение различных форм для дат., твор. и местн. пад. мн. ч.: *ženân*, *ženâmi*, *ženâh*. По произношению замен старого *ě* чакавское наречие подразделяется на экавские и икавские говоры. Первые расположены на западе (хорватское Приморье, Истрия), вторые — восточнее (побережье Далмации). Большие различия между штокавским и чакавским наречиями обнаруживаются в области ударения. Чакавщина сохраняет старое место ударения с различием восходящей и нисходящей интонаций только на долгих слогах. Поэтому место чакавского ударения отличается от штокавского (литературного), где ударение вторично передвинулось вперед: ср. чак. *bradă*, *glavă*, *mlekô*, *zimă*, *rukă*, *nogă*, *ženă*, *črnă* и рус. *бородá*, *головá*, *молоко́*, *зимá*, *рукá*, *ногá*, *женá*, *чернá*, а также шток. *bràda*, *glàva*, *mlèko*, *zíma*, *rúka*, *nòga*, *žèna*, *črna*.

Кайкавское наречие расположено в северо-западной части сербскохорватской территории в Хорватии (между прочим, центр Хорватии Загреб находится на территории этого наречия). В ряде особенностей: *e* в качестве рефлекса редуцированных; замены *ě*; утрата звательной формы; сохранение супина и т. п. — кайкавское наречие сближается с словенским языком. Особое место занимают призрено-тимочские говоры. Наряду с сербскими особенностями (*tj*, *dj* > *ĥ*, *ĥ*; *ѣ*, *ь* > *a*, *o* > *u*) в этих говорах находим морфологические и фонетические черты, которые сближают их с болгарским языком: утрата именного склонения; употребление постпозитивного члена; утрата инфинитива; образование форм сравнительной степени посредством присоединения приставки *по-* к форме положительной степени; экспираторное ударение; утрата гласными количественных различий. Эти говоры образуют переходную полосу от сербскохорватского к болгарскому языку.

Тексты на сербском языке

Бранко Радичевић

ДЕВОЈКА НА СТУДЕНЦУ

Как сам синоћ овде била
И водице завила,
Доће момче црна ока
На коњицу лака скока,
Поздрави ме, зборит' оде:

«Дајде селе мало воде!»
Ове речи — слатке стреле —
Минуше ми груди беле,
Скочи млада, њему стиго,
Диго крчаг, руку диго
Рука дркта — крчаг доле —
Оде на две на три поле.
Још од њега леже црепи,
Али де је онај лепи?
Кад би сада опет до'шо,
Ма и овај други прош'о!

1843

(Бранко Радичевић Песме.
Панчево, 1879, с. 5)

Б р а н и с л а в Н у ш и ћ

МАКСИМ

Максм улеже у оближњи град, кријући успут врло брижљиво да је до јуче био магарац. Улеже у град и заустави се на једној раскрсници, те поче размишљати куда ће и шта ће.

Проходе крај њега људи, жене, деца. Неко се погнуо под силним теретом који носи на леђима, други ходи лако, хитро; један жури, види му се, мора негде стићи, други ходи лагано, види му се, није рад куд је пошао. Једни шапћу, други се деру; један нешто гура пред собом, други нешто вуче за собом, так видиш, свако је за својим послом, а раскрасница је те гмиже.

Како ли ће Максим да разбере чега ли би се он прихватио. Пође да разгледа овамо и онамо не би ли се чега сетио. Иде и звера по дућанима. Види у једном трговац се брижно наднео над књигом, рука му игра по хартији, усне му ситно шапћу неке бројеве, а чело му се ознојило.

— Није то за мене,— мисли се Максим у себи,— ко би се умео у тим бројевима снаћи, ту треба бистра памет.

Иде даље, па стаје пред другиду ан Тамо мајстор неки, гараве му руке од посла, мокра му кошуља од зноја, а потегаю чекић који је тежи ваљда но самар што га је јуче Максим носио.

— Не ваља ни ово,— мисли се Максим,— ако ћу то, боље ми је било остати магарац.

(Бранислав Нушић.
Изабране приповетке.
Београд, 1957, с. 14—15)

SMRT SMAIL-AGE CENGIĆA

Aga dobro ne doreče,
A na dvoru puška grmnu
I Saferu, koji prvi
Na glas agin gotov skoči,
U noć drugo prosu oko;
Ter što danas činit ljuti
Džilit poče, smrtno zrno doče
«Vlasi, Vlasi!» — svudar vika jeknu
U to jedan čete dio
U čadorje naboj sasu,
«Vlasi, Vlasi!» — Turci viču,
«Konja, konja!» — grmi aga
Dio drugi tada grunu.
«Vlasi odasvud! Puške, nože!»
«Konja, konja, Haso, konja!»
Diljke izprazni dio treći,
I već Hasan vižla brži
Izvede mu dobra konja.
Posjest aga gdje ga htjede,
Iz oblaka munja kresnu,
I vruć purak sa zemljom ga svede
Noć je mračna; ne znaš, tko ga svali,
Al' tu blizu Mirko puške pali. . .
Proz noć crnu prhnu bez tijela
Hrabra duša, gola, nevesela! . . .

1845

(Ivan Mažuranić.
Pjesme. Zagreb, 1895, s. 193—194)

V l a d i m i r N a z o r

VODA

Ima preko tri mjeseca, što ne kiši.

Dani su dugi. Sunce je tako toplo i sjajano, da od njegove svjetlosti oči bole, a dišeš teško: nešto i u tebi žeže i pali. Obdan je sve mrtvo, mlitavo, u luci i u selima. Nije dobro ni noću. U onoj kratkoj tami i između kasnog smiraja i ranog rođeñja sunčeva, osjećaš još jače toplinu, što izbija iz užarenih litica, iz ugrijanih zidova, iz svega onoga, čega su se dotakle sunčane zrake preko dugog ljetnog dana.

Al' i ovog puta — jako je suša dugaii žestoka kao još nikada — ljudi se na ostrvu ne tuže toliko zbog svojih vinograda i maslinika. Čuju se glasovi, e su na mnogim prisojima, ponajviše na tranama brdâ, usahli čitavi redovi mladih loza i mladih maslina: osušili se i pocrnjeli kao da ih nešto oparilo. Vrtovi su pusti. Nema nigdje ni struka trave. A uz smreke i smrče kao da se i maslina i loza još uvijek opiru toj nevolji u svim docima i na osojima. Bit će to otuda, što je proljeće bilo dugo, mokro i bez vjetrova. Sve je onda bujno listalo, pupalo i cvalo; napilo se vlage. Jer ni o Velikoj Gospi nije kišilo, bit će ove godine manje vina i ulja, ali — padne li doskora kiša — ipak će se trgati i brati, a grožđe će biti slatko, vino jako, ulje kao zlato. Znadu naše loze i naše masline, što su ljetne suše. Suhe, čvoraste i žilave troše polagano ono malo kapi vode, što ih još ima pod njihovom korom.

(Vladimir N a z o r. Antologija hrvatske proze.
II. Beograd, 1956, s. 7)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Арбузова И. В., Дмитриев П. А., Сокаль Н. И. Сербохорватский язык. Л., 1965.

Белић А. Грамматика српскохрватског језика. I—III. Београд, 1933—1934.

Белић А. Историја српскохрватскога језика. Изд. 2-е Београд, 1962.

Вгабес Ј., Нгасте М., Živković S. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Изд. 9-е, Zagreb, 1970.

Jivić P. Die serbokroat:schen Dialekte. I. Gravenhage, 1958.

Кульбакин С. М. Сербский язык. Изд. 2-е. Полтава, 1917.

Лалевић М. Синтакса српскохрватскога књижевног језика. Београд, 1962.

Maretić G. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Изд. 3-е. Zagreb, 1968.

Поповић И. Историја српскохрватскога језика. Нови Сад, 1955.

Роровић Ј. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Rešetar M. Mluvnice jazyka srbocharvátského. Пер. с серб. Praha, 1946.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (Грамматички системи и књижевно језичка норма). I. Београд, 1964.

Sławski F. Zarys dialektologii południowo-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1962.

Франчић В. Gramatyka opisowa języka serbochorwatskiego. Warszawa, 1963.

Frýdecký J. Učebnica srbochorvátčiny pre samoukov. Bratislava, 1964.

Jurančič J. Južnoslovanski jeziki. Ljubljana, 1957.

Речник српскохрватскога књижевнога језика. I—III. Нови Сад — Загреб, 1966—1969.

Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika. I—II. Zagreb, 1966—1967.

Српскохрватско-македонски речник. Скопје, 1964.

Толстой И. И. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.

Jurančič J. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955.

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

§ 169. Словенский литературный язык использует хорватскую графику (исключен лишь знак для согласного *ć*, которого нет в словенском). В словенском языке гласные различаются в количественном отношении. Однако долгим может быть только гласный под ударением, вне ударения гласные краткие. Гласный под восходящим ударением обозначается знаком *ˊ*, под нисходящим — знаком *˘*: *sánja* («мечта»), *dân* («день»). Краткость гласного под ударением передается знаком *˘*. Ударение оказывает существенное влияние не только на длительность, но и на произношение гласных. Как правило, долгие ударенные гласные приобретают закрытое, узкое произношение, вследствие чего *ô* часто переходит в *uo*, *ou*, а *e* в *ei* (обозначаются *ô*, *ê*). Безударные гласные произносятся открыто и кратко, в результате чего *i*, *u*, *e*, *o* часто редуцируются или вообще не произносятся; так *gospôd* («господин») произносится с редукцией безударного *o*, как *gʷspôd*, *mísliti* — как *míslt*. Перед *r* гласный *e* изменяется в *i*: *Prešern* произносится *Preširn*. Вследствие указанных особенностей словенская графика не вполне отражает произношение гласных, и чтение текста для несловенца представляет значительные трудности.

§ 170. Согласные утратили мягкость перед гласными переднего ряда: мягкие *n* и *l* восходят к давним сочетаниям этих согласных с *j*, *krâlj*, *ljubav* («любовь»). Представлен слоговой плавный *r*: *srcê*, *krvâv*, *třg* («базар»); слоговой *l* изменился в *ol* (произносится *ou*): *vôlk*, *mólčati*, *dôlg*, *sólza* («слеза»). Сочетание *že* после гласных заменено *re*: *takore* (из *takože*), *morem* вместо *možem* и т. п. (то же явление находим в сербско-хорватском языке).

§ 171. В области грамматики следует отметить: утрату звательной формы (заменена формой им. пад.); форму родительного падежа множественного числа мужского рода на *-ov*: *Slovanov*, *konjev*; употребление местоимения *kaj* в значении «что»; окончание *-ga* в родительном падеже единственного числа местоименного склонения; сохранение супина: *pojdi kravo vrăcat* («пойди, чтобы вернуть корову»). Характерной особенностью словенского

языка является сохранение двойственного числа в склонении и спряжении. В других славянских языках (кроме серболужицкого) эта категория утрачена. До сих пор употребляются формы именительного-винительного и дательного-творительного падежа двойственного числа, тогда как форма родительного-местного падежа заменена формами множественного числа. В мужском склонении именительный-винительный падеж имеет окончание *midva sva si stara prijatelja*, в дательном-творительном падеже выступает *-oma (-ema)*: *bratoma, konjema*. В среднем роде соответственно имеем: *mesti, pólji; mestoma, pólje* в женском роде: *ribi, zémlji, ribama, zémljama*. Среднее двойственное число: *ali sta vaša soseda bogata?* — и множественное число: *ali so vaši sosedi bogati?* Формы двойственного числа у глаголов следующие: в 1-м лице настоящего времени для мужского рода *-va*, для женского и среднего *néseva, néseve*, во 2-м и 3-м лице для мужского рода *-ta*, женского и среднего *-te*: *néseta, néseste*. Причастие на составе перфекта также имеет формы двойственного числа в мужском роде на *-a*, в женском и среднем на *-i*: *sva p* («мы оба пекли»), *sva pekli* («мы обе пекли»); для 2-го и 3-го лица выступают формы *sta pekla, sta pekli*; ср. также *oče in sin šla v šumo drva sekati* («отец и сын пошли в лес (что рубить дрова)»). Следует также отметить, что в словенском языке будущее время образуется посредством сочетания инфинитива с формами настоящего времени вспомогательного глагола *bíti* («быть»), тогда как в других южнославянских языках употребляется в этой функции глагол *хотеть*; ср. *delal* (*bot* из *bodem*), *kipoval bot* и сербское *ja ћу napisati*, болгарское *аз ще (да) пиша* и т. п. В словенском языке утрачены аорист и имперфект.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ И СПРЯЖЕНИЯ
Склонение имен существительных женского рода
Единственное число

И	<i>lip-a</i>	<i>gór-a</i>	<i>mísel</i>
Р	<i>lip-e</i>	<i>gor-é</i>	<i>mísl-i</i>
Д	<i>lip-i</i>	<i>gór-i</i>	<i>mísl-i</i>
В	<i>lip-o</i>	<i>gor-ó</i>	<i>mísel</i>
Т	<i>lip-o</i>	<i>gor-ó</i>	<i>mísl-ijo</i>
П	<i>lip-i</i>	<i>gór-i</i>	<i>mísl-i</i>

Множественное число

И	<i>lip-e</i>	<i>gor-é</i>	<i>mísl-i</i>
Р	<i>lip</i>	<i>gor-á</i>	<i>mísl-i</i>
Д	<i>lip-am</i>	<i>gor-am</i>	<i>mísl-im</i>
В	<i>lip-e</i>	<i>gor-e</i>	<i>mísl-i</i>
Т	<i>lip-amu</i>	<i>gor-ámu</i>	<i>mísl-imu</i>
П	<i>lip-ah</i>	<i>gor-ah</i>	<i>mísl-ih</i>

Двойственное число

И	<i>lip-i</i>	<i>gôr-i</i>	<i>mísl-i</i>
Р	<i>lip</i>	<i>gor-a</i>	<i>mísl-i</i>
Д	<i>lip-ama</i>	<i>gor-áma</i>	<i>mísl-ima</i>
В	<i>lip-i</i>	<i>gôr-i</i>	<i>mísl-i</i>
Т	<i>lip-ama</i>	<i>gor-áma</i>	<i>mísl-ima</i>
П	<i>lip-ah</i>	<i>gor-àh</i>	<i>mísl-ih</i>

Склонение существительных мужского и среднего рода

Единственное число

И	<i>móž</i>	<i>rak</i>	<i>mést-o</i>	<i>pólj-é</i>
Р	<i>mož-á</i>	<i>rák-a</i>	<i>mést-a</i>	<i>pólj-a</i>
Д	<i>mož-u</i>	<i>rák-u</i>	<i>mést-u</i>	<i>pólj-u</i>
В	<i>mož-á</i>	<i>rak-a</i>	<i>mést-o</i>	<i>pólj-é</i>
Т	<i>mož-em</i>	<i>rák-om</i>	<i>mést-om</i>	<i>pólj-em</i>
П	<i>móž-u</i>	<i>rak-u</i>	<i>mest-u</i>	<i>pólj-u</i>

Множественное число

И	<i>mož-jé</i>	<i>rák-i</i>	<i>mést-a</i>	<i>pólj-a</i>
Р	<i>móž</i>	<i>rák-ov</i>	<i>mést</i>	<i>pólj</i>
Д	<i>mož-ém</i>	<i>rák-om</i>	<i>mést-om</i>	<i>pólj-em</i>
В	<i>mož-é</i>	<i>rák'e</i>	<i>mést-a</i>	<i>pólj-a</i>
Т	<i>mož-mi</i>	<i>rák-i</i>	<i>mest-i</i>	<i>pólj-i</i>
П	<i>mož-éh</i>	<i>rák-ih</i>	<i>mest-ih</i>	<i>pólj-ih</i>

Двойственное число

И	<i>mož-a</i>	<i>rák-a</i>	<i>mést-i</i>	<i>rólj-i</i>
Р	<i>móž</i>	<i>rák-ov</i>	<i>mést</i>	<i>pólj</i>
Д	<i>mož-éma</i>	<i>rák-oma</i>	<i>mést-oma</i>	<i>pólj-ema</i>
В	<i>mož-á</i>	<i>rák-a</i>	<i>mést-i</i>	<i>pólj-i</i>
Т	<i>mož-éma</i>	<i>rak-oma</i>	<i>mést-oma</i>	<i>pólj-ema</i>
П	<i>mož-éh</i>	<i>rák-ih</i>	<i>mést-ih</i>	<i>pólj-ih</i>

Склонение прилагательных Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И	<i>bogat-i</i>	<i>bogat-o</i>	<i>bogát-i</i>
Р	<i>bogát-ega</i>		<i>bogat-e</i>
Д	<i>bogat-emu</i>		<i>bogat-</i>
В	Как им или род пад	<i>bogat-o</i>	<i>bogát-e</i>
Т	<i>bogat-im</i>		<i>bogát-i</i>
П	<i>bogat-em</i>		<i>bogat-i</i>

Множественное число

И.	<i>bogát-i</i>	<i>bogát-a</i>	<i>bogát-e</i>
Р.		<i>bogát-ih</i>	
Д.		<i>bogát-im</i>	
В.	<i>bogát-e</i>	<i>bogát-a</i>	<i>bogát-e</i>
Т.		<i>bogát-imi</i>	
П.		<i>bogát-ih</i>	

Двойственное число

И.	<i>bogát-a</i>	<i>bogát-i</i>	<i>bogát-i</i>
Р.		<i>bogát-ih</i>	
Д.		<i>bogát-ima</i>	
В.	<i>bogát-a</i>	<i>bogát-i</i>	<i>bogát-i</i>
Т.		<i>bogát-ima</i>	
П.		<i>bogát-ih</i>	

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица
и возвратное местоимение

Единственное число

И.	<i>jàz</i>	<i>tí</i>	—
Р.	<i>mêne, mè</i>	<i>têbe, tè</i>	<i>sêbe, sè</i>
Д.	<i>mêni, mi</i>	<i>têbi, ti</i>	<i>sêbi, si</i>
В.	<i>mêne, mè</i>	<i>têbe, tè</i>	<i>sêbe, sè</i>
Т.	<i>menój (máno)</i>	<i>tebój (tábo)</i>	<i>sebój (sábo)</i>
П.	<i>mêni</i>	<i>têbi</i>	<i>sêbi</i>

Множественное число

И.	<i>mí, mé</i>	<i>ví, vé</i>	В.	<i>nàs</i>	<i>vàs</i>
Р.	<i>nàs</i>	<i>vàs</i>	Т.	<i>námi</i>	<i>vámi</i>
Д.	<i>nàt</i>	<i>vàt</i>	П.	<i>nàs</i>	<i>vàs</i>

Двойственное число

И.	<i>mídva, mídve</i>	<i>vídva, vídve</i>	В.	<i>náju</i>	<i>váju</i>
Р.	<i>náju</i>	<i>váju</i>	Т.	<i>náta</i>	<i>váta</i>
Д.	<i>náta</i>	<i>váta</i>	П.	<i>náju (náta)</i>	<i>váju (váta)</i>

Личное местоимение 3-го лица ОН

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>òn</i>	<i>onó</i> <i>njéga, gà</i> <i>njémi, mù</i> <i>njéga, gà</i> <i>njím</i> <i>njém</i>	<i>óna</i> <i>njé (jè)</i> <i>njéj (nji)</i> <i>njó (jò)</i> <i>njó</i> <i>njéj (nji)</i>

Множественное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>oni</i>	<i>oná</i>	<i>oné</i>
		<i>njih (jih)</i> <i>njim (jim)</i> <i>njé (jih)</i> <i>njimi</i> <i>njih</i>	

Двойственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>onádua</i>	<i>onédve</i>	<i>onédve</i>
		<i>njú (njih)</i> <i>njíma (jíma)</i> <i>njú (njih)</i> <i>njíma</i> <i>njih</i>	

Указательное местоимение ЭТОТ

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>tá</i>	<i>tó</i> <i>téga</i> <i>temu</i>	<i>tá</i> <i>té</i> <i>téj (ti)</i> <i>tó</i> <i>tó</i> <i>téj (ti)</i>
	Как им или род пад	<i>tó</i> <i>tém</i> <i>tém</i>	

Множественное число

Двойственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>tí</i>	<i>tá</i> <i>téh</i> <i>tém</i>	<i>té</i>
	<i>té</i>	<i>tá</i> <i>temu</i> <i>téh</i>	<i>té</i>

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Р Д В Т П	<i>tá</i>	<i>té (ti)</i> <i>téh</i> <i>téma</i>	<i>te (ti)</i>
	<i>tá</i>	<i>té (ti)</i> <i>téma</i> <i>téh</i>	<i>té (ti)</i>

Вопросительные местоимения КТО и ЧТО

И	<i>kdo</i>	<i>kaj</i>		<i>koga</i>	<i>kaj</i>
Р	<i>koga</i>	<i>česa</i>	В	<i>kom</i>	<i>čim</i>
Д	<i>komu</i>	<i>čemu</i>	Т	<i>kom</i>	<i>čem</i>
			П		

Спряжение глаголов Единственное число

1-е лицо	<i>nes-em</i>	<i>del-am</i>	<i>hval-im</i>
2-е лицо	<i>nes-eš</i>	<i>del-aš</i>	<i>hval-iš</i>
3-е лицо	<i>nes-e</i>	<i>del-a</i>	<i>hval-i</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>nes-emo</i>	<i>del-amo</i>	<i>hval-iva</i>
2-е лицо	<i>nes-ete</i>	<i>del-ate</i>	<i>hval-ita</i>
3-е лицо	<i>nes-ejo</i>	<i>del-ajo</i>	<i>hval-ijo</i>

Двойственное число

1-е лицо	<i>nes-eva (-eve)</i>	<i>del-ava</i>	<i>hval-iva</i>
2-е лицо	<i>nes-eta (-ete)</i>	<i>del-ata</i>	<i>hval-ita</i>
3-е лицо	<i>nes-eta (-ete)</i>	<i>del-ata</i>	<i>hval-ita</i>

§ 172. Первым памятником словенского языка являются так называемые Брижинские (Фрейзингенские) отрывки X или XI в., продолжающие старославянскую традицию. Этот памятник в XIX в. послужил отправным пунктом паннонской теории Копитара — Миклошича, согласно которой якобы все старославянские тексты написаны на древнесловенском языке. В XI—XV вв. вследствие сильного немецкого и латинского влияний словенский язык в письменности не употреблялся. Литературный словенский язык появляется в XVI в. в связи с реформаторским движением. Его создание связано с деятельностью П. Трубара (пропагандист лютеранства), Ю. Далматина (переводчик Библии) и А. Богорича (составитель первой словенской грамматики, 1584 г.). В основу литературного языка они положили родное наречие Нижней Крайны. В конце XVIII — начале XIX в. поэт В. Водник закладывает основы нового языка. Этот язык достигает высокой степени развития в творчестве самого значительного словенского поэта Фр. Прешерна (1800—1849). Во второй половине XIX в. литературный язык стал употребляться повсеместно; после длительной полемики словенцы решили пользоваться хорватской азбукой — гаевицей

§ 173. Территория словенского языка отличается чрезвычайным диалектным разнообразием. Это объясняется многовековой политической раздробленностью народа и отчасти характером рельефа. Выделяется до шести диалектных групп: 1) хорутанская (крайний северо-запад); 2) приморская (запад Словении) с резьянским диалектом; 3) верхнекраинская (на северо-запад от Любляны в долине р. Савы); 4) нижнекраинская (на юго-восток от Любляны); 5) штирийская (на северо-востоке между Дравой и Савой); 6) паннонская (крайний северо-восток) с замурским (за р. Мурой) диалектом, имеющим давнюю литературную традицию. В западных и северо-западных говорах представлены такие явления, которые роднят их с западнославянскими языками, в частности с чешским и словацким. Это прежде всего сохранение групп *tl*, *dl*, фрикативный *h*, отсутствие вторичного *l* в конце слова и т. д.

Тексты

Francé Prešern

V SPOMÍN VALENTÍNA VÓDNIKA

V Aráb'je puščávi
Se ptícek rodí
V odljúdni goščávi
Sám záse živí.

In míro nabíra
Netrúden vsê dní,
Sè vbáda, sè vpíra,
Za smrt lè skrbí.

So zvézde sestrice,
Mu mésec je brát;
Ní dáno mu ptíce
Si ljúbico zbrát'.

Grmádo 'z njih déla
Priléten samčè,
Ko príde smrt béla,
Na njí sè sêzge.

Zánj drúzba nê mára,
In ôn nê za njó;
V samôti se stára,
Mu léte tekó.

Ven pláne 'z plaména
S syítlôbo obdán,
Slovéc'ga iména
Ptič Fénis na dán.

Najslájši dišáve,
Ki zánje sám vé,
Najžláhtniši tráve,
Kadíla dragé.

Tak pévec se trúdi,
Samôten živí,
Se v slávi, ko zgrúdi
Ga smrt, prerodí.—

(Dóktorja Franséta Prešerna poezije.
Ljubljana, 1908, s. 19—20)

MATIJA BLAŽON

Vas Senovraven je bila razpoložena po visoki ravni. Hrib, na katerem je ležala raven, je bila dolga, leno raztegnjena gmošta, obraščena po rebrih z gozdovi. Čim pa so se strmine proti vrhu prelomile, so se šume končale in prelepa polja so se odprla vse naokrog, kakor da je bil vrh hriba odsekan in so strmine v svojem zaletu navzgor klonile v pokojno, prostrano ravnino.

Sredi te ravnine je bila župnijska cerkev z župniščem. Najbližja hiša tam je bil ponosen dom Matije Blažona. Najlepša palja so bila njegova in stari gozdovi na strminah griča, kjer so rastle najdebelejše bukve, so pripodali njegovi kmetiji.

Blažon je bil srednjevelik, krepak mož pet in štiridesetih let, čokat, širokih prs, ves je bil videti, kakor da je iz hrastovega debla, tako je bil trd in trden, neuklonljiv in uporen.

(Makso Šnuderl.

Od polnoči do polnoči.

Novele in povesti. Ljubljana, 1947, c. 179)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Bajec A. Rast slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1951.

Bajec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica. Изд. 3-e. Ljubljana, 1968.

Petr J. Základy slovinštiny. Praha, 1971.

Ramovš F. Dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana, 1968.

Rigler J. Začetki slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1968.

Ramovš F. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952.

Svane G. O. Grammatik der sloveischen Schriftsprache. Kopenhagen, 1958.

Foporišič J. Slovenski knjižni jezik. I. Изд. 2-e. Maribor, 1968; II. Maribor, 1966; III. Maribor, 1967.

Jurančič J. Slovenački jezik. Gramatika slovenačkog jezika za Hrvate i Srbe. Ljubljana, 1965.

II

Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. Изд. 2-e. Ljubljana, 1967.

Pletnar J. Rusko-slovenski slovar. Изд. 2-e. Ljubljana, 1964.

Slovar slovenskega knjižnega jezika. I. Ljubljana, 1970.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

§ 174. Болгары пользуются кириллицей, восходящей к русской гражданской азбуке. От русского алфавита болгарский отличается отсутствием букв *ы* и *э*. Кроме того, буква *щ* передает сочетание двух согласных *шт*: *щраф* («штраф»), а буква *ѣ* обозначает особый гласный звук. В феврале 1945 г. в Болгарии была проведена реформа графики и орфографии, состоявшая в исключении букв *ѣ* и *ж*, отмене написания букв *ѣ* и *ь* в конце слова и увеличении числа фонетических написаний. Вместо *ѣ* было установлено написание букв *е* и *я* в соответствии с произношением, вместо *ж* стали писать *џ*: *мляко*, *млечен*, *рџка*. Буква *ь* как знак мягкости употребляется перед гласным *о*, если перед ним произносится мягкий согласный: *Цѣньо*.

§ 175. В литературном языке представлены шесть гласных: *и*, *е*, *ѣ*, *а*, *у*, *о*. Гласный *ѣ* произносится примерно как русские *а*, *о* во втором предударном слоге (*воробѣй*, *сапогѣ*): *ѣгъл* («угол»), *кѣща* («дом»), *пѣлня* («наполнять»). В литературном языке находим многочисленные случаи чередования в одной морфеме гласных *е* и *'а*. Под ударением перед твердым слогом (с гласными *а*, *о*, *у*, *ѣ*) произносится *'а*, в безударном положении, а также под ударением перед следующим мягким слогом (с гласными *е*, *и*, *'а*, *'у*) произносится *е*: *бряг* — *бреговѣ*, *мляко* — *млѣчен*, *сѣнка* («тень») — *сѣнки*, *бял* — *бѣли* и т. п. Это чередование связано с изменением староболгарского *ѣ* в различных фонетических условиях.

§ 176. Все согласные, кроме полумягких *ж*, *ш*, *дж*, *ч*, в болгарском языке могут быть твердыми и мягкими. Однако в отличие от русского языка в болгарском согласные не смягчаются перед гласными переднего ряда *е* и *и*, они утратили также мягкость в конце слова и перед согласными: *ден*, *пет*, *сол*, *кон* (ср. рус. *день*, *пять*, *соль*, *конь*), *прѣсба*, *борбѣ*, *писмѣ* (ср. рус. *просьба*, *борьба*, *письмо*). Вследствие этого мягкие согласные в болгарском языке могут находиться только перед гласными заднего ряда: *бряг*, *мляко*, *гюм* («бидон»), *гьон* («подошва»). Конечные звонкие согласные переходят в глухие; произношение звонких и глухих согласных перед согласными отражает процесс их регрессивной ассимиляции: все звонкие согласные перед глухими становятся глухими, а все глухие перед звонкими — звонкими. Однако на письме эти изменения, как и в русском языке, не отражаются. В болгарском языке имеются многочисленные сочетания *р* и *л* с гласным *ѣ*. Этот гласный в одном и том же корне может находиться то перед плавным, то позади него в зависимости от фонетических условий. Если за указанным сочетанием следует один согласный, то *ѣ* находится перед плавным; если далее следует два согласных, то *ѣ* следует за плавным: *дѣрвѣ* («дерево»), но *дрѣвник* («дровяной

Большая часть имен существительных мужского рода оканчивается в единственном числе на твердый согласный: *град, брат, огън, кон, зет*. Находим также имена на *-й, -и, -а, -о*: *край, Георгий, Никола, баща, съдия, дядо, Марко*.

Большое разнообразие окончаний представлено во множественном числе. Многосложные существительные обычно оканчиваются на *-и*: *учител — учителя, прозорец («окно») — прозорци, българин — българи*. Задненёбные согласные *к, г, х* перед *и* изменяются в *ц, з, с*: *войник («солдат») — войници, вълк — вълци, белег («признак») — белези, сиромъх («бедняк») — сиромъси*. Односложные существительные обычно оканчиваются на *-ове, -еве*: *бряг — бреговé, син — синовé, вол — воловé, влак («поезд») — влакове, бой — бóеве*. При количественных числительных имена существительные мужского рода на согласный и на *-й* образуют форму множественного определенного числа с помощью окончаний *-а, -я*: *ученик — множественное число ученици, но четире ученика, самолёт — самолéти, но пет самолéта*.

Имена существительные женского рода в единственном числе оканчиваются на *-а, -я* и на согласный: *женá, земя́, радост*. Окончанием множественного числа является *-и*: *женíи, земíи, радости*. Имена существительные среднего рода в единственном числе оканчиваются на *-о, -е*: *селó, ёзеро, кúче («собака»), морé*. Имена на *-о* во множественном числе имеют окончание *-а*: *сéло — селá*. У имен на *-е* во множественном числе часто употребляется окончание *-ета*: *телé — телéта, момíче («девочка») — момíчета*. Ряд имен во множественном числе имеет два окончания: *-а (-я)* и *-ета*: *морé — моря́ и морéта, полé — поля́ и полéта*. Остатками двойственного числа являются формы: *коленé (от коляно), крилé (от крило́), раменé (от рамо), очí (от око́), ушí (от ухó), ръцé (от ръка́)*.

§ 178. Характерной особенностью болгарского языка является употребление особых членных форм существительных, прилагательных, местоимений и числительных. Эти членные формы употребляются примерно в том же значении, что и формы артикля в западноевропейских языках, но в отличие от них болгарский член является постпозитивным, т. е. ставится после определяемого слова и пишется с ним слитно. Членные формы изменяются по родам и числам. В мужском роде единственного числа имеются полные и краткие членные формы. Членные формы *-ът, -ят* называются полными: *мóливът, прозорецът, човéкът, кóнят, учителят*. Они употребляются в тех случаях, когда имя существительное выступает в функции подлежащего или является именной частью составного сказуемого. Членные формы на *-а, -я* называются краткими: *мóлива, прозореца, човéка, кóня, учителя*. Они употребляются для выражения всех других синтаксических функций существительного. Во множественном числе употребляется форма *-те*: *мóливите, прозорците* и т. п. Суще-

ствительные женского рода в единственном числе имеют членную форму *-та*, а во множественном числе *-те*: *мáса* («стол») — *мáсата* — *мáсите*; *крáва* («корова») — *крáвата* — *крáвите*. Существительные среднего рода в единственном числе имеют членную форму *-то*, а во множественном числе *-та*: *полé* (*полéта*) — *пелéтата*. Собственные имена и прозвища, названия месяцев, праздников, болезней не имеют членных форм. По происхождению членные формы являются указательным местоимением.

§ 179. Прилагательные в единственном числе изменяются по родам: *голя́м* («большой»), *голя́ма*, *голя́мо*. Во множественном числе прилагательные по родам не изменяются и имеют окончание *-и*: *голе́ми*. Членные формы следующие: *голе́мият*, *голе́мия* (муж. р.), *голя́мата* (жен. р.), *голя́мото* (ср. р.), *голе́мите* (мн. ч.). Сравнительная степень образуется с помощью приставки *по-*: *по́-голя́м*, превосходная степень — с помощью приставки *най-*: *на́й-голя́м*. Эти приставки образуют степени сравнения не только от качественных прилагательных и наречий, но и от некоторых существительных и даже глаголов: *по́-юна́к*, *по́обичам* («более любить», «предпочитать»).

§ 180. Некоторые местоимения (в частности, личные), в отличие от существительных и прилагательных, имеют три падежные формы: именительную, дательную и винительную. Именительный падеж служит для выражения подлежащего, винительный падеж — прямого дополнения, дательный падеж — косвенного и приименного дополнений; например: именительный падеж *аз*, *ти*, *той*, *тя*, *то*, дательный падеж полные формы *мене*, *тебе*, *нему*, *ней*, *нему*, краткие формы *ми*, *ти*, *му*, *й*, *му*, винительный падеж полные формы *мене*, *тебе*, *него*, *нея*, *него*, краткие формы *ме*, *те*, *го*, *я*, *го*. Характерной особенностью болгарского синтаксиса является употребление полной формы местоимений вместе с краткой: *не́го го кури́шум не лóви* («его пуля не берет»); *на ме́не ни́що не ми да́доха* («мне ничего не дали»). Притяжательные местоимения употребляются при логическом ударении. Обычно в их роли выступают краткие формы дательного падежа личных и возвратных местоимений: *ми*, *ти*, *му*, *й*, *ни*, *ви*, *им*, *си*, например: *това́ е дома́шното ми упражне́ние* («это мое домашнее упражнение»).

*Личные местоимения 1-го и 2-го лица
и возвратное местоимение*

Единственное число

И	<i>аз</i>	<i>ти</i>	—
Д	<i>мене, ми</i>	<i>тебе, ти</i>	<i>себе, си</i>
В	<i>мене, ми</i>	<i>тебе, те</i>	<i>себе, се</i>

Множественное число

И Д В	ние нам, ни нас, ни	вие вам, ви, вас, ви
-------------	---------------------------	----------------------------

Местоимение 3-го лица ОН

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср р	Жен р
И Д В	той нему, му него, го	то нему, му него, го	тя ней, и нея, я

Множественное число

И Д В	те тям, им тях, ги
-------------	--------------------------

§ 181. Болгарский глагол характеризуется развитой системой времен. Он имеет формы настоящего времени, а также несклоняемые формы прошедшего и будущего времени. В отличие от других славянских языков, в болгарском языке неопределенного наклонения. Поэтому основной формой глагола считается форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, вместо инфинитива употребляется сочетание формы настоящего времени глагола с союзом *да*: *искам да работя* («хочу работать»). Это сочетание изменяется по числам и лицам: *искам да работиш, искаме да работим* и т. д.

Глагол имеет три спряжения. Первое спряжение характеризуется тематическим гласным *-е-*: *четеш, тьчеш*; второе спряжение — гласным *-и-*: *работиш, държиш*; наиболее продуктивным является третье спряжение — с гласным *-а-*: *обичаш, пътеш*, которое имеет в 1-м лице единственного числа окончание *-а* (первое и второе спряжения имеют *-а*, *-я*: *пийша, работя*). Будущее время образуется от глаголов обоих видов с помощью частицы *ще* (3-е лицо ед. ч. глагола *ща* — «хотят»: *ще пийша, напиша, пийшеш, напишеш* и т. д. Простыми формами прошедшего времени являются аорист и имперфект, например: аорист от *плета* («плести») — *плетох, плете, плете, племе, плетохте, плетоха*, имперфект от *чета* («читать») — *четеше, четеше, четяхме, четяхте, четяха*. Сложные прошедшие времена образуются сочетанием форм вспомогательного глагола

съм и причастий на *-л*. Наиболее часто встречается перфект: *купѝл съм, купѝл си* и т. д., а также давнопрошедшее или прошедшее предварительное время: *бях купѝл, бѣше (бе) купѝл* и т. п. Наряду с этим имеется еще ряд форм, выражающих законченность и незаконченность действия в прошедшем и будущем, определенность и неопределенность, прямое и не прямое высказывание.

ОБРАЗЦЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

Настоящее время

Единственное число

1-е лицо	<i>чет-а</i>	<i>ра́бот-я</i>	<i>пѣту́в-ам</i>
2-е лицо	<i>чет-ѣш</i>	<i>ра́бот-иш</i>	<i>пѣту́в-аш</i>
3-е лицо	<i>чет-ѣ</i>	<i>ра́бот-и</i>	<i>пѣту́в-а</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>чет-ѣм</i>	<i>ра́бот-им</i>	<i>пѣту́в-аме</i>
2-е лицо	<i>чет-ѣте</i>	<i>ра́бот-ите</i>	<i>пѣту́в-ате</i>
3-е лицо	<i>чет-а́т</i>	<i>ра́бот-ят</i>	<i>пѣту́в-ат</i>

Будущее время

Единственное число

1-е лицо	<i>ще пи́ша</i>	<i>ще дѣржа́</i>
2-е лицо	<i>ще пи́шеш</i>	<i>ще дѣржи́ш</i>
3-е лицо	<i>ще пи́ше</i>	<i>ще дѣржи́</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>ще пи́шем</i>	<i>ще дѣржи́м</i>
2-е лицо	<i>ще пи́шете</i>	<i>ще дѣржи́те</i>
3-е лицо	<i>ще пи́шат</i>	<i>ще дѣржа́т</i>

Имперфект

Единственное число

1-е лицо	<i>четя́-х</i>	<i>стрѣля-х</i>	<i>бях</i>
2-е лицо	<i>четѣ-ше</i>	<i>стрѣля-ше</i>	<i>бѣше (бе)</i>
3-е лицо	<i>четѣ-ше</i>	<i>стрѣля-ше</i>	<i>бѣше (бе)</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>четя-хме</i>	<i>стреля-хме</i>	<i>бяхме</i>
2-е лицо	<i>четя-хте</i>	<i>стреля-хте</i>	<i>бяхте</i>
3-е лицо	<i>четя-ха</i>	<i>стреля-ха</i>	<i>бяха</i>

Аорист

Единственное число

1-е лицо	<i>плето-х</i>	<i>направи-х</i>
2-е лицо	<i>плете</i>	<i>направи</i>
3-е лицо	<i>плете</i>	<i>направи</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>плето-хме</i>	<i>направи-хме</i>
2-е лицо	<i>плето-хте</i>	<i>направи-хте</i>
3-е лицо	<i>плето--ха</i>	<i>направи-ха</i>

Перфект

Единственное число

1-е лицо	<i>купил съм</i>
2-е лицо	<i>купил си</i>
3-е лицо	<i>купил (е)</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>купили сме</i>
2-е лицо	<i>купили сте</i>
3-е лицо	<i>купили (са)</i>

Плюсквамперфект

Единственное число

1-е лицо	<i>бях купил</i>
2-е лицо	<i>беше (бе) купил</i>
3-е лицо	<i>беше (бе) купил</i>

Множественное число

1-е лицо	<i>бяхме купили</i>
2-е лицо	<i>бяхте купили</i>
3-е лицо	<i>бяха купили</i>

Действительное причастие настоящего времени образуется с помощью суффиксов *-ящ, -ещ, -щ*: *четящ, живеещ, стрелящ*, и изменяется по родам и числам. От основы аориста образуется страдательное причастие прошедшего времени: *познат, донесен, организиран*. Деепричастия образуются посредством суффикса *(-е)йки*: *четейки, хобдейки, глэдайки*.

§ 182. В X—XIV вв. литературным языком в Болгарии являлся старославянский язык. Он был языком славянского богослужения. Поэтому все дошедшие до нас памятники старославянской письменности — евангелия, псалтыри, требники и т. п. — церковнослужебного или литургического содержания. Уже в XI—XII вв. живая болгарская речь содержала некоторые отличия от норм старославянского языка. Однако литературный язык был архаичным и почти не отражал черты народной речи.

Наиболее важными памятниками XII в. являются Добромирово евангелие и Болонская псалтырь. На протяжении XII—XV вв. (так называемый «среднеболгарский период») болгарский язык претерпел глубокие изменения в фонетической структуре и грамматическом строе. Многие особенности новоболгарской морфологии находят отражение в Троянской притче, памятнике XIV в. Наши сведения о болгарском языке XV—XVI вв. опираются на грамоты, писанные в Молдавии и Валахии. После захвата турками в 1393 г. болгарской столицы Тырново Болгария на многие века прекращает свое самостоятельное существование. Богатая болгарская культура разрушается чужеземными захватчиками, письменность запрещена. Однако, несмотря на турецкое иго, грамматический строй болгарского языка и его основной словарный фонд сохранились.

Новый подъем славянской письменности в Болгарии начинается со второй половины XVI в. Теперь уже пишут на «препростейшем языке некнижном». Эта новоболгарская письменность (дамаскины — по имени греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита) получила широкое распространение в XVII—XVIII вв. на всей болгарской территории. Дамаскины не отражают единой языковой нормы и поэтому дают богатый материал для исторической диалектологии.

Борьба за единый литературный язык началась с середины XIX в. и была связана с формированием болгарской нации. Литературный язык сформировался на основе северо-восточных болгарских говоров, бывших родными для виднейших деятелей болгарского национально-освободительного движения и литературной борьбы — Люб. Каравелова, Хр. Ботева, Ив. Вазова, Петко Славейкова и других. Во второй половине XIX в. болгарский литературный язык испытал глубокое влияние русского языка. Это отразилось прежде всего в области научной, технической, военной терминологии и в языке публицистики. В XX в. на литературный язык все большее влияние ока-

зывают западные говоры, на территории которых находится столица страны София. Многие элементы этих говоров уже вошли в литературный язык.

§ 183. Глубокие изменения в общественной, экономической и культурной жизни Болгарии вызвали перестройку языковедческой работы и нацелили ученых на решение первоочередных вопросов, связанных с нормализацией литературного языка и повышением языковой культуры. При Болгарской Академии наук создается Институт болгарского языка, органом которого становится журнал «Болгарский язык» (с 1951 г.). Вплоть до последнего времени журнал редактировал профессор Л. Андрейчин (1910—1975).

Наибольшее значение для решения проблем культуры болгарского языка имеет лексикографическая работа. Современная жизнь с быстрым развитием научных отраслей и общественными преобразованиями обусловила потребность в нормативном и более или менее полном словаре болгарского языка. Имевшиеся словари лишь в слабой степени могли удовлетворить эти нужды. Знаменитый «Словарь болгарского языка» Найдена Герова («Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски», т. I—V. Пловдив, 1895—1904; т. VI, вышедший в 1908 г., содержит дополнения) был ориентирован на народный язык и не имел нормативных задач. «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» (Москва, 1885—1889) А. Л. Дювернуа, напротив, опирался на книжный язык и не мог удовлетворить практические потребности. «Болгарский толковый словарь» под редакцией Ст. Младенова и А. Теодорова-Балана (1859—1959), вышедший в 1927—1951 гг., был доведен только до конца буквы К.

В связи с этим коллектив известных языковедов (Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Теодоров) создал в 1955 г. «Болгарский толковый словарь», содержащий около 45 тысяч слов и отразивший современную литературную лексику. В 1963 г. вышло второе издание словаря. Одновременно под руководством Ст. Романского (1882—1959) велось издание академического «Словаря современного болгарского литературного языка» в трех томах. Он содержит около 70 тысяч слов и опубликован в 1955—1959 гг. Этот словарь стабилизировал литературную норму болгарской лексики, охватывая материал с середины XIX в. до нашего времени. Его нормативный характер проявляется, во-первых, в отборе слов и значений в основном из живых и актуальных слоев словарного запаса, в особенности из современных областей деятельности (толкование каждого слова и иллюстрация его употребления самыми типическими значениями служат той же цели), во-вторых, в словаре проведен опыт стилистической регламен-

тации слов и значений в соответствии с современным употреблением, причем по мере возможности поддерживаются живые моменты в лексике с одновременным указанием на устарелость, диалектную принадлежность или заимствованный характер слова.

Большое внимание уделяется изданию орфографических словарей и словарей иностранных слов. Среди первых следует отметить: «Орфографический словарь болгарского литературного языка» Ст. Романского (1952) и «Орфографический словарь болгарского литературного языка» Л. Андрейчина, Вл. Георгиева, Ив. Лекова и Ст. Стойкова, вышедший седьмым изданием в 1971 г. Наиболее популярен «Словарь иностранных слов болгарского языка» А. Милева, Й. Браткова и Б. Николова, вышедший третьим изданием в 1970 г. С 1962 г. коллектив авторов (Вл. Георгиев, Ив. Гылыбов, Й. Займов, Ст. Илчев) издает «Этимологический словарь болгарского языка» (появилось 8 выпусков до конца буквы З). Из других словарных изданий важны: «Болгарский синонимический словарь» Л. Нанова (5-е изд., 1968), «Словарь болгарских личных имен и фамилий» Ст. Илчева (1964), «Ударение в болгарском литературном языке» Хр. Кодова (1966).

Естественно, что болгарские лингвисты уделяют много внимания исследованиям звуковой и грамматической сторон родного языка. Фонетике и литературному произношению посвящены книги Ст. Стойкова «Введение в фонетику болгарского языка» (3-е изд., 1966) и «Болгарское литературное произношение» (1955). Сведения по фонетике содержатся и в лучших грамматических пособиях. Важную роль сыграла «Основная болгарская грамматика» Л. Андрейчина (1944), переведенная на русский язык под названием «Грамматика болгарского языка» (1949). Научное описание грамматического строя болгарского языка содержат следующие работы: «Современный болгарский язык» Л. Андрейчина, К. Попова, М. Иванова (т. I, 1954, т. II, 1957), «Болгарский язык» Л. Андрейчина, Н. Костова, К. Мирчева, Е. Николова, Ст. Стойкова (1955), «Грамматика болгарского литературного языка. Фонетика и морфология» Ст. Стоянова (1964); «Современный болгарский язык. Синтаксис» К. Попова (2-е изд., 1963). Для широких читательских кругов предназначена работа А. Теодорова-Балана с характерным названием «Новая болгарская грамматика для каждого» (т. I, 1959, т. II, 1955, т. III, 1958, т. IV, 1961). Этому труду вредит лишь особая грамматическая терминология автора. Научно-популярный характер носят также работы, посвященные частным вопросам, например: «Синтаксическое согласование в болгарском языке» К. Костова (1964), «Употребление именного члена в болгарском языке» Ст. Стоянова (1965), «Болгарские глагольные времена» В. Станкова (1969), «Болгарский язык через века» К. Мирчева (1964), «Болгарские народные говоры» Ст. Стойкова (1964) и др.

§ 184. В последние десятилетия болгарская общественность с большим вниманием относится к стремлению поднять культуру болгарского литературного языка. Забота о культуре письменного и устного слова является прежде всего следствием многогранной и повседневной работы болгарских языковедов. Они регулярно помещают статьи и заметки по вопросам языковой практики как в специальных журналах, так и в изданиях общекультурного и политического характера. Все чаще появляются популярные пособия по стилистике болгарского языка, научно-популярное изложение отдельных проблем болгарской грамматики, словари и справочники нормативной направленности. Уже сделаны попытки теоретического обобщения сущности языковых норм. За всем этим стоит серьезная и планомерная работа болгарских языковедов по глубокому изучению лексического состава болгарского языка, его грамматического строя, истории формирования литературного языка, фонетике и диалектологии.

Характерной особенностью, отличающей западные и восточные болгарские говоры, является произношение замен старого *ѣ*. На западе вместо него всегда произносится *e* (*брег, брегове*), на востоке — то *'a*, то *e* в зависимости от ударения и качества последующих согласных (*бряг, брегове, мляко, млечен* и др.).

Длительное время болгарские лингвисты и общественные деятели уделяли большое внимание спорам по вопросам правописания, которые неизбежно связывались с взаимоотношением восточноболгарских и западноболгарских элементов в составе литературного языка, а также пуристической борьбе с заимствованными лексическими единицами — греческими, турецкими, отчасти русскими и западноевропейскими. Преимущественно этим проблемам, а также разбору языка отдельных писателей был посвящен журнал «Родная речь» (1927—1943), выходивший под редакцией известного языковеда Ст. Младенова (1880—1963) и историка литературы Ст. П. Василева.

§ 185. Теоретические исследования, в которых детально анализируется структура языка и раскрываются тенденции языкового развития, — необходимая база решения проблем языковой культуры. Поэтому книга Л. Андрейчина «На языковом посту» (1961) — важное и показательное явление в развитии болгарского языкознания. В ней собраны статьи, содержащие как теоретические высказывания по культуре речи, так и замечания о языковой практике. В них освещаются спорные вопросы фонетики и литературного произношения, морфологии и синтаксиса, лексики, стилистики и правописания. Дается критический анализ актуальных проблем, в частности осуждаются языковые штампы в публицистической речи. В статье «Язык, языкознание, языковая культура» автор характеризует задачи борьбы за усовершенствование

ние языка и определяет культуру речи как «языковую подготовку к умению правильно и целенаправленно использовать богатые выразительные средства языка». В статье «Литературный язык, языковые нормы и правильность речи» Л. Андрейчин говорит о сущности языковых норм в области произношения, отбора слов и форм и построения предложений. Автор различает языковые правила и языковые нормы. Если первые отражают закономерности языковой системы, то вторые касаются тех случаев, когда в литературном языке под влиянием диалектов или разговорной речи интеллигенции существуют различия и варианты. Общественный характер и природа языка ведут к нормализации литературного языка. Поэтому нормы литературного языка — это естественное и закономерное явление.

При выявлении нормы следует соотноситься с тенденциями языкового развития, сохранением чистоты языка, учетом существующей практики и устоявшегося употребления, возможностями усвоения норм широкими слоями пишущих и говорящих. При колебаниях нормы критерием может стать преобладающее употребление, поддержанное и обоснованное в литературном языке научным анализом, который поможет вскрыть достоинства или недостатки каждого варианта и указать нормы употребления, не дожидаясь результатов стихийного языкового развития.

Л. Андрейчин настойчиво подчеркивает, что нормативность литературного языка не означает прекращения языковых изменений. Нормы сами являются продуктом исторического развития, поэтому наличие языковых дублетов и колебаний нормы — обычное свойство литературного языка. Последние не могут быть устранены в результате постороннего вмешательства, однако это не значит, что следует прекратить все попытки их регулирования.

В статье «Стиль и языковое мастерство. Стилистика» автор обращается к проблемам стиля. Отражение действительности, по его мнению, в процессе общения может быть более конкретным, более отвлеченным или насыщенным чувством, адресованным определенному кругу людей. Поэтому в процессе высказывания происходит сложный отбор наиболее подходящих средств выражения, в соответствии с целевой установкой и конкретной ситуацией общения. В речи общественных групп или отдельных лиц появляются типичные особенности. Так возникают более или менее отличающиеся индивидуализированные формы речи, которые именуется стилями. Стилем, следовательно, называется «характерный способ использования выразительных средств в речи, который зависит от различных факторов (объект и цель сообщения, индивидуальное своеобразие автора, традиция и т. п.)» В соответствии с двумя основными способами отражения действительности Л. Андрейчин различает два стиля речи: логический (интеллектуальный) и образно-эмоциональный. Первый (стиль научной и научно-популярной литературы, официаль-

ные выступления) воздействует преимущественно на сознание. Второй (стиль художественной литературы и отчасти публицистика) воздействует также и на чувства. Кроме этого, автор различает также коллективные стили общенародного языка: разговорный, административный (официальный), научный, художественный, публицистический. Эти коллективные стили формируются на одном и том же материале, но для каждого из них характерны определенные словоупотребление и фразеология, известные синтаксические обороты.

Изложенная выше здоровая и разумная позиция болгарского лингвиста разбивает укоренившееся в Болгарии мнение, что деятельность в области языковой культуры ограничивается борьбой с употреблением заимствованных слов (языковой пуризм) и спорами по вопросам орфографии и пунктуации. Л. Андрейчин преодолевает этот узкий подход к проблемам культуры речи (а за ним стоит деятельность виднейших болгарских языковедов недавнего прошлого, академиков Ст. Младенова и А. Теодорова-Балана) и обращает внимание не только на лексические и орфографические вопросы, но и на проблемы морфологии и синтаксиса, стилистики и орфоэпии.

Большой интерес представляет книга М. Москова «Борьба с иностранными словами в болгарском литературном языке» (1958), содержащая историю болгарского пуризма в хронологических рамках 1878—1944 гг. Автор полагает, что языковой пуризм, стремление к очистке языка от чуждых слов появляется лишь с возникновением современных наций в буржуазном обществе. Побудительными причинами пуризма являются: 1) стремление к созданию национального литературного языка и сохранению его самобытности и своеобразия; 2) борьба с ассимиляцией; 3) стремление устранить или ослабить влияние более развитого языка; 4) националистические и шовинистические тенденции. При оценке заимствованных слов автор полагается на «филологическую культуру» и «здоровое языковое чувство». Поэтому применительно к социалистическому обществу автору приходится отождествлять пуризм с культурой речи.

§ 186. Характерной особенностью, позволяющей сгруппировать болгарские говоры, является произношение замен старого *ѣ*. Все болгарские говоры в связи с этим делятся на западные и восточные. Граница, отделяющая эти два наречия, идет от устья р. Вит через Плевен, Татар-Пасарджик, Мелник к Солуни (Фессалоники). К западу от этой линии *ѣ* произносят как *е*, на восток — *ѣ* произносится то как *'а*, то как *е* в зависимости от различных фонетических условий. Восточное наречие характеризуется также редукцией неударенных *е*, *а*, *о* в *и*, *ѣ*, *у*, значительным смягчением согласных перед *е*, *и* и другими особенностями. Выделяют также северо-восточные говоры.

РУСИЯ

Русия! Колко ни плени
Туй име свято, родно, мило!
То в мрака бива нам светило,
Надежда — в нашите злини!

То спомня ни, че ний кога сме
Забравени от целий свят,
Любов, що никога не гасне,
За нази бди с най-сладък свят!

Русия! Таз земя велика
По шир, по брой, по сила! Тя
С небето има си прилика
И само с руската душа!

Там, там молбите ни се чуват
И в днешния печален час,
Сърца се братски се вълнуват
Осемдесет мильони с нас!

Г е о р г и К а р а с л а в о в

Сипваше зора, когато се прибраха в селото. Минаха през градини, през сокаци, провираха се през телени огради, но стъпниха у дома си, без да ги забележи някой.

— Е, свърши ли?— посрещна ги изплашена Юрталанката.

— Слава богу!— отпусна се Юрталана.— Всичко досега беше благополучно, па да видим занаят...— И като пое дълбоко дима на токущо запалената цигара, въздъхна:— Врекох на света Богородица един овен...

— И хубаво си направил!— похвали го тя.— То, аслъ само ние нищо не сме давали... по-какви сиромаси хора харизват и овни, и юнчета...

— Ето де, сега и ние ще дадем!— натърти Юрталана.— Ха сложи малко хляб и напълни бъкела, че трябва да ходим за фий...

— Ами няма ли да си починете?

— Няма!— сопна се Юрталана и подканн с ръка:— Хайде! Хайде!

Той искаше да излязат колкото се може по-рано, та да не падне никакво съмнение, а тя — няма ли, каже, да си починете. Нейната недосетливост го ядосваше и понякога той я ругаше ожесточено и безмилостно. Но сега не му беше до викове — толкова беше съсипан от тревоги и съмнения. «Женски ум» — рече само с презрение

(Георги Караславов Снаха
София, 1953, с 59—60)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

- Андрейчин Л Грамматика болгарского языка Пер с болг М, 1949
Андрейчин Л, Попов К, Иванов М Съвременни български език
I София, 1954, II София, 1957
Бернштейн С Б Учебник болгарского языка М 1948
Младенов С История на българският език. София, 1935
Мирчев К Историческа граматика на българския език Изд 2 е София,
1962
Попов К Съвременен български език Синтаксис Изд 2 е София, 1963
Стойков С Българска диалектология Изд 2-е София, 1968
Стойанов Ст Грамматика на българския книжовен език Фонетика и
морфология София, 1964
Sławski F Gramatyka języka bułgarskiego Warszawa, 1954
Цонев Б История на българския език I София, 1919, II София,
1934, III София, 1937

II

- Бернштейн С Б Болгарско русский словарь М, 1953
Български тълковен речник Изд 2-е София, 1963
Георгиев Вл, Гълъбов Ив, Заимов Й, Илчев Ст Български
etimологичен речник. София (издание продължаващо се, начало выхода в свет —
1962 г)
Речник на съвременния български книжовен език. I—III София 1955—
1960

МАКЕДОНСКИЯ ЯЗЫК

§ 187. Македонският език — самый молодой из славянских литературных языков. Его развитие началось в 1943 г, когда в ходе освободительной борьбы против гитлеризма было принято решение о превращении Югославии в федеративное государство на основе национального равноправия всех ее народов, в том

числе и македонцев. Основой нового литературного языка явились центральные говоры (Битоль, Прилеп, Велес, Кичево), где относительно слабее было влияние сербского и болгарского языков. В 1945 г. была принята единая орфография, сближенная с сербской графикой, в 1946 г. вышла первая школьная грамматика.

§ 188. В графике следует отметить наличие букв *ѝ, љ, њ*, обозначающих соответствующие мягкие согласные: *свеќа* (серб. *свећа*), *меѓа* (серб. *међа*), *љубов, коњ*, а также *s = ђз, џ = ђж*. В литературном языке употребляется пять гласных: *а, е, и, о, у*; *р* бывает слоговым: *прво, црвен, врвот*. Редуцированным соответствуют *о* и *е*: *сон, пес*; носовым — *а* и *е*: *рака, месо*; согласный *х* в начале слова утрачивается, а в других положениях заменен *в*: *леб (хлеб), зедов, кревко (зедох, крехко)*. Ударение экспираторное, в многосложных словах падает на третий слог от конца слова (в двусложных на первый слог): *водѝница* («мельница»), членная форма *воденѝцата*.

Грамматический строй македонского литературного языка во многом совпадает с болгарским. Следует отметить: 1) аналитический способ выражения падежных отношений: *миризба на сеното* («запах сена»); *срце му тропаше като на заек* («сердце у него билось, как у зайца»); *закити пушка со цвеќа млади* («укрась ружье свежими цветами»); 2) сохранение звательной формы: *Стојане! жено!*; 3) употребление членных форм; в македонском языке наряду с членными формами на *-от, -та, -то* (ср. болг. *-ѝт, -та, -то*) употребляются формы на *-ов, -ва, -во* (для близких предметов) и на *-он, -на, -но* (для далеких предметов): *синко! ами земјава, куќява!.. зар земјата на дедоите така ќе ја оставиме?* («сынчик! а земля, дом наш!.. неужели землю дедов так оставим?»); *човекон први по мостон!*; 4) утрата инфинитива: *во полумракот можеше да се види* («в полумраке можно было видеть»); 5) сравнительная степень с приставкой *по-*: *по-темен, по-топол*; 6) употребление двух местоимений: *таа ги затвори очите* («она закрыла глаза»); 7) богатство глагольных времен и др.

§ 189. Кроме центрального, выделяются еще северный и южный диалекты. Северный диалект, простирающийся на север от Скопле и Куманова, а также занимающий Дольний Полог, характеризуется чертами, близкими сербскому языку. Это *у* из *р*: *мука, рука*, окончание 1-го лица множественного числа *-мо* вместо *-ме, -м*. Южный диалект отличается разнообразием. В окрестностях Салоник находим: *št, žd* из **tj, *dj*; широкий открытый звук в качестве замены *ѣ*; сохранение носового призвука в заменах носовых: *čendo, pentok*.

Тексти

НАРОДНА ПЕСНА

Зора се зори, слнце угреа,
Мајките плачат, сестрите жалат,
Стојна-Стојанка брата не жали.
Облекла Стојна руба партизанска,
Отишла Стојна во гора зелена:
«Горо ле горо, горо зелена,
Горо зелена, шумо бујата,
Чуваш ли брата, брата Јована?
Оздола идат двајца партизани,
Стојна-Стојанка тио ги пита:
«Ој вие двајца браќа партизани,
Дал не видовте моето братче,
Моето братче, младо партизанче?» —
«Стојно-Стојанке, моме убаво,
Сношти го ние брат ти видовме,
Во Прилеп града борба водеше,
Борба водеше сос фашистите,
Сос фашистите, сос Германците.
Алав да ѝ е на негова мајка,
Што го доила и пораснала».

(Од борбата. Народни песни. 1947, с.

М. Г о р

ОТРЫВОК ИЗ ПЕРЕВОДА «СКАЗОК ОБ ИТАЛИИ»

Старикот ја извади пурата од уста, го погледна нејниот крај и воздишуејќи ја истресе пепелта. А после то забележувајќи до себе две деца од Парма, очигледно бра направи грозно лице, се накостреша — тие гледаа на него сери но — ја симна шапката на очи, ги раствори раците, дец се приближија еден до друг, се намрштија, отстапија, старе одеднаж клекна и силно како петел пропеја. Децата се за котеа, затропаа со голите пети по камењата, а тој стана ја поправи шапката и сметајќи дека направил се што тре клатејќи се на несигурните си ноги, отиде натаму.

(М. Г о р к и. Рассказы и приказ
Скопје, 1946, с.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Видоески Б. Основни дијалектни групи во Македонија.— «Македонски јазик», 1960—1961, т. XI—XII.

Конески Б. За македонскиот литературен јазик. Скопје, 1952.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. т. I, II. Скопје, 1952—1954.

Конески Б. Историја македонског језика. Београд, 1966.

Lunt H. G. A grammar of the Macedonia literary language. Skopje, 1952.

Правопис на македонскиот литературен јазик со правописен речник. Скопје, 1970.

Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918.

II

Гавриш К. Македонско-руски речник. Скопје, 1969.

Толовский Д., Иллич-Свицк В. М. Македонско-русский словарь. М., 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ И ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК	
Древние славяне	5
Праславянский язык	9
Фонетические изменения	10
Морфологические изменения	19
Праславянское наследие	24
<i>Дополнительная литература</i>	41
Старославянский язык	42
<i>Дополнительная литература</i>	47
Краткие сведения об изучении славянских языков	49
<i>Дополнительная литература</i>	62
СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Общие сведения о современных славянских языках	63
Восточнославянские языки	67
Краткие сведения по истории восточнославянских языков	—
Русский язык	72
<i>Дополнительная литература</i>	81
Украинский язык	83
<i>Дополнительная литература</i>	96
Белорусский язык	—
<i>Дополнительная литература</i>	106
Западнославянские языки	107
Языковые процессы, характерные для западнославянских языков	—
Польский язык	108
<i>Дополнительная литература</i>	126
Чешский язык	127
<i>Дополнительная литература</i>	150
Словацкий язык	151
<i>Дополнительная литература</i>	178
Серболужицкий язык	179
<i>Дополнительная литература</i>	189
Полабский язык	—
<i>Дополнительная литература</i>	190
Южнославянские языки	191
Вводные замечания	—
Сербскохорватский язык	192
<i>Дополнительная литература</i>	212
Словенский язык	213
<i>Дополнительная литература</i>	220
Болгарский язык	221
<i>Дополнительная литература</i>	225
Македонский язык	235
<i>Дополнительная литература</i>	238